

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1(111)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Январь—март 2012

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ОБЩЕСТВА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН, Наталия ЗОРКАЯ. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме	5
Евгения ЛЁЗИНА. Трансформация политической культуры в посттоталитарных обществах: постсоветская Россия и послевоенная ФРГ в сравнительной перспективе	32
Лариса КОСОВА. Перспективы российской модернизации в контексте международных сопоставлений	64
Наталья БОНДАРЕНКО, Марина КРАСИЛЬНИКОВА, Ксения ЮДАЕВА. Инновационный и предпринимательский потенциал общества	75
МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ	
Владимир ПАНИОТТО, Наталья ХАРЧЕНКО. Кризис в методах опроса и пути его преодоления	100
ОКОЛО НАУКИ	
Лев ГУДКОВ. На зеркало неча пенять, коли рожа крива	109
Авторы номера	117
SUMMARY	118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
В.Я. Мордерер

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1(111)

Quarterly

January–March 2012

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of
the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

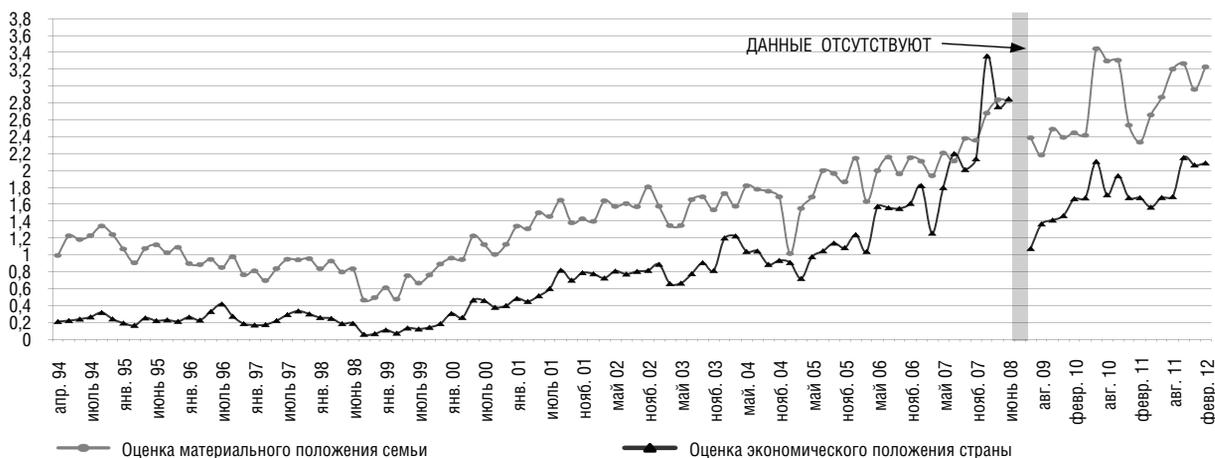
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
SOCIETIES YESTERDAY AND TODAY	
Russian Parliament Election: Electoral Process under Authoritarian Regime (by Lev Gudkov, Boris Dubin, Nataliya Zorkaya)	5
Transformations of Political Culture in Post-Totalitarian Societies. Post-World War II West Germany and Post-Soviet Russia in Comparative Perspective (by Evgenia Lezina)	32
Prospects for Russian Modernization in the Context of International Comparisons (by Larissa Kosova)	64
Innovational and Enterprising Potential of the Society (by Natalya Bondarenko, Marina Krasilnikova and Xenia Yudayeva)	75
RESEARCH METHODS AND TECHNIQUES	
The crisis in the survey methods and ways to overcome it (by Nathalya Kharchenko and Vladimir Paniotto)	100
AROUND SCIENCE	
«The Looking Glass is not to Blame if your Own Face is Plain» (by Lev Gudkov)	109
Autors of the issue	117
SUMMARY	118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

С началом избирательного цикла 2011–2012 гг. оценки положения дел в стране и в семье начали расти.

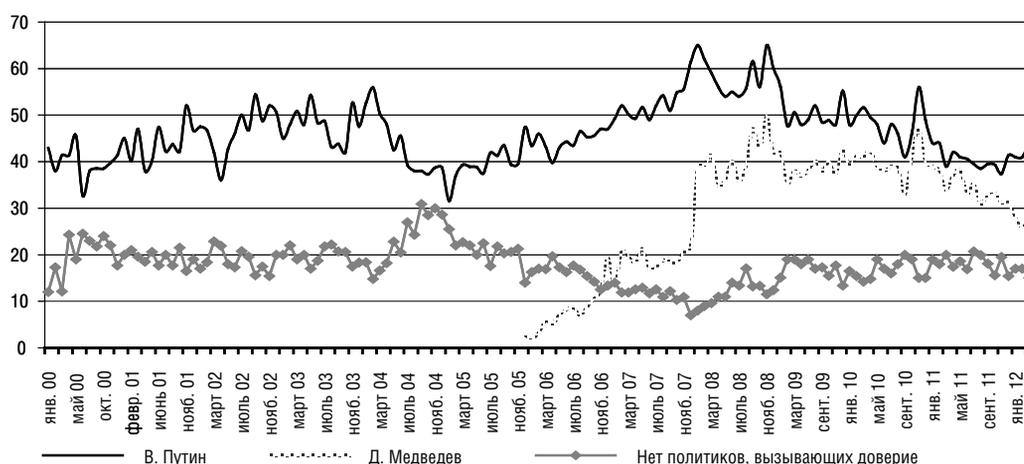
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

Уровень недовольства, вызванного социально-экономическими причинами, заметно понизился в период предвыборной кампании 2011–2012 гг. на фоне популистских обещаний властей, повышения зарплат, пособий и пенсий. При этом вероятность массовых социальных протестов оценивается выше, чем раньше, но готовность принять в них участие, напротив, снизилась. Оценки вероятности политических протестов также растут, особенно в Москве. Поддержка демонстраций политического протеста, прошедших в Москве и других городах, составляла в декабре 44% в среднем по стране, в Москве же она достигла 59%.

Доверие к Д. Медведеву и В. Путину среди других политиков (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

Вариант ответа	2008			2009			2010			2011			2012			
	I	VI	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	VII	XI	XII	I	II	III
Голикова Т.	1	1	2	2	2	4	2	2	4	3	4	3	2	2	1	1
Грызлов Б.	3	3	4	4	3	4	4	4	3	4	3	2	3	3	2	1
Жириновский В.	10	7	9	10	11	11	9	10	11	10	14	15	16	12	10	9
Зубков В.	14	6	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	2	1	1
Зюганов Г.	9	9	7	9	9	10	8	9	8	9	11	15	15	12	14	14
Иванов С.	23	13	7	7	6	4	3	6	4	5	3	1	2	3	1	1
Кудрин А.	1	1	1	1	3	3	2	3	3	3	2	2	6	5	3	3
Лавров С.	2	3	4	6	6	6	4	6	4	6	8	3	4	5	4	4
Лужков Ю.	8	6	7	6	8	5	3	4	1	2	1	1	1	<1	1	<1
Лукашенко А.	2	4	5	3	4	4	2	2	3	2	2	2	2	1	1	2
Матвиенко В.	3	4	7	4	6	7	3	3	5	3	8	4	5	5	4	4
Медведев Д.	39	40	42	42	41	43	39	39	40	39	35	31	31	28	26	28
Миронов С.	5	3	4	3	3	5	4	3	3	3	5	6	10	8	9	6
Патриарх Кирилл	—	—	—	—	—	—	—	—	10	8	7	5	6	7	5	5
Примаков Е.	4	3	3	2	3	5	4	3	4	4	4	3	4	4	2	3
Путин В.	65	55	60	56	53	55	48	48	49	44	40	37	41	41	41	44
Собянин С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3	6	4	4	3
Тулеев А.	4	4	5	3	4	5	3	4	3	4	5	3	4	3	2	2
Хакамада И.	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	4	2	3	2	2	1
Шойгу С.	17	16	14	13	16	17	13	15	13	15	21	10	12	11	11	9
Нет таких	8	14	12	15	15	13	17	16	15	19	21	20	15	17	17	15
Не интересуюсь политиками, политикой	10	12	9	14	13	12	14	17	15	15	15	18	15	17	16	16
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	5	6	6	6	7	5	6	5	5	9	4

ОБЩЕСТВА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Лев ГУДКОВ
Борис ДУБИН
Наталья ЗОРКАЯ

Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме

Предварительные замечания. Чтобы более адекватно оценивать характер и результаты избирательного процесса в России, следует учитывать некоторые особенности массового понимания самой процедуры «выборов», голосования за те или иные партии или за различных кандидатов в президенты, различать типы электорального поведения в условиях политической и гражданской несвободы. Политическая система России радикально отличается от партийно-политических систем демократических стран Западной или Центральной и Восточной Европы, США. Хотя в России принята Конституция, провозгласившая формирование правового государства, разделение властей, независимость суда, свободу деятельности политических партий и средств массовой коммуникации, в действительности ее положения носят декларативный характер, действует государственный контроль над политической сферой и публичным полем, идёт последовательное подавление оппозиции. Возникшие в начале 1990-х годов многочисленные партии, движения, общественно-политические организации, принимавшие участие в выборах (в первых выборах их насчитывалось около 130), представляли собой фракции распавшейся советской номенклатуры, боровшиеся за власть. Основу их до 1999 года образовывали партии власти, поддерживающие президента («Демократический выбор России», «Наш дом – Россия»), и их многообразные идеологические номенклатурные дубли, а также партии реванша или объединения консервативной оппозиции (со-

стоящей прежде всего из представителей советской номенклатуры, утратившей значительную часть своего влияния). Некоторый партийный и политический плюрализм девяностых годов был обусловлен слабостью центральной власти, дезорганизацией государственных институтов, неизбежной после распада общесоюзных структур в 1991-1993 годах, и возникшей в результате этого децентрализацией власти, усилением региональных органов. Слабость центральной власти объяснялась среди прочего и сокращением государственных доходов, вызванных очень глубоким спадом в экономике, длительным, отчасти искусственно затянутым периодом трансформации планово-государственного хозяйства в рыночное. Региональные держатели власти, ранее бывшие в большинстве своем назначенными секретарями обкомов КПСС, никак не могут считаться демократами и либералами. Но их стремление к автономии, дистанцированию от Центра, зависимость от поддержки местных избирателей и региональных групп интересов, конкуренция за ресурсы поддержки создавали пространство для политического маневрирования и торга с федеральной властью. Это определяло параметры политической свободы, возможность выбора между различными политическими и общественными силами для разных групп избирателей.

Приход к власти В. Путина ознаменовал фазу «централизации и укрепления» государства, унификации «правового поля», борьбу с «региональными баронами», «сепаратистами» и т.п. На практике «усиление государства» и «воз-

рождение России» означало изменение состава высшего руководства страны (полное вытеснение прежних реформаторов и замещение их выходцами из органов политической полиции и спецслужб), принципиальную смену курса высшего руководства — отказ от формирования демократической модели государства и планомерное выстраивание авторитарного режима, заинтересованного лишь в сохранении власти. Предпосылками этой политики стали развязывание новой чеченской войны и связанное с этим введение внеправового режима военных действий против гражданского населения на Кавказе, введение цензуры в СМИ, в первую очередь — на ТВ, являющемся главным информационным источником для населения, а также целый ряд административных ограничений на деятельность неправительственных организаций. В конечном счете это привело к принципиальным изменениям электорального законодательства (отмена выборов губернаторов и их назначение президентом, запрет на региональные партии и общественно-политические организации, требования к увеличению численности партий и их представительств, по меньшей мере, в половине регионов, повышение барьера на выборах с 3-5 до 7%, запрет на предвыборные коалиции и избирательные блоки, высокие залоговые для кандидатов на президентских выборах либо необходимость собрать в очень короткие сроки 2 млн. подписей для независимых кандидатов на президентских выборах или самовыдвиженцев, которые не принадлежат к парламентским партиям, представленным в Госдуме, и другие заградительные меры той же направленности). Следует также упомянуть о последовавшем затем ослаблении действия закона о местном самоуправлении — постепенном переходе от выборности мэров крупных и средних городов к их фактическому назначению федеральной властью (через распределение полномочий между мэрами и введение института т. н. «сити-менеджеров»), что существенно ослабило связь региональной и местной власти с волеизъявлением населения.

Параллельно с этим при Путине шло формирование одной суперпартийной структуры — «Единой России». Она взяла под контроль Кремля не только весь бюрократический аппарат управления, но и влиятельные финансово-промышленные группировки, бывшие до того спонсорами местных партий и общественных организаций, а также СМИ, правоохранительные органы, госучреждения и предприятия, находившиеся под контролем государства, систе-

му социального обеспечения, здравоохранения и образования. Введенная в 1999-2001 году (после начала второй чеченской войны) государственная цензура на ТВ и отчасти в крупнейших печатных СМИ, а затем — рейдерство и захват близкими к Кремлю компаниями и бизнес-структурами ведущих информационных компаний превратили информационное пространство в поле государственной пропаганды, поскольку для трех четвертей населения вплоть до конца 2000-х годов три главных телевизионных канала и наиболее массовые газеты («Комсомольская правда», «АиФ» и др.) стали единственным источником сведений о происходящем, задающим конструкцию понимания и интерпретации социальной реальности, не подлежащей проверке средствами повседневного опыта. Опробованные впервые на президентских выборах 1996 года и затем использованные в гораздо более широких масштабах — на думских выборах в 1999 году — новые политтехнологии, включая так называемый «черный пиар», систему дискредитации оппонентов, шантаж и давление на избирателей или на конкурентов и так называемое использование административного ресурса — со временем все шире использовали эту восстановленную монополию на средства массовой информации.

Таким образом, начиная с 2003 года в России установился особый политический режим, при котором исполнительная власть (а точнее — кремлевская администрация президента) определяла, кого допускать к выборам, а кого — нет, сколько времени отводить в телевизионном эфире тем или иным партиям и кандидатам на выборах, кому предоставлять площадки для встреч кандидатов с избирателями и как, в каком объеме проводить те или иные предвыборные акции. Посредством цензуры и систематического управления СМИ телевидение, крупнейшие газеты и радиостанции департаментом внутренней политики администрации президента были превращены в орудия массовой пропаганды и дискредитации политических оппонентов. Зависимые от администрации президента суды в 100% случаев принимали решения в пользу действующей власти, отклоняя иски оппозиции или независимых кандидатов против очевидных нарушений закона при проведении выборов (отказы в регистрации партий или допуске к участию в электоральном процессе, использование административного давления, шантаж или принуждение избирателей голосовать за партию власти, фальсификации на выборах и др.).

В результате, партийная система в России, и до того не способная избавиться от наследственных пороков советской власти (формирование партий сверху в качестве электоральных машин для мобилизации демонстративной поддержки власти и ее держателей), оказалась полностью лишена связи с интересами и волей избирателей. Организованные таким образом «выборы» стали, с одной стороны, симуляцией демократических процедур, фактически превращенных в очень эффективную практику дискредитации и опорочивания самой идеи «демократии» для мало информированных масс, особенно — бедного и необразованного населения провинции, живущей советскими представлениями, а с другой — сохраняли процедуры формальной легитимации власти через санкцию «воли большинства». По существу, это была практика аккламации тех, кто уже находился у власти, то есть организация периодического, церемониального выражения «одобрения» сложившейся властной структуры, своего рода ритуалы демонстрации лояльности режиму. Подобные ритуалы сводились к унижению противников и оппонентов Путина, показу слабости их в качестве политиков, личной ничтожности и каждого в отдельности, и всех вместе, несостоятельности любых попыток противостоять действующей власти. Такая тактика должна была внушить идею безальтернативности режима, бессмысленности и безнадежности любого общественного сопротивления. Обществу навязывалась мысль о необходимости примирения с существующим порядком и согласия с пассивной ролью послушного хора, который поддерживает режим, персонифицированный первым лицом. Абсолютное большинство населения (от 60 до 75% в разных замерах) утратило интерес к политике, полагая, что у «обычных людей» нет средств и возможностей влиять на принятие решений властями, а потому они и заявляли, что не хотят отвечать за то, что происходит в стране, в городе или районе, где они живут. Безразличие, апатия и аморализм стали едва ли не общепринятой формой отношения россиян к политике и ко всей сфере общественно значимых вопросов.

Настроения электората перед выборами. В последние годы — в том числе, под влиянием общемирового экономического и финансового кризиса, реакции российских СМИ на него — стали расти массовые негативные оценки социально-политической ситуации в России.

После 2009 г. все более выраженными в общественном мнении становятся характеристики коллективной жизни в стране как застоя, нарастания хаоса, потери управляемости и проч. Напротив, чувство укрепления порядка, а особенно — ощущение позитивного развития проявляется теперь в массах все слабее (популярность «наведения порядка», ведущего лозунга первого срока путинского президентства, упала за 4 последних года с 42 до 29%, тогда как значимость характеристики «нарастание беспорядка» за это время выросла почти вдвое — с 14 до 26%).

Таблица 1
ЧТО СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ В СТРАНЕ?

	2007 XI	2009 XII	2010 XII	2011 IX
Становление авторитарного режима	13	11	11	16
Наведение порядка	42	42	33	29
Нарастание беспорядка, хаоса	14	19	28	26
Становление демократии	15	9	9	11
Затруднились ответить	15	20	19	18

N=1600

Таблица 2
ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС В РОССИИ - РОСТ И РАЗВИТИЕ, СТАБИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ И ЗАСТОЙ?

	2007 ноябрь	2010 ноябрь	2011 декабрь
Рост и развитие	38	24	18
Стабилизация	31	29	32
Торможение и застой	21	32	36
Затруднились ответить	10	15	14

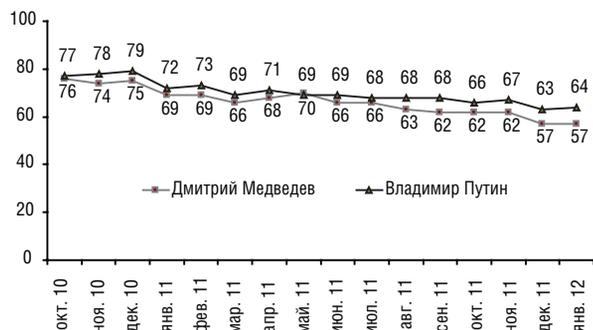
N=1600

Важно отметить, что с 2009 г. начали снижаться оценки конструктивной роли *всех* властных институтов России — от первых лиц и правительства до силовых структур и политических партий. Пошла вниз кривая одобрения деятельности президента и премьера на их постах.

Вместе с тем растут сомнения россиян по поводу того, что оба первых лица смогут добиться существенного успеха в решении проблем, стоящих перед страной. В частности, это относится к чрезвычайно важным для россиян задачам борьбы с коррупцией и обеспечения социальной справедливости.

График 1

ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА И В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕМЬЕРА (по данным вопросов «Одобряете ли Вы деятельность Дмитрия Медведева на посту президента России?» и «Одобряете ли Вы деятельность Владимира Путина на посту председателя правительства России?»)

N=1600

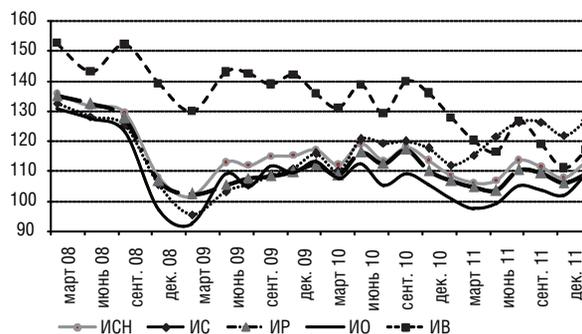
К мировому кризису — тем более ощутимому после некоторого улучшения материальной обеспеченности всех групп россиян накануне его, в 2007-м — начале 2008 года — большинство населения все же так или иначе адаптировалось, и относительно быстро. Люди привыкли, но и только. Уверенности в настоящем и понимания перспектив хотя бы на ближайшее будущее у населения при этом не прибавилось. А это значит, что расчет властей исключительно на апатию и приспособляемость масс выявил свою ограниченность, оказался недальновидным: готовность большинства россиян по привычке и дальше поддерживать власть становилась все более рыхлой и ненадежной.

Можно интегрально охарактеризовать это изменение оценок как нарастание *неопределенности* в коллективных представлениях россиян о власти. Это относится к их пониманию способов и персонального состава руководства (кто и с помощью каких механизмов управляет страной?), основных направлений политики (политическая «линия», курс), ясности и эффективности действий власти (президента, правительства), ближайших перспектив страны. Тем самым оказывается все более зыбкой сама основа сложившегося режима — внушавшаяся официальной пропагандой и принятая большинством населения картина стабильности и предсказуемости жизни в стране.

Россияне стали терять надежду на способность руководства (а соответственно и партии власти) представить эффективную программу по выходу из нынешнего тупикового положения (см. график 2).

График 2

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН) И ЕГО КОМПОНЕНТЫ¹ (Индекс текущего положения семьи (ИС), индекс текущего положения страны (ИР), индекс ожиданий (ИО), индекс оценки власти (ИВ))

Единороссы как партия власти, привыкшая к собственной политической монополии и внеконкурентности, не умеют вести предвыборную борьбу в условиях состязания, особенно — на негативном фоне. Но и предвыборные дебаты представителей других партий, допущенных к выборам, тоже стали на этот раз местом самых общих и бессодержательных деклараций или превратились в межпартийную склоку, полную взаимных обвинений в коррупции, бюрократическом произволе, политической нечистоплотности или неадекватности власти. *Однако ни один из оппонентов ЕР не осмелился затрагивать главную фигуру — В. Путина, персонализирующего авторитарный режим.*

Между тем, перед выборами 2011 года, а затем — в месяцы после них фактически впервые в стране, в политической жизни, в общественной атмосфере стало ощутимым влияние Интернета. Он не мог стать площадкой для практического и корректного обсуждения стратегий развития страны, выдвигаемых разными партиями, но зато оказался удобным местом для критики власти, дискредитации отдельных политиков, тех или иных уколов по адресу тандема или высших чиновников.

Динамика поддержки партий на протяжении предвыборного года свидетельствует о том, что административные механизмы управления настроениями и установками избирателей действовали на пределе возможностей. Об этом говорит тот факт, что, в отличие от всех предшествующих избирательных кампаний, электоральный период 2011 года (август–ноябрь) не сопровождался подъемом общественных надежд

¹ Методика подсчета ИСН URL: < <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-Isn> >

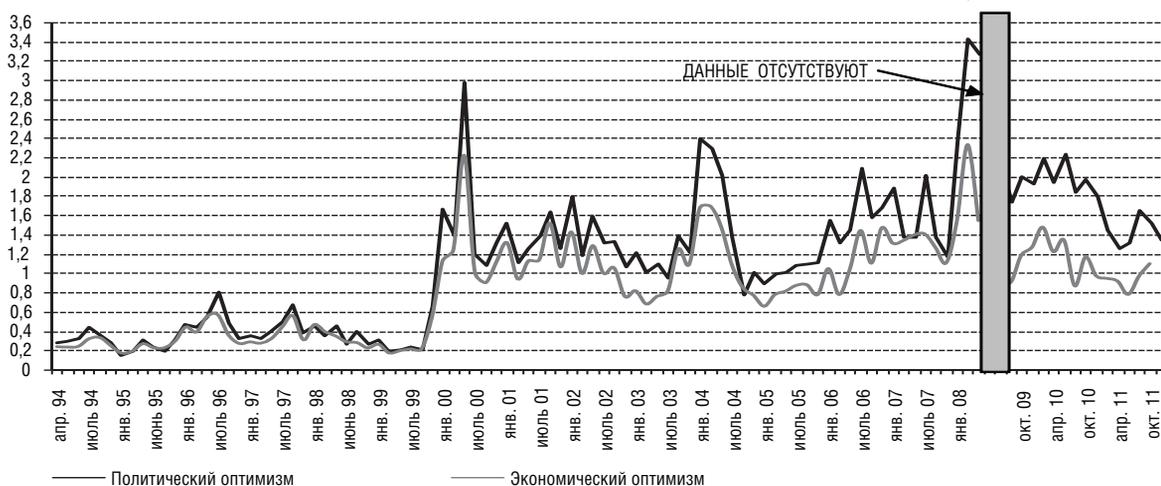
на улучшение жизни, повышение жизненного уровня, ростом общего оптимизма, которые были характерны для прежних электоральных циклов, когда действовали механизмы мобилизации населения на поддержку власти. На этот раз организованного консенсуса не получилось (см. график «Показатели оптимизма», на котором отсутствуют характерные пики 4-х летних циклов мобилизации – 1996, 1999-2000, 2003-2004, 2007-2008 годы; вместо них в 2011 году мы наблюдаем снижение оптимизма).

населения и вольно или невольно вынуждена отвечать за состояние дел в стране. Положение ее в любом случае оставалось двусмысленным: и отказ от участия в дебатах, и слабость выступлений одинаковым образом били по ее имиджу и престижу.

Сравнение рейтингов ЕР в 2011 и 2007 годах показывает заметно более низкий уровень электоральной мобилизации партии власти на нынешних выборах. Такой перелом настроений крайне необычен для электоральных исследова-

График 3

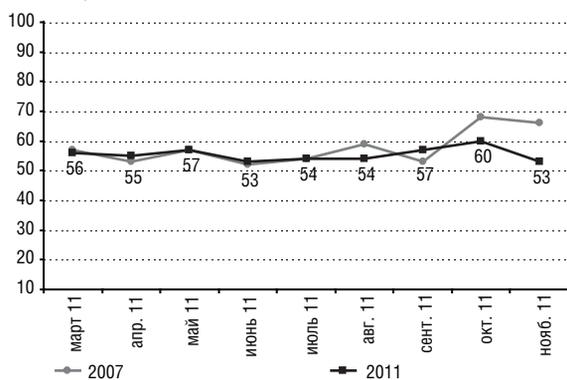
ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (Соотношение давших положительную – «очень хорошее», «хорошее» и «среднее» и отрицательную «плохое» и «очень плохое» – оценки; затруднившиеся с ответом не учитывались)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

График 4

СРАВНЕНИЕ РЕЙТИНГОВ ЕДИНОЙ РОССИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ 2007 и 2011 гг. («Если бы выборы в Государственную Думу России проходили в ближайшее воскресенье, стали бы Вы голосовать на них, и если да, за какую политическую партию Вы бы проголосовали?», в % от числа респондентов, намеренных участвовать в выборах и определившихся с выбором)

Сильнее всего дискредитация предстоящих выборов ударила именно по «Единой России», которая претендует на монопольное представительство национальных интересов

ний, поскольку, как правило, в таких ситуациях мобилизованы все ресурсы и возможности партийной пропаганды. В данном случае по мере приближения выборов негативное отношение к партии власти, как ни парадоксально, нарастает. Впрочем, подчеркнем, что мнение о ЕР как «партии жуликов и воров» разделяют главным образом ее оппоненты. Таким образом, соотношение поддерживающих формулировку А. Навального и возмущенных ею указывает если не на раскол в стране, то на усиливающуюся поляризацию отношения к власти.

Подобный сдвиг оценок, отклоняющихся от обычного распределения, как мы считаем, предупреждает о том, что впереди страну может ожидать достаточно вероятный кризис легитимности выборов, а соответственно и самой политической системы во главе с В. Путиным.

Главным ресурсом нынешнего режима остается бедная и депрессивная провинция, живущая иллюзией того, что правительство сможет вытащить тамошних людей из нужды, поскольку самостоятельно они этого сделать не умеют. В таких обстоятельствах существуют сегодня

Таблица 3

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО «ЕДИНАЯ РОССИЯ» – ЭТО ПАРТИЯ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ?

	Апрель	Июнь	Ноябрь	Январь
Определенно да + Скорее, да	32	33	37	41
Определенно нет + Скорее нет	46	47	44	43
Затрудняюсь ответить	23	20	19	16
Согласные/несогласные	0,7	0,7	0,8	0,9

2011 г., 2012; N=1600

не менее трех пятых, даже, вероятно, до двух третей населения страны. Однако в больших городах, а особенно в столице уровень поддержки ЕР как партии Путина заметно ниже. Так, здесь лишь 21% всех опрошенных готовы голосовать за единороссов, тогда как в деревне 43%. Неприятие или несогласие с действующей властью первоначально (до октября 2011 года) выливалось в центре в отказ от выборов. В Москве вплоть до ноября 2011 г. были готовы идти на выборы (и уже определились с тем, за кого голосовать) 47%, тогда как на селе – 70%. Но затем эта картина начала быстро меняться и к концу ноября она перевернулась: больше половины москвичей в ноябре заявили, что они придут на избирательные участки и проголосуют.

Таким образом, мы имеем дело с намечающимся кризисом партийно-политической системы, построенной вокруг одной чиновничьей суперпартии, предназначенной контролировать бюрократический аппарат, а через него – зависимую от государства значительную часть населения. Эта «вертикаль» дополняется несколькими мелкими партиями, имитирующими оппозицию («системная оппозиция»); им отведена роль абсорбентов массового недовольства режимом. Различные партии собирают разные группы недовольных (одной партии это сделать не под силу), но, притягивая их, КПРФ, ЛДПР, СР тем самым нейтрализуют социальное напряжение, поскольку делают данные слои и группы населения так или иначе, пусть косвенно, но все же управляемыми Кремлем. Как полагают сами избиратели, депутаты, получившие места в Госдуме, почти всегда послушно голосуют за проекты решений, предлагаемые правительством, но в обмен на послушание они допускаются к конкуренции за личные блага и бонусы, а также могут служить отраслевыми или региональными лоббистами при распределении госбюджета.

Ожидания избирателей и интерес к выборам.

Большинство опрошенных с недоверием относились к тому, что выборы и новый состав Думы смогут изменить положение дел в стране к лучшему. За этим скепсисом стоит низкий уровень

доверия к Думе как самостоятельному институту, весьма слабая осведомленность о том, чем заняты депутаты. Так 51% опрошенных в ноябре 2011 г. имели «довольно смутное представление» о том, чем занимались депутаты в течение минувших четырех лет, а 39% не имели об этом вообще никакого представления. До 60% россиян в целом отрицательно оценивают работу депутатов. 70% (август 2011 г.) считают, что депутаты не выполняют своих предвыборных обещаний. У этих последних лидирует объяснение такого поведения депутатов их своекорыстными интересами, борьбой за власть в личных целях (46%), отсутствием у политиков и власти в целом ответственности перед избирателями (33%), стремлением депутатов прежде всего отстаивать интересы самой власти и крупных корпораций, а не обычных людей (20%).

Преобладающая часть россиян – около двух третей опрошенных – ожидала именно смены состава депутатов Госдумы, его существенного обновления. Однако основная масса – 52% россиян – накануне выборов не верили в то, что посредством электоральной процедуры в России можно побудить власти делать то, чего ждут и хотят простые люди. Большинство избирателей были убеждены: речь идет не о всенародных выборах, а о борьбе бюрократических кланов за доступ к государственному бюджету, замаскированную под электоральный процесс и использующую избирателей для сохранения все той же власти.

Таблица 4

ВЫ ХОТЕЛИ БЫ, ЧТОБЫ СОСТАВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПОСЛЕ ДЕКАБРЬСКИХ ВЫБОРОВ ОБНОВИЛСЯ ИЛИ ОСТАЛСЯ ТАКИМ ЖЕ, КАК И СЕЙЧАС?

Остался практически таким же, как сейчас	10
Существенно обновился	38
Практически полностью сменился	26
Затруднились ответить	26

2011 г., август; N=1600

Лишь 34% опрошенных россиян допускали, что будет происходить реальная борьба за власть и места в Думе, большинство же – 51% – пола-

гали, что будет продемонстрирована *имитация* такой борьбы, а распределение мест в Думе будет определено по решению властей.

42% россиян накануне выборов 2011 г. считали, что они будут «грязными» — пройдут с использованием клеветы, нажима на избирателей, махинаций с избирательными бюллетенями и т.п. Верили в то, что выборы окажутся честными и законными, лишь 37%, а 16% затруднились с ответом (что также нельзя отнести к достоинствам нынешней власти и ее партии).

У россиян нет сомнения в том, кому именно предоставляются явные преимущества или в чью пользу употребляется административный ресурс. 47% опрошенных убеждены, что это ЕР, 17% затрудняются ответить, и лишь 32% отрицают сам факт неравенства партий на выборах (остаток по 0.5-3% приписывается другим участникам — СР, ЛДПР или КПРФ).

Нет полного доверия и ЦИК. Преобладающая часть россиян — 46% — считают, что решения, принимаемые им, опять-таки соответствуют интересам прежде всего «Единой России», и лишь треть — 34% — верят, что они направлены на обеспечение равенства всех сторон, 20% (каждый пятый из имеющих право голоса!) — затрудняются ответить.

Почти три пятых — 57% — из тех, кто опасается возможных злоупотреблений на выборах, считали, что эти *махинации или нарушения окажут серьезное влияние* на исход электоральной процедуры. Значительно менее — 35% — рассматривали их как несущественные и полагали, будто они не изменят картину реальной расстановки политических сил.

Большинство опрошенных (54%, декабрь 2011 г.) придерживались мнения, что демократическая суть выборов, а тем самым и закрепленное в Конституции избирательное право граждан извращены бюрократией и фактически уничтожены. Поправки в Закон о выборах, принимавшиеся в течение 2000-х гг., введение политической цензуры были направлены на укрепление вертикали власти путем упразднения важнейшего принципа — избирательной конкуренции, устранения с политического поля реальной оппозиции, превращения демократических выборов в управляемые. На протяжении последних лет большинство респондентов выражало отрицательное отношение к антидемократическим изменениям Закона о выборах, нарушающим конституционные права избирателей. Прежде всего это относится к отмене выборов губернаторов, ставшей мощным средством подавления политической самостоятельности и отсутствием реального партийного строительства на региональном и межрегиональном уровне. Эта отмена запустила механизм разгрузки местных властей от ответственности перед избирателями и сосредоточения ее усилий на том, чтобы прежде всего обеспечить «на местах» поддержку федеральному центру и «партии власти».

Как видим, рост числа недовольных действующим высоким заградительным барьером на выборах в Думу (с 36 до 46% за три года) сопровождается снижением доли индифферентных и некомпетентных (с 34 до 27%) и практически отсутствием изменений среди тех, кто поддерживает действующий порядок ограничений политической конкуренции (30, 30, 30 и 27%).

График 5

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СТОЛКНЕМСЯ ЛИ МЫ НА ПРЕДСТОЯЩИХ В ДЕКАБРЕ ЭТОГО ГОДА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ СО СЛЕДУЮЩИМИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ?

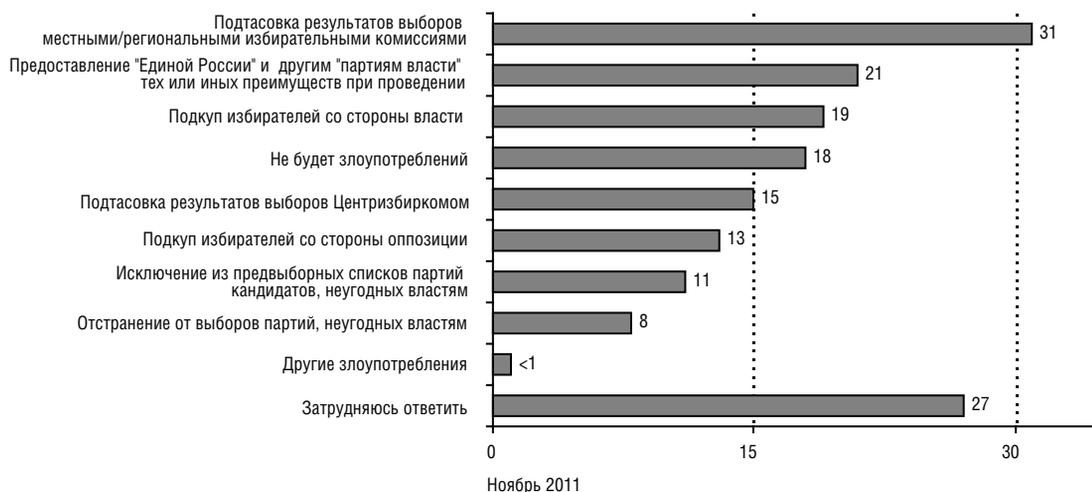

Таблица 5

ВЫ ЛИЧНО ЗА ИЛИ ПРОТИВ ИДЕИ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ПРЯМЫМ ВЫБОРАМ ГУБЕРНАТОРОВ РЕГИОНОВ НАСЕЛЕНИЕМ ЭТИХ РЕГИОНОВ?

	2008	2009	2009	2010	2010	2011
	XI	IV	XI	I	VII	VII
Определенно за	30	20	21	21	22	34
Скорее, за	31	36	33	33	37	34
Скорее, против	13	15	16	15	17	14
Определенно против	6	4	6	7	3	2
Затруднились ответить	18	24	24	24	21	16
Соотношение «за» и «против»	3.2	2.9	2.5	2.5	3.0	4.2

N=1600

Таблица 6

ВЫ ЛИЧНО ЗА ИЛИ ПРОТИВ СНИЖЕНИЯ «БАРЬЕРА» ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ ХОТЯ БЫ ДО 5%?

	2009	2010	2010	2011
	VI	I	VII	VII
Определенно за	9	10	11	17
Скорее, за	27	23	26	29
Скорее, против	22	22	22	20
Определенно против	8	8	8	7
Затруднились ответить	34	37	33	27

N=1600

Ярчайшим признаком крайнего недовольства сложившейся системой и практикой выборов, вместе с чрезвычайно низкой оценкой избирателями своих возможностей каким-либо образом повлиять на политическую жизнь, является очень значительная поддержка населением идеи вернуть в избирательные бюллетени графу «против всех» (67 и 73%).

Таблица 7

ВЫ ЛИЧНО ЗА ИЛИ ПРОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ БЮЛЛЕТЕНИ НА ВЫБОРАХ ВСЕХ УРОВНЕЙ ГРАФЫ «ПРОТИВ ВСЕХ»?

	2010 июль	2011 Июль
Определенно за	30	42
Скорее, за	37	31
Скорее, против	9	8
Определенно против	5	3
Затруднились ответить	18	16

N=1600

Характерно, что *около двух пятых* опрошенных в сентябре 2011 г. *не видели или затруднились назвать среди зарегистрированных партий ту, что выражала бы их интересы.*

Таблица 8

ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ СЕМИ ПАРТИЙ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ, ТА, ПРО КОТОРУЮ ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ОНА ВЫРАЖАЕТ ВАШИ ИНТЕРЕСЫ?

«Единая Россия» под руководством Б. Грызлова	33
Коммунистическая партия (КПРФ) под руководством Г. Зюганова	11
ЛДПР под руководством В. Жириновского	8
«Справедливая Россия» под руководством С. Миронова	4
«Яблоко» под руководством С. Митрохина	2
«Правое дело» под руководством А. Дунаева	2
«Патриоты России» под руководством Г. Семигина	0,1
Нет такой	28
Затруднились ответить	13

2011 г., сентябрь, N=1600

В этих условиях участие в выборах с той или иной мерой осознанности предстает либо как возможность — в большей мере принудительного, чем добровольного — одобрения сложившегося политического режима, либо как форма его критики, пусть и в виде поддержки управляемой Кремлем так называемой «системной

оппозиции». Среди мотивов отказа россиян голосовать от выборов к выборам нарастали негативная оценка политического смысла такого «волеизъявления», недоверие политикам и сознание предопределенности победы партии власти.

Доминантой идеологических и политических взглядов россиян можно считать становящуюся все более выраженной социал-демократическую компоненту, являющуюся естественной и по-своему логичной эволюцией патерналистского понимания отношений между государством и зависимым от него населением. Демократия, как и свобода, в глазах россиян не является сама по себе ценностью: она, как ее трактует большинство опрошенных, должна служить главным образом обеспечению определенного уровня жизни населения и защите его

от произвола властей. Вместе с тем, отметим, что в оценках гражданами своих политических взглядов просматривается куда более дифференцированная картина, чем та, которую мы фиксируем при выражении ими собственно партийных предпочтений. Это еще раз подчеркивает крайнюю узость спектра «партий», допущенных к думским выборам: они — и россияне это осознают — очень приблизительно выражают (а во многих случаях вовсе не выражают) интересы и предпочтений населения.

Важнейшее обстоятельство заключается в том, что граждане с либеральными взглядами, ориентированными, соответственно, на западные модели развития демократии и экономики, на соблюдение гражданских прав и свобод, в нынешней ситуации практически потеряли возможность выразить свои позиции и взгляды

Таблица 9

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ ГОЛОСОВАТЬ ИЛИ СОМНЕВАЕТЕСЬ ОТНОСИТЕЛЬНО СВОЕГО УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ? (в % от тех, кто не собирается голосовать или сомневается)

	2003 ноябрь	2007 ноябрь	2011 Ноябрь
Устал от политики, от борьбы в верхах	12	15	11
Не верю никому из нынешних политиков, не хочу голосовать ни за кого из них	23	20	27
От моего участия и голосования ничего не будет зависеть	24	31	36
Пока не выбрал, за кого голосовать	8	9	11
Все равно победит «Единая Россия»	6	14	24
Выборы будут нечестными, результаты все равно подтасуют	10	4	9
Государственная Дума не пользуется никаким реальным влиянием	2	2	5
Государственная Дума – бесполезный орган/от нее одни скандалы	4	1	4
Депутаты Думы занимаются только своими личными делами	8	2	7
Не разбираюсь в политике/не интересуюсь политикой	8	9	10
Затруднились ответить	21	4	7

N=1600

Таблица 10

КАКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ВЫ СЕЙЧАС ПРИДЕРЖИВАЕТЕСЬ?

	2005 апрель	2011 апрель
Коммунистические взгляды (прежде всего, необходимо соблюдать классовые интересы; за государственную собственность на средства производства и пр.)	17	18
Социалистические и социал-демократические взгляды (государство должно обеспечивать социальную защиту населения в условиях рыночной экономики)	39	40
Аграрные взгляды (прежде всего, необходимо стимулировать развитие сельского хозяйства)	21	19
Русские национально-патриотические взгляды (прежде всего, необходимо соблюдать интересы русского народа)	14	12
Либеральные взгляды (за укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики)	12	12
Режим «твердой руки» (вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера)	22	18
Другие ответы/нет ответа	14	13

N=1600

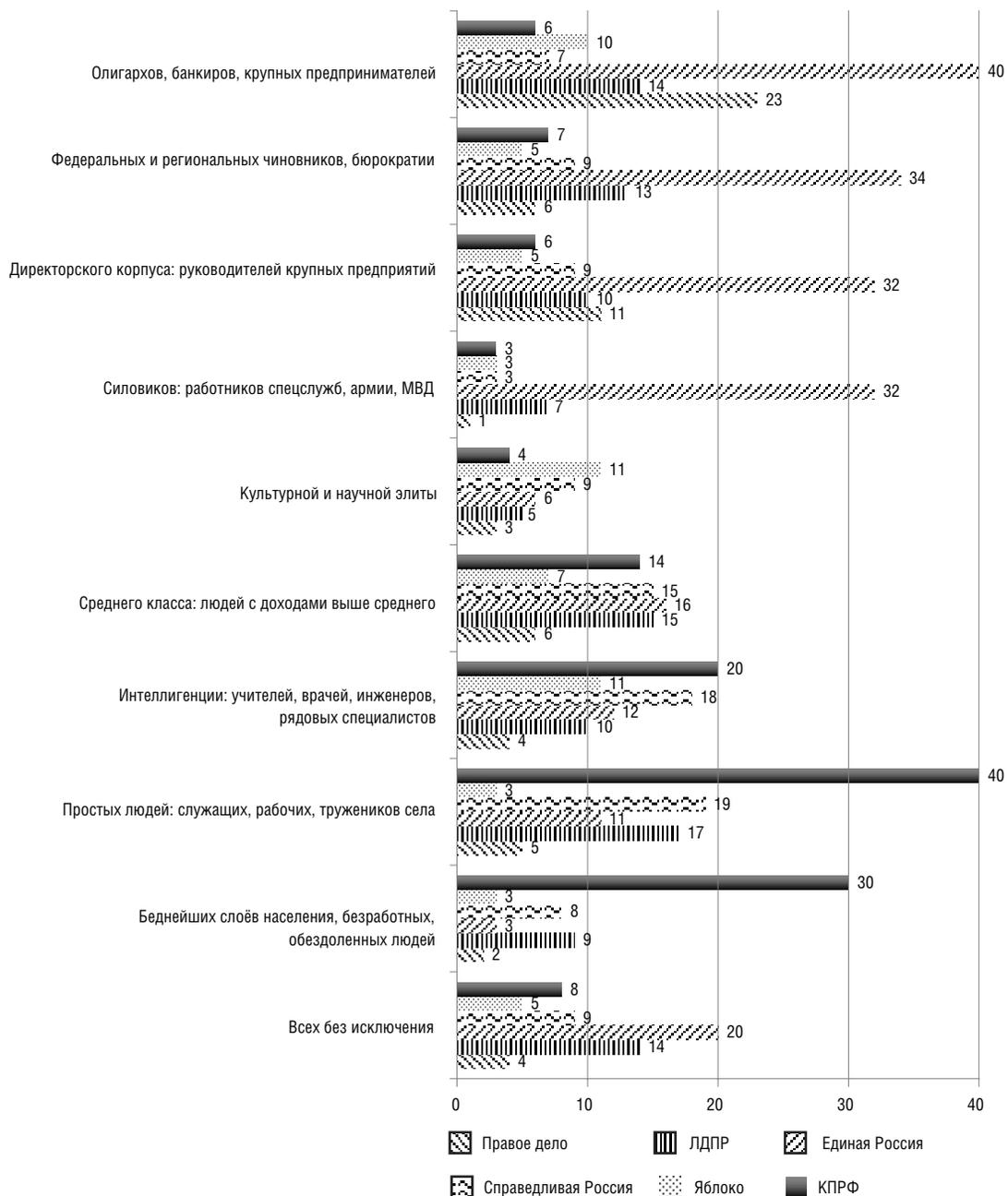
ды: допущенные к выборам «правые» партии полностью утратили, либо, наоборот, не обрели влияния и поддержки в своем потенциальном электорате. Но значительный «запрос» на социал-демократию тоже не находит выражения среди партий, допущенных к выборам. Популистская демагогия партии власти более или менее всерьез воспринимается, как мы уже отмечали, только «социальной периферией», полностью от нее зависимой. Об этом говорит высокая поддержка «Единой России» в депрессивных регионах, средних и малых городах,

среди скорее консервативно настроенных женщин, ограниченных в ресурсах, в том числе — в образовательных и информационных.

Добавим, что в ответах на вопрос о том, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», мы видим, что она воспринимается населением, прежде всего, как партия «олигархов», бюрократии, директората крупнейших предприятий, «силовиков». Лишь незначительное меньшинство считает, что она выражает интересы «простых людей». Этому достаточно согласованному образу партии власти наиболее

График 6

ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОЁВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ДАННАЯ ПАРТИЯ? (в % к числу опрошенных)

отчетливо противостоит образ как бы «народной» партии — КПРФ, защитницы обычных граждан, лишенных привилегий и властных ресурсов.

Несомненно негативное влияние на настроения избирателей оказала «рокировка» в тандеме, объявленная В. Путиным 24 сентября на съезде ЕР. Она делегитимировала высший уровень власти и показала обществу, что в стране нет государственных деятелей, а есть политики, тайком сговаривающиеся между собой для сохранения власти. Но именно это обстоятельство несколько обострило интерес к выборам у оппозиционно настроенной части общества, вяло реагировавшей на предстоящую кампанию и лишь затем, после «рокировки» и волны возмущения, начавшей активно включаться в общественную дискуссию (см. табл. 11: в январе 2011 о своем интересе к выборам заявили 39%, в апреле — 40%, в августе 40, в ноябре 60%). Поэтому — в конечном счете — интерес к выборам и надежды на позитивные перемены в связи с ними (при ожидании, каким бы иллюзорным оно ни было, смены политического курса страны и ослабления Путина) были не ниже, а даже несколько выше, чем в 2003 и 2007 годах (30 в 2003 и 34-43% — в 2011 г., табл. 6).

что в сравнении с 2003-м и, особенно, 2007 годом готовность людей участвовать в думских выборах 2011 года стала заметно ниже. В ноябре 2011 г. его проявили лишь 61% россиян, тогда как в тот же период в 2003 г. — 67%, в 2007 г. — 69%.

Напомним, что предвыборная кампания 2007 г., предшествовавшая началу эпохи правления «тандема», прошла с сильнейшим использованием административного ресурса президента и его окружения в продвижении «партии власти». Напомним, что тогда список «Единой России» возглавил сам Путин, объявленный национальным лидером и выдвинувший для правящей партии власти широко рекламировавшийся «план Путина», который она представляла как свою избирательную программу. Показатели одобрения президента, оценки его деятельности были тогда на пике, в ходе предвыборной кампании они росли и, соответственно, сильнейшим образом повлияли на результаты правящей партии на прошлых выборах.

Избирательная же кампания 2011 г. проходила при спаде одобрения правящего тандема и при значительно сократившейся в период 2007-2011 гг. поддержке правящей партии. Так называемая сентябрьская «рокировка» — отказ

Таблица 11

ИНТЕРЕСУЮТ ЛИ ВАС ПРЕДСТОЯЩИЕ В ЭТОМ ГОДУ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ?

	2003	2007	2011			
	октябрь	октябрь	январь	апрель	август	ноябрь
Определенно да	16	21	8	7	10	22
Скорее, да	32	34	31	33	30	38
Скорее, нет	31	26	36	37	38	26
Определенно нет	18	15	20	18	16	11
Затруднились ответить	3	5	5	5	6	3

N=1600

Таблица 12

ЖДЕТЕ ЛИ ВЫ ОТ ДЕКАБРЬСКИХ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ ПЕРЕМЕН В НАШЕЙ ЖИЗНИ К ЛУЧШЕМУ?

	2007	2011	
	март	январь	апрель
Определенно да	7	7	11
Скорее, да	23	27	32
Скорее, нет	38	36	35
Определенно нет	25	21	17
Затруднились ответить	7	9	5

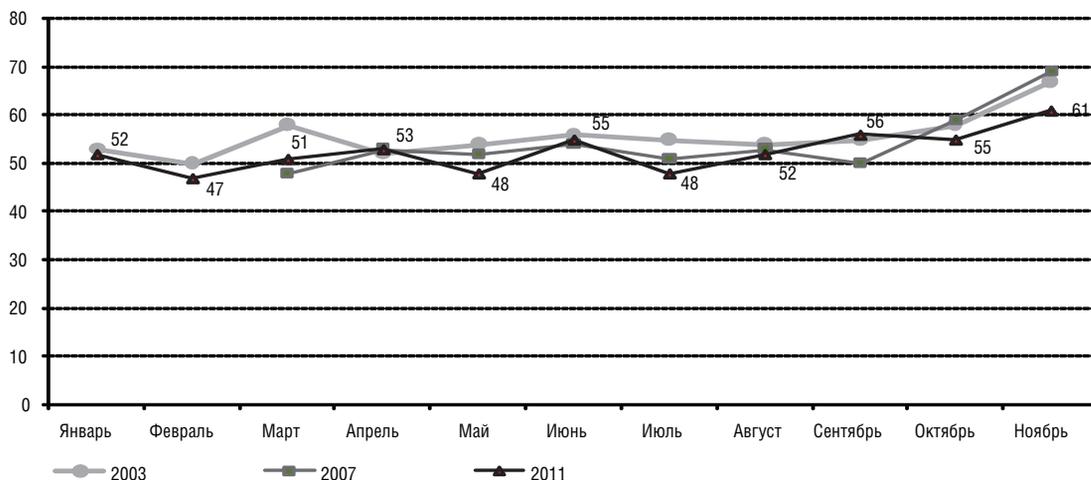
N=1600

Динамика электорального участия. Действие перечисленных факторов резюмируется тем,

Медведева от выдвижения в кандидаты на пост будущего президента, выдвижение Путиным своей кандидатуры на выборы и «назначение» новым лидером Единой России Дмитрия Медведева — по всей видимости, послужила для определенной, довольно значительной части населения *не мобилизующим, а, напротив, демобилизующим фактором, создав ощущение полной непредопределенности событий и иллюзорности борьбы*, с одной стороны. Но, с другой, она *стала фактором, усиливающим и кристаллизующим недовольство*, — особенно для части более активных, критичных, образованных и самостоятельных слоев населения — как возмутительное свидетельство циничного отношения высшего

График 7

НАМЕРЕНИЕ УЧАСТВОВАТЬ В ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ в 2003, 2007 и 2011 г.г. (по данным во-проса «Какое из следующих утверждений наиболее точно отражает Ваше намерение голосовать на предстоящих в конце этого года выборах в Государственную Думу России?», доля тех, кто «совершенно точно» или «скорее всего» собирается голосовать на выборах в ГД РФ)

руководства к роли всеобщих выборов, к ценности права граждан на выбор и к самой Конституции. Отметим, что подавляющее большинство (около 90%) участников протестных митингов «За честные выборы» составляли голосовавшие граждане, причем поголовно – не за «партию власти». Можно предполагать, что это в значительной мере люди, близкие к тем 24% опрошенных, которые в октябре 2011 г. оценили сентябрьскую «рокировку» как «сговор между двумя политиками за спиной народа», хотя столько же опрошенных посчитали тогда, что это «нормальная политическая процедура» (!), а относительное большинство – 42% – что руководители страны просто действовали по заранее согласованному плану, и с их (опрошенных) стороны это не вызвало никакого сопротивления или возмущения. Столько же опрошенных (41%) ответили, что это событие «не вызвало у них никаких особых чувств», поскольку в их сознании власть носит самодостаточный характер

и не зависит от мнений обычных людей, почти треть – 31% – высказали «одобрение», и только 20% в сумме проявили негативные реакции.

Рост доли намеренных голосовать на выборах начался именно в сентябре 2011 г. На то, что в составе потенциальных электоратов произошли примечательные изменения, указывает динамика социально-демографических характеристик потенциального электората в 2007 и 2011 гг.

Рассмотрим эти сдвиги, сравнив социально-демографические показатели респондентов, выбиравших в ноябре 2007 и 2011 гг. в ответах на проективный вопрос, за какую партию они бы проголосовали в ближайшее воскресенье, позицию «Не стал бы голосовать». Подчеркнем: мы сравниваем при этом *высказанные намерения*, а не *реальное голосование*, – это при анализе данных опросов общественного мнения представляется нам более важным и информативным.

Таблица 13

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ УТВЕРЖДЕНИЙ НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ОТРАЖАЕТ ВАШЕ НАМЕРЕНИЕ ГОЛОСОВАТЬ НА ПРЕДСТОЯЩИХ В КОНЦЕ ЭТОГО ГОДА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ?

	2011 Август	2011 Сентябрь	2011 Октябрь	2011 Ноябрь
Уверен, что не буду голосовать на выборах в Госдуму	10	11	12	11
Сомневаюсь, что буду голосовать	13	12	12	9
Не знаю, буду голосовать или нет	21	17	14	17
Скорее всего, буду голосовать на выборах в Госдуму	30	32	33	30
Совершенно точно, буду голосовать на выборах в Госдуму (конечно, если только до этого момента со мной ничего не случится)	22	24	26	31
Затрудняюсь ответить	4	4	4	3

N=1600

Среди не желающих голосовать на 10% выросла доля женщин, а они обычно в большей мере поддерживают «партию власти». Почти в два раза уменьшилась группа не желающих голосовать в самой молодой группе 18-24-летних (долгое время настроенной преимущественно пропутински и скорее аполитичной или политически не активной): с 21% в ноябре 2007 г. она сократилась до 11% в конце ноября 2011 г. Вместе с тем, выросла доля не желающих голосовать ни за какую партию среди старших возрастных групп (в группах старше 40 лет с 50% в 2007 г. до 59% в ноябре 2011 г., причем особенно за счет более пожилых респондентов). Этому соответствует и рост отказывающихся от выбора той или иной партии среди пенсионеров, не работающих по возрасту (с 11% до 22%). Примерно в два раза в среднем сократилась доля отказывающихся от выбора среди независимых предпринимателей, руководителей и специалистов. В два раза сократилась среди определенно «не желающих голосовать» и выбирать доля людей с высшим образованием — с 25% в 2007 г. до 13% в 2011 г.

Значительно возросла среди не голосующих группа относительно бедных, тех, кому «денег хватает только на еду и одежду» (с 30 до 50%), и, напротив, сократилась доля относительно обеспеченных — с 26 до 11%. Что касается типов поселения, то неготовность голосовать несколько снизилась в крупных и средних городах, но выросла на селе (с 17 до 24%).

Иными словами, в сравнении с предвыборными данными 2007 г. в 2011 г. готовность к политическому участию, готовность выбирать ту или иную партию среди опрошенных в целом ощутимо чаще проявляли мужчины, молодые, высокообразованные, относительно благополучные горожане. Можно говорить об активизации более молодых, квалифицированных, информированных и ресурсообеспеченных жителей крупных и крупнейших городов.

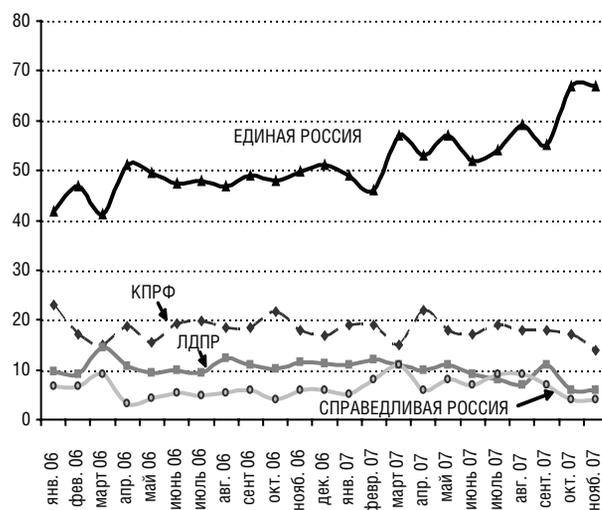
Если сравнить данные августовского и ноябрьского опросов 2011 г. (то есть, до и после «рокировки»), здесь в группе отказывающихся от голосования на выборах также проявляются значимые подвижки, причем в том же направлении. Так в группе «отказников» на 13% возросла доля женщин и несколько увеличилась доля пожилых (55 лет и старше — на 5%). Почти на 10% увеличилась доля не желающих голосовать пенсионеров (с 13 до 22%). Напротив, заметно большую готовность выбирать стали проявлять предприниматели, руководители и

специалисты (но не служащие и рабочие — их готовность голосовать несколько снизилась). Значительно возросла неготовность голосовать среди бедных — тех, кому денег хватает только на еду (с 18 до 29%), и, напротив, понизилась доля не желающих голосовать среди относительно обеспеченных, тех, кому денег хватает и на покупку ТДП (с 21 до 11%). Несколько активизировались при этом москвичи, но, напротив, «демобилизировались» жители сел.

Иными словами, «рокировка» выступила фактором политической демобилизации как раз для тех групп, которые являлись главным ресурсом нынешнего режима — бедной и депрессивной социальной периферии, живущей надеждами на власть и наиболее зависимой от нее. Вместе с тем, она проявила критические настроения и активизировала протестный потенциал более успешных, ресурсообеспеченных, а потому менее зависимых от государства жителей крупнейших городов страны.

Электораты партий и их предвыборная динамика. В графиках 8 и 9 приводится динамика возможного распределения голосов на предстоящих думских выборах, т.е. в пересчете от респондентов, определившихся на момент опроса с участием и выбором партии.

График 8
ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ СОСТОЯЛИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, СТАЛИ БЫ ВЫ ГОЛОСОВАТЬ НА ЭТИХ ВЫБОРАХ? ЕСЛИ ДА, ТО ЗА КАКУЮ ИЗ ЭТИХ ПАРТИЙ ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ? (в % от числа респондентов, намеренных участвовать в выборах и определившихся с выбором)

Обратимся теперь к анализу динамики потенциальных электоратов партий.

График 9

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ ПРОХОДИЛИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, СТАЛИ БЫ ВЫ ГОЛОСОВАТЬ НА НИХ, И ЕСЛИ ДА, ЗА КАКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ?

(в % от числа респондентов, намеренных участвовать в выборах и определившихся с выбором)

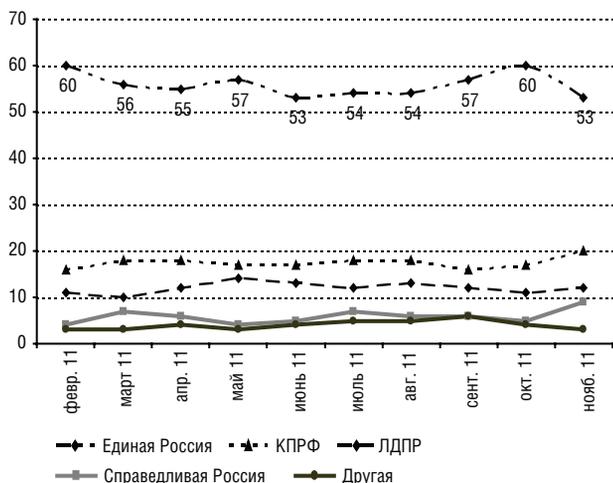
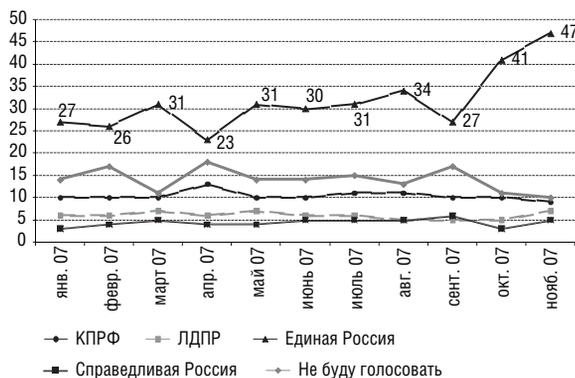

График 10

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ СОСТОЯЛИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, СТАЛИ БЫ ВЫ ГОЛОСОВАТЬ НА ЭТИХ ВЫБОРАХ? ЕСЛИ ДА, ТО ЗА КАКУЮ ИЗ ЭТИХ ПАРТИЙ ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ? (% от всех опрошенных, не приводятся данные по партиям, набравшим менее 3%, и затруднившимся ответить)

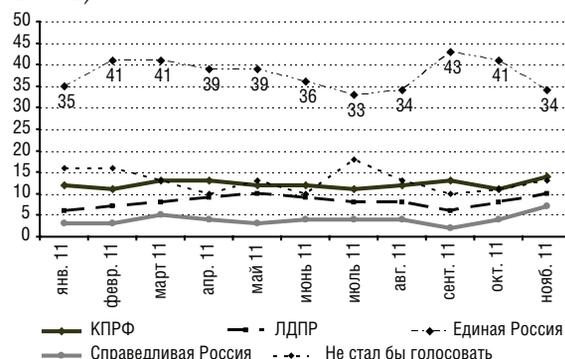
N=1600

В отличие от выборов 2007 г., в 2011 г. уровень поддержки партий на протяжении года практически не менялся – перемены начались в течение двух последних осенних месяцев. Тогда как в 2007 г. от февраля к сентябрю шел постепенный рост поддержки ЕР, значительная мобилизация ее потенциального электората произошла в последние предвыборные месяцы (максимум готовности голосовать за ЕР был достигнут в октябре -ноябре и составлял около 60% от определившихся с участием в выборах и голосованием за конкретную партию). Причем

этот процесс сопровождался, соответственно, снижением готовности голосовать за другие партии.

График 11

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ ПРОХОДИЛИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, СТАЛИ БЫ ВЫ ГОЛОСОВАТЬ НА НИХ, И ЕСЛИ ДА, ЗА КАКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ? (% от всех опрошенных, не приводятся данные по партиям, набравшим менее 3%, и затруднившимся ответить)

N=1600

В течение же 2011 г. уровень поддержки ЕР и других партий колебался в пределах статистической погрешности выборки, а за период с конца октября до конца ноября произошло, напротив, довольно заметное падение готовности россиян поддержать ЕР, сопровождавшееся при этом ростом поддержки партий «системной» оппозиции (в сумме – на 8%). Можно предполагать, что перед нами здесь отложенное воздействие сентябрьской «рокировки» и смены лидера правящей партии, – оно имело, как уже говорилось, демобилизующий эффект на потенциальный электорат «Единой России» и, напротив, мобилизующий – на электорат «оппозиционный» или преимущественно протестный.

То, что поддержка партии власти не только исчерпала ресурсы роста, но и в целом снизилась по сравнению с прошлым избирательным циклом, а протестная составляющая голосования за другие партии возросла, подтверждается данными об изменении социально-демографического состава сопоставимых электоратов допущенных к выборам партий в сравнении с ноябрьскими предвыборными данными 2007 г.

Сравнение социально-демографического состава потенциальных электоратов, то есть тех, кто готов проголосовать за ту или иную партию вне зависимости от готовности участвовать

в выборах, — по данным последних предвыборных опросов 2007 и 2011 гг. также позволяет говорить о примечательных подвижках (из-за малочисленности групп мы не можем анализировать потенциальные электораты «Яблока», «Правого дела» и партии «Патриоты России»).

В потенциальном электорате КПРФ (как мы уже отмечали, она — антипод партии власти в глазах значительной части опрошенных) заметно выросла доля мужчин: с 51% в ноябре 2007 г. до 61% в ноябре 2011 г. Отметим, что именно мужская часть населения оказалась в значительной мере недовольна итогами выборов, в отличие от более конформных женщин (на последовавших за выборами многочисленных акциях протеста в Москве, по данным опросов Левада-Центра, также значительно преобладали мужчины). Возрастной состав электората стал несколько моложе за счет увеличения доли 40–54-летних (+ 10%), на 10%, соответственно, упала доля людей старше 55 лет. И хотя люди зрелого и пожилого возраста все равно составляют подавляющее большинство готовых голосовать за КПРФ (старше 40 лет — 86%), но на этот раз партия привлекла на свою сторону ощутимую часть мужчин и граждан среднего возраста, которые чаще других недовольны ситуацией в стране и которыми отсутствие социальных перспектив в стране ощущается острее, чем самыми молодыми или, напротив, уже отказавшимися от иного будущего, притерпевшимися к своему положению пожилыми людьми. На большую критичность или протестную составляющую возможного голосования за КПРФ указывает и рост среди ее сторонников числа работающих специалистов (с 7 до 12%), служащих (с 3 до 6%). Если в 2007 г. большинство потенциального электората КПРФ составляли самые бедные, те, кто «едва сводит концы с концами» и кому денег хватает только на еду (56%), то в 2011 г. на эти группы приходится уже заметно меньшая доля — 38%, тогда как доля «относительно бедных», тех, для кого проблемой является покупка ТДП, выросла среди сторонников КПРФ с 30 до 50%. Показательно также, что доля москвичей и жителей крупных городов выросла в потенциальном электорате КПРФ с 22 до 29%.

В потенциальном электорате ЛДПР, напротив, несколько сократилось традиционное для этой партии преобладание мужчин (с 68 до 63%). Возрастная структура осталась прежней — преобладают граждане до 40 лет (соответственно 56 и 53%) и особенно самые молодые — их почти четверть (по 24%, в среднем по выборке —

15%). Почти в два раза сократилась доля специалистов, голосовавших прежде за ЛДПР (с 12 до 7%), ощутимо упала доля рабочих (с 50 до 39%), а выросла доля пенсионеров (с 2 до 11%) и безработных (с 8 до 13%). Почти в два раза меньше стала среди сторонников ЛДПР доля жителей крупных городов (с 21 до 11%, при средней 21%), тогда как доля готовых голосовать за нее жителей села примерно на столько же выросла (с 20 до 30%) Иными словами, электорат ЛДПР стал в большей мере представлять социальную периферию, как это и было в конце 1990-х гг.

В потенциальном электорате «Справедливой России» еще сильнее стали преобладать женщины (55 и 60%). Однако потенциальные сторонники СР стали моложе (доля самых молодых выросла с 3 до 8%, группы 25-39 летних — с 17 до 23%, а пожилых — старше 55 лет — упала с 48 до 37%), а также образованнее: доля готовых голосовать за СР выросла с 16 до 27%, доля специалистов с 7 до 18%. Показатели потребительского статуса мало отличаются от средних, но, если говорить о типах поселения, то здесь среди сторонников СР больше (и выше среднего по всем опрошенным) стали представлены жители средних городов.

В наименьшей мере в сравнении с другими изменился социально-демографический состав **потенциального электората «Единой России»**. Колебания в основном составляют около 3%, то есть не являются значимыми. Но все же укажем, что доля ее сторонников в возрасте до 40 лет выросла с 43 до 50%, что соответствует большей склонности значительной части молодых россиян к конформному поведению — голосованию вместе с большинством. Доля людей с высшим образованием в данном электоральном слое несколько упала (на 6 п.п.).

Отметим, что потенциальный электорат Единой России по своим социально-демографическим показателям в наибольшей мере соответствует структуре выборочной совокупности и взрослого населения России в целом. Два значимых отличия — существенное преобладание женщин и уже упомянутая большая представленность граждан до 40 лет — предполагают, с одной стороны, большую конформность поведения, но и большее социальное благополучие.

Однако подчеркнем: полученные нами в ходе опросов *относительно позитивные оценки курса*, по которому движется страна, а также нынешнего *внеконкурентного господства ЕР* фактически складываются *исключительно за счет одобрительных оценок со стороны электо-*

Таблица 14

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОПРОШЕННЫХ (2011) И ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАТА «ЕДИНОЙ РОССИИ» (2007, 2011)

	Всего 2011	Единая Россия 2007	Единая Россия 2011
ПОЛ			
Мужской	45	40	37
Женский	56	60	63
ВОЗРАСТ			
18–24 года	15	16	19
25–39 года	27	27	31
40–54 года	30	30	25
55 лет и старше	29	27	26
УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ			
Высшее	21	24	18
Среднее, среднее специальное	46	47	47
Ниже среднего	33	30	34
РОД ЗАНЯТИЙ РЕСПОНДЕНТА			
Независимый предприниматель	3	5	3
Руководитель, управленческий работник	3	2	3
Специалист без руководящих функций (со спец. образ.)	13	15	15
Военнослужащий, МВД, прокуратура	1	2	2
Служащий без специального образования	9	7	9
Рабочий (в том числе мастер, бригадир), в т.ч. в сельском хозяйстве	31	31	27
Учащийся, студент	5	5	6
Пенсионер	24	23	24
Домохозяйка	6	6	7
Безработный, временно не трудоустроен	5	4	4
РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА			
Москва	7	6	6
Более 500 тыс.	21	19	22
От 100 до 500 тыс.	20	19	20
Города до 100 тыс.	25	28	25
Село	27	28	27

Ноябрь, N=1600

рата самой партии номенклатурной власти – во всех иных группах избирателей явно преобладают отрицательные оценки этих моментов. Вот как выглядят оценки происходящего в стране, нынешнего положения партии власти, которые даются потенциальными электоратами партий, допущенных к выборам, а также россиян, не намеренных в них участвовать.

Даже в потенциальном электорате «Единой России» почти треть (29%) не считает ее самостоятельной политической силой, и еще примерно каждый пятый (это самый высокий показатель среди всех потенциальных электоратов) затрудняется с ответом на данный вопрос. Таким образом, *в сумме около половины потенциальных избирателей партии власти не считают и не признают ее политической самостоятельности.*

Удовлетворенность и неудовлетворенность результатами выборов 2011 года. В сравнении с думскими выборами 2007 г., когда за партию «Единая Россия», возглавленную В. Путиным, проголосовали, по официальным данным, свыше 64% пришедших к избирательным урнам, думские выборы в декабре 2011 года были восприняты российскими гражданами гораздо менее единодушно и менее позитивно. Если по результатам предыдущих выборов 2007 года их назвали честными, согласно данным Левада-Центра, 60% россиян, а нечестными – 20%, то сразу после выборов 2011 г., в середине декабря, относительное большинство взрослого населения России (45 против 35%) оценили их как нечестные.

Стоит отметить, что ожидания подтасовок и манипуляций были достаточно велики и перед

Таблица 15

ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И РОЛИ ЕР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПАРТИЙНЫХ СИМПАТИЙ РЕСПОНДЕНТОВ

	Всего	КПРФ	ЛДПР	«Единая Россия»	«Справедливая Россия»	Другое	Не стал бы голосовать	Затрудняюсь ответить
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ, ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?								
Дела идут в правильном направлении	44	22	29	72	32	29	22	36
Страна движется по неверному пути	37	63	59	11	50	54	53	38
Затрудняюсь ответить	19	14	12	17	19	17	25	26
КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» ФАКТИЧЕСКИ СТАЛА ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИЕЙ В РОССИИ?								
Определенно положительно	9	4	4	19	2	10	1	2
Скорее положительно	31	12	8	57	13	25	17	17
Скорее отрицательно	28	44	38	12	52	21	26	37
Определенно отрицательно	17	25	34	3	19	40	38	14
Затрудняюсь ответить	16	15	17	9	14	4	18	31
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛОЙ - ИЛИ ТОЛЬКО ИНСТРУМЕНТОМ В РУКАХ ПУТИНА И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ?								
Самостоятельная политическая сила	31	18	10	51	14	22	16	27
Только инструмент в руках Путина и его окружения	52	71	84	29	75	73	63	46
Затрудняюсь ответить	17	11	7	19	11	5	21	27

2011 г., ноябрь, N=1600

теми, и перед другими выборами. В 2007 г. их ожидали даже больше — 58% опрошенных, тогда как в 2011-м — 49%. Понятно, что эти подтасовки и манипуляции будут совершаться, как считали респонденты, прежде всего в пользу «Единой России» (мнение 46% опрошенных в 2007-м и 62% — в 2011 г.)

В январе 2012 г. оценки уровня честности выборов стали в целом как будто более положительными («честными» выборы сочли теперь 43%, «нечестными» — 37%). Видимо, часть опрошенных примирилась с итогами электоральной кампании как фактом, но все же почти половина взрослых россиян сохранила негативное отношение к только что проведенным выборам.

Таблица 16

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ЧЕСТНО БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ?

	2007 декабрь	2011 декабрь	2012 Январь
Абсолютно честно	16	5	8
Довольно честно	45	30	35
Не очень честно	15	30	23
Совершенно не честно	5	15	14
Нет ответа	18	20	19

N=1600

Максимум тех, кто в середине декабря 2011 г., сразу вслед за выборами и первыми митингами протеста против электоральных фальсификаций, считал выборы нечестными, наблюдался среди мужчин, россиян 40–54-х лет, людей с высшим образованием, жителей Москвы, причем как самых необеспеченных, так и наиболее обеспеченных (впрочем, и те, и другие составляют довольно малочисленную группу и к данным об их реакциях следует поэтому относиться с осторожностью). К январю оценки несколько изменились, причем во всех социально-демографических группах они стали более позитивными.

Особенно заметно оценки честности выборов улучшились у самых молодых респондентов (до 24-х лет), людей со средним образованием, причем как наиболее, так и наименее обеспеченных, среди москвичей и, в меньшей степени, у жителей социальной периферии — населения малых городов и сел.

Понятно, что оценки честности прошедших выборов у электората «Единой России» и остальных партий довольно заметно разошлись: три четверти сторонников партии оценили выборы как честные, электорат других партий — по преимуществу как нечестные. Особенно резко здесь были сторонники «Яблока» и — в еще большей степени — избиратели КПРФ. При-

Таблица 17

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ЧЕСТНО БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ?

	Честно		Нечестно		Затрудняюсь ответить	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012
ПОЛ						
Муж.	31	40	49	43	20	17
Жен.	39	46	42	32	19	22
ВОЗРАСТ						
18-24 года	30	45	42	33	28	22
25-39	34	38	46	42	20	20
40-54	35	44	48	37	17	19
55 и старше	38	47	43	35	19	18
УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ						
Высшее	34	37	50	39	16	24
Среднее специальное	38	46	45	41	17	13
Среднее	34	48	41	29	25	23
Ниже среднего	33	44	45	36	22	20
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС						
Не хватает/продукты	25	52	50	32	25	16
Хватает на продукты	33	36	43	43	24	21
Хватает на продукты и одежду	36	43	44	35	20	22
Хватает на ТДП	38	44	48	39	14	17
Хватает на авто	37	54	57	36	6	10
РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА						
Москва	29	45	53	36	18	19
Более 500 тыс.	35	42	46	37	19	21
100-500 тыс.	37	38	43	40	20	22
До 100 тыс.	36	47	44	34	20	19
Село	33	44	46	39	21	17

N=1600

Таблица 18

ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫБОРЫ В ДУМУ 4 ДЕКАБРЯ ПРОШЛОГО ГОДА БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ ЧЕСТНО ИЛИ НЕЧЕСТНО?

	Всего	КПРФ	ЛДПР	ЕР	СР	Яблоко	Не голосовал	Отказ от ответа
Честно	43	27	39	73	38	40	28	48
Нечестно	37	65	49	12	44	55	44	37
Затрудняюсь ответить	20	8	12	15	18	5	28	15

N=1600

ведем соответствующие данные из январского опроса 2012 г. (N=1600).

При подобных оценках честности выборов относительное большинство респондентов с самого начала до последнего времени — и в декабре 2011 г., и в январе 2012-го — все же считали обнародованные ЦИКом результаты *соответствующими реальному голосованию* россиян. Доля приверженцев противоположной оценки итогов как не соответствующих реальному голосованию за прошедшее после выборов время несколько подросла. Однако негативное мне-

ние по этому поводу — уверенность в сфальсифицированности результатов — вовсе не стало преобладающим: его в той или иной мере разделяет около трети россиян.

И все же отметим: упомянутое выше нарастание негативных оценок росло *в абсолютном большинстве социально-демографических групп* опрошенных, а особенно заметно — среди самых молодых россиян, людей с высшим образованием, жителей крупных городов с населением свыше полумиллиона (но не столицы!). В позитивную же сторону оценки сдвинулись

практически лишь в одной группе опрошенных — среди *самых необеспеченных*, у кого денег, по их ответам, не хватает даже на еду.

Заметим, что оценки удовлетворенности ухудшились, опять-таки, практически *во всех социально-демографических группах* опрошенных, хотя эти ухудшения не выглядят такими уж радикальными.

Таким образом, большинство российского населения оказалось *удовлетворено* результатами декабрьских выборов 2011 г. Однако доля *неудовлетворенных* — по сравнению с оценками 2007 года — достаточно высока и за месяц после декабря еще выросла.

Как и с приведенными выше оценками честности выборов у избирателей партии власти, с одной стороны, и всех остальных партий, с другой, суждения об удовлетворенности результатами избирательной кампании среди двух этих частей электората разошлись. Сторонники

партии власти, понятно, удовлетворены этими результатами на 90%, чего не скажешь про избирателей ЛДПР, КПРФ, но особенно — «Яблока». Приводим соответствующие распределения по материалам январского опроса 2012 г. (N=1600).

Если обобщить приведенные оценки процедуры декабрьских выборов и их результатов в целом по стране, то их, скорее всего, можно назвать *неопределенными*. Доля негативных среди них достаточно заметна, но позитивные так или иначе преобладают. Вместе с тем, по ряду параметров — соответствие результатов реальности, удовлетворенность этими результатами — оценки в большинстве социально-демографических групп россиян со временем становятся несколько хуже. На уровне населения в среднем и подавляющего *большинства* (примерно 3/5 и даже 2/3 взрослых россиян) эти ухудшения выглядят не столь ярко. Но в отдельных груп-

Таблица 19

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СООТВЕТСТВУЮТ ЛИ РЕАЛЬНОСТИ ОБНАРОДОВАННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИЕЙ РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 4 ДЕКАБРЯ?

	15.12.2011- 20.12.2011	16.12.2011- 19.12.2011	2012 Январь
В полной мере	11	12	10
В значительной мере	45	40	38
Довольно далеки от действительности	24	21	26
Не имеют ничего общего с действительностью/полностью сфальсифицированы	4	8	8
Затрудняюсь ответить	16	20	18

N=1600

Таблица 20

УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ В ЦЕЛОМ РЕЗУЛЬТАТАМИ ЭТИХ ВЫБОРОВ?

	2007 декабрь	15.12.2011-20.12.2011	16.12.2011-19.12.2011	2012 Январь
Полностью удовлетворены	35	11	15	10
Скорее удовлетворены	36	30	36	36
Скорее не удовлетворены	11	16	22	22
Полностью не удовлетворены	5	15	13	13
Затрудняюсь ответить	13	28	14	19

N=1600

Таблица 21

УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ В ЦЕЛОМ РЕЗУЛЬТАТАМИ ЭТИХ ВЫБОРОВ?

	Всего	КПРФ	ЛДПР	Единая Россия	Справедливая Россия	Яблоко	Не голосо- вал	Отказ от ответа
Удовлетворены	45	25	38	90	44	17	24	30
Не удовлетворены	37	66	56	6	47	78	37	52
Затрудняюсь ответить	19	9	6	4	9	5	39	18

N=1600

пах, а в еще большей степени — в отдельных фракциях этих групп, среди количественного *меньшинства*, степень неудовлетворенности результатами прошедших выборов, общим социально-политическим порядком, сложившимся в стране, перспективами на будущее стала в последние месяцы вполне заметной. Об этом свидетельствует нарастающая волна послевыборных митингов в крупнейших городах России, в особенности — в Москве.

Неудовлетворенность декабрьскими выборами и митинги протеста в Москве. Характерно, что публичные проявления недовольства думскими выборами концентрируются в столице. С одной стороны, Москва — средоточие власти, ее символов и атрибутов, с другой — место предельного скопления людей с социально и культурно значимыми ресурсами: высоким образованием, профессиональной квалификацией и статусом, достигнутыми успехами и достатком, информационными горизонтами (знание языков, активное пользование Интернетом), позитивными связями с другими, поездками за рубеж и др. При этом количество людей более молодых, образованных и обеспеченных, в сравнении с их долей даже в структуре столичного населения, на митингах в декабре 2011-го и феврале 2012 года было еще большим, и значительно большим.

Так люди в возрасте от 18 до 40 лет составляют 43% московского населения и 56-58% вышедших на митинги в декабре-феврале. Высшее образование имеют 51% москвичей и 70% митинговавших. Относительное большинство москвичей (чуть выше 40%) относят себя к группе тех, кому хватает денег на продукты и одежду, но не хватает на приобретение дорогих товаров длительного пользования, примерно такая же доля митинговавших принадлежит к следующему, более высокому уровню достатка, они вполне могут приобретать ТДП. Иными словами, *речь в данном случае идет не просто о количественном меньшинстве, но о меньшинстве, сконцентрировавшем многие значимые социальные и культурные «капиталы» (образование, квалификация, заработок, информированность, активность, относительная независимость от социальной помощи государства, связи с другими и т.д.)*. Такое соединение характеристик, вместе с высокими показателями готовности к интеграции сил и требований, активностью коммуникаций (от дружеских и профессиональных до сетевых), представляет собой явное исключение на фоне малообеспеченного, зависимого

от государства, адаптирующегося и пассивного большинства российского населения. Понятно, что голосование этого меньшинства на думских выборах резко отличалось от электорального поведения большинства. Вот как выглядят его результаты (табл. 22).

Таблица 22
ГОЛОСОВАЛИ ЛИ ВЫ НА ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ 4 ДЕКАБРЯ ЭТОГО ГОДА, И ЕСЛИ ДА, ТО ЗА КАКУЮ ПАРТИЮ ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ – ИЛИ ВЫ ПРИШЛИ НА ВЫБОРЫ И УНЕСЛИ/ИСПОРТИЛИ БЮЛЛЕТЕНЬ? (% к числу опрошенных в каждом случае, соответственно 800 и 1344 чел.)

	Митинг на проспекте Сахарова	Шестые 4 февраля
Партия “Справедливая Россия”	12	11
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	7	12
Партия “Патриоты России”	2	1
Коммунистическая партия (КПРФ)	19	24
Партия “Яблоко”	38	25
Партия “Единая Россия”	0,4	2
Партия “Правое дело”	2	2
Унес(ла)/испортил(а) бюллетень	7	8
Не голосовал(а)/не стал(а) голосовать	13	13
Не помню/не хочу отвечать	2	2

N=1600

Характерно, что силы, реально победившей на декабрьских выборах, среди партий, предпочитаемых участниками митингов, практически не названо (добавим, что, по мнению большинства населения страны, именно «Единая Россия» обладала перед выборами всеми привилегиями партии власти в телевизионной и другой агитации, так же как исключительно в ее пользу, по мнению респондентов, осуществлялись фальсификации на избирательных участках). Понятно и то, что почти три четверти пришедших на проспект Сахарова выражали своим поступком крайнюю неудовлетворенность результатами выборов.

Однако этот несомненно значимый момент (на него указали 72% опрошенных на проспекте Сахарова) входил у митинговавших в более сложную и обобщенную смысловую конструкцию, систему отношений к разным аспектам власти и ее политики. Главной в ней была накопившаяся неудовлетворенность положением

дел в стране, политикой властей в целом (такой ответ дали 73% опрошенных), а также недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как вышедшие на митинг, принимает решения без их участия (52% респондентов) и, вместе с тем, разочарование в обещанной властью политике модернизации, в фигуре Д. Медведева, с которым по преимуществу связывались эти заявления о некоем как будто бы забрезжившем «новом» повороте правительственной политики (42% опрошенных).

Таким образом, мнение о сфальсифицированности результатов думских выборов поддерживалось у митинговавших общими требованиями *демократии* в политике, *другого курса* страны, альтернативного по отношению к путинскому авторитаризму и монополии «партии власти», наконец — *неудовлетворенностью тем местом в социальной и политической жизни*, которое авторитарная власть отводит квалифицированным, активным и самостоятельным людям, ориентированным на достижение и добившимся в этом успеха, но при нынешнем составе властвующей группировки и проводимом ею курсе не видящим перед собой позитивной, привлекательной перспективы.

Важно отметить, что поведение данного *меньшинства* поддерживается относительным *большинством* населения России (44% против 41% не поддерживающих). По мнению 30% жителей России (самый популярный ответ) люди вышли протестовать на улицы и площади крупнейших городов, поскольку им «надоело терпеть произвол властей». При этом более 90% россиян высказались в декабре 2011 г. за то, что у граждан страны есть право публично выражать недовольство существующей властью. Свыше 90% самих участников декабрьских и февральских митингов готовы и дальше продолжать выступления против недемократических выборов и авторитарной политики властей. Причем 12-15% взрослого населения России заявили — пусть на словах — о собственной готовности выйти на подобные коллективные акции.

Проблема фальсификации: к типологии электорального поведения. Волна общественного недовольства, связанного с многочисленными (и подтвержденными!) нарушениями законов о выборах и избирательных процедур на самих участках для голосования (вбросы в урны для голосования фальшивых бюллетеней за партию власти, «карусели», подкуп или шантаж избирателей, подлоги и переписывание про-

токолов на избирательных участках и в территориальных избирательных комиссиях, выдавливание наблюдателей, неравенство доступа партий к ТВ и площадкам для встречи кандидатов с избирателями и прочее, и прочее), стали поводом для широкого обсуждения честности и справедливости организации выборов в России и размеров фальсификаций на последних выборах в Госдуму в декабре 2011 года и на президентских выборах 2012 года. Нельзя сказать, что оснований для такой дискуссии не было, однако удивительным было именно то, что растущее недовольство режимом Путина, снижение массового доверия к российской власти вылилось не в обсуждение самой политической системы, сложившейся при Путине, а в мелочное и несколько абсурдное обсуждение и определение параметров фальсификаций итогов выборов (в условиях общей несвободы при авторитарном режиме, при манипулировании общественным мнением и безусловном давлении на избирателей).

То, что часть голосов избирателей были отняты у оппозиционных «Единой России» партий или у кандидатов, противостоящих на президентских выборах Путину, мало кто ставит под сомнение, спор идет о величине этих манипуляций с голосами. Наиболее радикальные выступавшие заявляют, что сфальсифицированы 13 млн. голосов (17% от проголосовавших) или даже больше, более умеренные правозащитники и наблюдатели называют цифру 7 млн. (10%). Но и те, и другие объединяются против социологов Левада-Центра, которые приводят цифру в 3.5-4 млн. голосов (4-6% в зависимости от предполагаемого числа «реальных» избирателей). Специалисты Центра подозревают в том, что они «работают на Кремль» и «корректируют свои данные» с учетом запросов путинской администрации. Или наоборот, что ЦИК корректирует свои данные с учетом сфальсифицированных данных опросов Левада-Центра¹.

Отличием думских выборов 4 декабря от предыдущих было то, что они проходили в условиях а) гораздо более массивного присутствия на участках для голосования общественных наблюдателей, более подготовленных, чем раньше; б) интенсивной связи наблюдателей с сетевым сообществом, позволявшей немедленно после фиксации нарушений выкладывать в Интернет информацию и свидетельства о по-

¹ Дальнейшее обсуждение этой темы см. в статье Л. Гудкова, публикуемой в данном номере ниже.

добных фактах, что стимулировало быструю и резкую реакцию сообщества, оживленное обсуждение, а затем — консолидацию общественного мнения и мобилизацию протеста. Можно проследить прямую зависимость интенсивности протестных выступлений от плотности сети. Если в среднем по стране насчитывается 35-37% пользователей Интернета, то в Москве эта цифра поднимается до 66%, причем здесь 27% общаются в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук» и др.) не просто регулярно, но ежедневно. Это обстоятельство, как и наличие независимой прессы (таких изданий, как «Новая газета», «Ведомости», «Коммерсант», в меньшей степени — «Независимая газета», «Новые известия» и др.) и множества радиостанций, кабельного ТВ, означают полное разрушение информационной монополии государственного ТВ.

С приходом Путина телевидение (его главные каналы) были превращены в мощный канал пропаганды и агитации за власть, интерпретация событий на которых оказывается фактически безальтернативной в малых городах и селе, где проживает преобладающая часть населения. Не имея возможности проверить в повседневном опыте подачу информации (в первую очередь об оппонентах власти или нежелательных для нее событиях), население этих зон некритически принимает оценки и трактовку действительности как реальную, в отличие от всякого рода деклараций власти о ее намерениях улучшить положение дел в стране, повысить уровень жизни и т.п. Как раз этот тип информации всегда встречается с обоснованным недоверием и скепсисом, но и он, тем не менее, оказывается значимым, устраняя из информационного поля все негативные суждения о политике режима или даже саму возможность таковых. В этом плане допустимо сказать, что *в ходе и, особенно, после декабрьских выборов 2011 г. на фоне «России телевизора» себя все более отчетливо проявила «Россия Интернета».*

Большинство аналитиков сходилось в главном, делая следующие выводы: 1. Распределение голосов (во времени голосования, и по участкам, где проходили выборы), поданных за ЕР, отличается от распределения голосования за другие партии, оказавшиеся в положении «разрешенной оппозиции». 2. В данных о голосовании за ЕР отмечены 5% пики (округления данных до 5, 10, 15, 20 и т.п. %-групп), что, несомненно, является свидетельством отклонений от статических закономерностей случайных

распределений. 3. На открыто контролируемых наблюдателями участках голосования (в городах) и не контролируемых ими, но расположенных по соседству, данные о голосовании за ЕР существенно различаются. При наличии общественного контроля за избирательными комиссиями процент голосов, отданных за ЕР, был всегда более низким, нежели на неконтролируемых участках.

Оценить общую массу искажений, приходящихся на явные случаи фальсификаций в виде множества 5%-х «округлений» данных по ТИ-Кам, не представляется статистически возможным из-за неполноты сведений, поступающих с избирательных участков и не предоставляемых общественности ЦИКом. Поэтому многочисленные попытки статистического анализа и моделирования поведения избирателей, фиксирующие «аномалии» голосования в управляемых регионах (республиках Северного Кавказа, Татарии, Башкирии, Москве и других местах), не могут быть убедительным доказательством тотального фальсифицирования выборов, а остаются лишь собранием отдельных примеров, не имеющих полноты доказательной силы. ЦИК, в ответ на обвинения правозащитников и оппозиции, раз за разом заявляет, что нарушения носят единичный характер и не меняют общих распределений воли избирателей.

С нашей точки зрения, есть две главные ошибки у тех, кто пытается установить общий объем «фальсификаций» (у Д. Орешкина, А. Кынева, представителей «Голоса» и других НКО). Первая заключается в *непрезентативности* данных наблюдений, то есть неоправданном переносе величины отклонений между данными протоколов, полученных наблюдателями, или даже официальными данными, но с различных участков, на весь массив данных о голосовании. Участки, находившиеся под контролем наблюдателей, по факту охватывают лишь незначительную часть всех избирательных участков; кроме того, эти участки расположены почти исключительно в городах, даже преимущественно — в крупных городах. Переносить выводы о поведении избирателей на этих участках, на сельское или малгородское население (где контроль наблюдателей отсутствует и даже сама возможность их присутствия в пунктах голосования выглядит нелепой, учитывая характер общей и политической культуры в этих зонах) с социологической точки зрения некорректно. Как впрочем, некорректно переносить таковые выводы и с точки зрения социальной

статистики, поскольку для периферии — более консервативной и управляемой социальной среды — характерен другой тип электорального поведения, принципиально отличающийся от поведения избирателей в условиях крупного города, где есть информационное разнообразие, сетевое общение или даже другое качество общения, канализирующее альтернативную в сравнении с пропагандой информацию по межличностным каналам и связям, и где социальный контроль со стороны руководства гораздо слабей. Вторая ошибка, тоже связанная с недоучетом или непониманием социологических различий социальных связей и особенностей политической культуры, вытекает из априорной посылки, что если два соседних избирательных участка дают различное голосование, то это может объясняться исключительно только подлогом, вбросом или иным способом фальсификаций. Ведомственный характер нашего городского расселения, заселение многоэтажных домов работниками одного предприятия (особенно в средних и малых городах — фабричных слободах), поведение больных или пожилых лиц в больницах не обязательно должны описываться только в одном ключе: как если бы голоса этих людей были бы непременно приписаны партии или кандидату от партии власти. При таком грубом отождествлении всех аномалий с «фальсификациями» (вбросами, подлогами избирательных протоколов, каруселями и проч.) теряется сама суть социального конформизма и массового поведения в условиях авторитарного режима. Это слишком простое объяснение, удобное для политических деклараций, но абсолютно не адекватное задачам аналитической работы, изучения массовой природы тоталитарных и авторитарных режимов.

Мнения и позиции аналитиков, проведенных после выборов 2011 года специальный анализ российской электоральной статистики и обзор всех попыток оценить масштабы фальсификаций, очень различаются между собой. Явно проявляются идеологические пристрастия и априорная предубежденность диспутантов. Наиболее взвешенными и адекватными представляются нам выводы А. Шеня¹, который говорит, что статистические отклонения распределений голосования за партии, как можно предполагать, связаны именно с фальсификациями в пользу «Единой России» (он полагает,

что именно это объяснение является наиболее правдоподобным для данных отклонений). При этом он полагает, что речь может идти о нескольких миллионах голосов (но не о десятках миллионов, как утверждают другие участники дискуссий о результатах выборов, занимающие самые радикальные позиции, — то есть настаивающие на фальсификации в 20% или более процентов всех голосов). Зафиксированные независимыми наблюдателями серьезные нарушения на выборах, равно как выборочный контроль наблюдателей «Яблока» и «Голоса», отмечены в среднем на 15-18% избирательных участков (почти все они — в больших и средних городах; в селе и малых городах контроля не было). Все приписки или отклонения от «нормального» голосования, общий объем которых оценивается в 25-30%, сделаны в пользу «Единой России». По отношению к численности избирателей, пришедших на избирательные участки и принявших участие в голосовании, это дает перераспределение конечных результатов выборов в 5-6%². Он выводится аналитически из сопоставления разных индикаторов (распределения колеблющихся, величины явки, отказывающихся от ответа и т.п.). Другими словами, это экспертная оценка, хотя и она может служить аргументом в пользу признания выборов нелегитимными (как и в случае превышения 5% нормы недоверенных подписей за кандидата или партию при их регистрации в Минюсте).

Вопрос, который при этом постоянно возникает в подобных дискуссиях, заключается в недоумении, почему данные репрезентативных социологических опросов не фиксируют подобных искажений? Мы оставляем в стороне наиболее частый ответ, даваемый ангажированной частью общественности: социологи куплены Кремлем и подкручивают данные опросов под параметры, заданные путинской администрацией. Оставляем без внимания потому, что конспирологические варианты не являются объяснениями, они из разряда тех же самых заявлений, которые Путин делал в отношении

² Такой итог хотя и выходит за пределы допустимой статистической погрешности социологических измерений, но слишком мал, чтобы — при принятой нами общенациональной выборке в 1600 человек — быть систематически описанным в категориях социально-демографических показателей. Другими словами, факт фальсификаций «ощутим» при сравнении многих показателей, но он трудно описывается, поскольку каждое отдельное событие «отклонений» в количественном отношении слишком незначительно и необедительно. Однако сама частота таких повторов, понятно, уже вызывает сомнения.

¹ Шень А. Выборы и статистика: казус «Единой России» (2009, 2011) URL: <<http://www.lif.univ-mrs.fr/~ashen/elections.pdf>>

демонстраций протеста («куплены Госдепом», «манипулируются из-за рубежа», «оранжевый заговор» и т.п.) и которые кремлевская пропаганда тиражировала в подконтрольных СМИ. Встречается еще один вариант объяснения: «ЦИК ориентируется на данные опросов и пересчитывает данные избирательных комиссий в соответствии с результатами социологических зондажей». Эту версию мы также не можем проверить; кроме того, она, как и первая, кажется абсурдной из-за технических трудностей реализации подобных планов. (Абсурдной она представляется лишь специалисту, который знает, что фальсифицировать нужно по всем параметрам одновременно, что сделать крайне сложно. Можно в итоговом материале дать одну-две неправильные цифры, но переправить все социально-демографические характеристики в опросе нельзя — несоответствия так или иначе обязательно вылезут.) Поэтому следует дать свое собственное объяснение отсутствию отражений массовых фальсификаций в точном прогнозе социологов и предвыборных опросах.

Вариантов объяснения здесь явно больше двух, и все они не слишком убедительны: а) масштабы фальсификаций, действительно, не так «велики», чтобы принципиально повлиять на конечные результаты голосования (но достаточны, чтобы вызвать массовое возмущение и протесты), б) есть нечто в технологии самих массовых опросов общественного мнения, что не позволяет фиксировать эти фальсификации (например: интервьюеры, даже следуя добросовестно всем инструкциям, ненамеренно отбирают тех, кто более доступен для опроса, а ими оказываются, естественно, «средние» или более конформистски настроенные респонденты, более пассивные, более асоциальные, в том смысле, что они менее включены в сложные социальные связи, чаще сидят дома, среди них больше нетрезвых, люмпенов и т.п., тогда как несистемная оппозиция в силу более высокого уровня образования чаще занята на работе или другими делами, более мобильна и социальна, так что ее труднее застать дома); в) есть определенная часть людей, которые «говорят неправду», утаивая свои действительные намерения и мотивы голосования и подчиняясь неким — пока неясным — силовым давлениям, коллективным представлениям или страху, специфическому действию комплексов коллективного заложничества и т.п. (Этот аргумент заслуживает особого внимания). И, наконец, г) «объективные трудности» проведения репре-

зентативных общенациональных социологических исследований, которые обеспечивают смещение опроса в сторону более конформистски настроенных групп населения: все они связаны с отсутствием адекватной и актуально доступной статистической базы о населении страны (низкое качество переписи, упускающей сведения о наиболее продвинутых или маргинальных группах населения, затягивание публикации данных последней переписи, содержащей сведения об изменениях последних лет, например, повышении образовательного уровня в крупных городах, в первую очередь — в столицах, рассогласования между наличным и регистрируемым населением, расхождения в списках избирателей, что делает проблематичным или неточным моделирование выборок для опросов и т.п.). На это обстоятельство обращают внимание гораздо реже, главным образом, в связи с манипулированием общим числом избирателей, которое меняется с каждым избирательным циклом, причем, как об этом писал журналист А. Минкин из «МК», оно абсурдным образом растет при сокращении численности населения¹. Скандальной была и перепалка в печати руководителя ЦИК и Росстата вокруг вопроса, почему численность россиян, имеющих права голоса, у В. Чурова и Росстата различаются на два с лишним миллиона человек.

Как и при споре «статистиков», мы — ввиду отсутствия полноты информации о генеральной совокупности и сведений от избирательных комиссий — можем лишь указать на факторы, влияющие на искажение конечных результатов, но оценить их удельный вес в целом не в состоянии. Единственным исключением здесь была ситуация электорального мониторинга в Москве, где благодаря многократным замерам и более высокой степени репрезентативности выборки мы могли более адекватно оценить характер отклонений между данными наших опросов и официальными цифрами. На выборах в Москве в 2009 году расхождения между данными о том, как люди собирались проголосовать и как они проголосовали, с одной стороны, и данными избирательной комиссии, составило более 12% (в пользу «Единой России»), в 2011 году та-

¹ Минкин А. Руки на горле // МК. 7 февраля 2012 - <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/07/668859-ruki-na-gorle.html>. Минкин приводит данные Росстата, согласно которым в 1993 году при численности населения России в 148.3 млн. человек в списках для выборов было 106.170 тыс. избирателей, в 2000 г., соответственно, 145.6 млн. человек и 109.372 тыс. избирателей, в 2011 г. — 142. млн. человек и 109.237 тыс. избирателей.

кие расхождения составили 14%. Иначе говоря, сфальсифицированными, по всей вероятности, оказались сотни тысяч избирательных бюллетеней или их представленность в протоколах избирательных комиссий (в первом случае порядка 420-450 тысяч, во втором — 600-650 тысяч голосов). Однако 14% по Москве эквивалентны 1% в целом по России. А это учитывая точность наших измерений (номинально расчетный показатель 3.4%), не влияет на общее распределение электоральных мнений. Таких же опросов в аномальных зонах нет. И вопрос о масштабах фальсификаций тем самым остается без ответа.

Остановимся более подробно на этих моментах. Первое — «спираль молчания», как этот эффект назвала немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман (присоединение «болота» к предполагаемому мнению большинства голосовавших за «победителя»). Учитывая нарастающее в последние годы административное давление на избирателей и явно возродившийся страх перед властями, а также — низкую ценность собственного акта голосования при настоящей системе выборов («...зачем мне нужны неприятности и конфликты с начальством из-за таких пустяков?»; «Кому нужна эта «принципиальность» в ситуации, когда выборы явно нечестные и от их исхода положение дел моей семьи никак не изменится?»), можно предполагать, что предопределенность результатов выборов влияет на ответы некоторой части респондентов, подталкивая их к готовому решению голосовать за партию власти или ее представителей и безопасно присоединиться к предполагаемому мнению большинства. Тем самым, в опросах мы можем иметь незначительное смещение (порядка нескольких процентов) в сторону поддержки позиции властей. «Путин победит уже в первом туре» — были уверены 78-80% опрошенных в январе-феврале 2012 года; «выборы президента 4 марта — это имитация борьбы, а распределение голосов на выборах определено по решению властей» — считали 44%, в том же, что «будет реальная борьба на выборах», было уверено чуть меньшее число избирателей — 43%. Характерно, что 13% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на данный вопрос, что само по себе служит свидетельством не столько некомпетентности этих людей или их индифферентности к политике и предстоящим выборам, сколько массового сомнения в честности выборов в России. Такого рода давление коллективных мнений о неизбежности признания победы власти на выборах мы отмечаем очень

давно, начиная, по меньшей мере, с 1999 года (последствия сомнительной победы Ельцина в 1996 году) и установления режима «управляемой демократии» при Путине.

Оценить характер отбора интервьюерами респондентов и смещение в результате этого выборки без полной информации о генеральной совокупности сегодня не представляется возможным. Эта гипотеза имеет полное право на существование, но ее проверка требует очень значительных затрат (гораздо больших, чем само проведение типового опроса, что при настоящих условиях делает их невозможными). Всякий измерительный инструмент имеет свои параметры погрешности, но данный фактор можно считать систематической ошибкой, повторяющейся во всех замерах без исключения, поэтому при анализе избирательного поведения он не имеет принципиального характера, если говорить о динамике избирателей.

Однако главные возможности объяснения проблемных зон голосования должны иметь уже чисто социологический, а не методический характер.

На наш взгляд, масштабы фактических фальсификаций существенно меньше, чем совокупный объем численности пропутинского голосования на «аномальных» территориях (управляемых регионах). Попытки идентифицировать подобные статистические отклонения как прямые фальсификации связаны с ошибками, или точнее — с непониманием мотивации избирателей, значительного упрощения картины голосования в условиях авторитарного режима или в условиях сохраняющейся инерции «советского человека». Надо разделять «нечестность выборов», то есть несоответствие их демократическим стандартам, обусловленные авторитарным характером политической системы (использованием административного ресурса, избирательным правоприменением, произволом исполнительной власти и проч.), и прямые подлоги и фальсификации результатов голосования (вбросы бюллетеней, переписывание протоколов и т.п. искажения данных о голосовании избирателей). Но чтобы четко разделять эти плоскости анализа, необходимо ясно представлять себе, что мы имеем дело с разными типами избирательного поведения.

Характерно, что всякие попытки дополнительно раскрыть подсказку «гражданский долг», оказались безуспешными, респонденты не смогли внятно изложить, что они под этим понимают. Это устойчивое клише или ярлык

Таблица 23

ЧТО ПОБУЖДАЕТ ВАС УЧАСТВОВАТЬ В ВЫБОРАХ?

	2003 Ноябрь	2007 Октябрь	2011 Ноябрь	2011 Декабрь
Гражданский долг	39	39	42	40
Привычка	14	11	11	12
Это почти единственная возможность как-то показать свое участие в жизни страны	14	11	9	8
Стремление выразить свою политическую позицию (даже если это не поможет кандидату или партии)	12	14	14	13
Стремление помочь своему кандидату, своей партии попасть в Думу (увеличить свое представительство)	10	8	9	13
Стремление помешать кандидату или партии, которым я не доверяю, попасть в Думу (увеличить свое представительство)	4	3	5	7
В кругу близких мне людей принято ходить на выборы	4	8	8	6
Другое	1	1	<1	<1
Затрудняюсь ответить	1	2	<1	<1

N=1600, в % к числу ответивших на этот вопрос

набора социальных стереотипов конформистского поведения, не разложимых на отдельные смысловые составляющие, такие же, как и «привычка». Чаще всего такой ответ дают пожилые и не очень образованные респонденты, жители малых и средних городов, сел, женщины, далекие от всякой политической ангажированности.

Сам акт опускания бюллетеня для голосования в урну для оппозиции имеет совершенно другой смысл и значение, чем для рутинного голосования советского человека, мало интересующегося результатами выборов и не ждущего от них каких-либо последствий для собственной жизни или жизни своей семьи. А это значит, что анализ избирательного поведения должен строиться на учете *разных мотивов участия* (или неучастия) в выборах и голосования за разные партии, в первую очередь — на различии голосования за партию власти и оппозиционные партии.

В сугубо предварительном порядке можно схематически наметить следующие типы избирательного поведения россиян:

1) **рациональное поведение избирателей**, голосующих за представителей определенных партий; в отечественных условиях этот тип поведения присущ, главным образом, избирателям, **голосующим за представителей оппозиционных партий**; только для этого типа мотивации значимы обстоятельства идеологического, политического, морального рода, предполагающие рационализацию общественной ситуации, соотношение сил на политической сцене, представление о целях и средствах, используе-

мых политиками, общий контекст политической борьбы;

2) **рациональное конформистское поведение «избирателя» за партию власти** (по множественным резонам и в соответствии с материальными, прагматическими соображениями). Строго говоря, это не избирательное поведение: здесь нет выбора, поскольку речь идет о сохранении того, что уже есть, в перспективе иррациональных последствий, которые могут наступить, если не следовать воле властей. Здесь значимы соображения бюрократической или корпоративной лояльности, карьеризма, лоббизма, цинический расчет на политические дивиденды голосования, хотя сами взгляды или оценки, представления актора могут не совпадать с перспективой поддержки данного кандидата;

3) **рациональное внеполитическое поведение** (уступка давлению, шантажу, угрозам — студенты, пенсионеры, госслужащие), риски потери сопротивления доминирующей линии превышают в глазах актора идеалистическое удовлетворение от собственной «честности и принципиальности»;

4) **нерациональное (традиционалистское, то есть церемониальное, государственно-ритуалистическое или конформистское) поведение основной массы населения** (без выбора, по инерции, из привычки повиноваться начальству — сравним с первым типом «рационального поведения» избирателя), аккламация уже существующей власти, слепое подчинение, инерция, связанная с безразличием к программным и идеологическим моментам и обстоятельствам, содержанию политических стратегий лидеров и проч.;

5) **привычное проявление «советской покорности»** (свойственное пожилым и малообразованным людям, не задающим лишних вопросов о том, для чего нужно голосовать и за кого, они голосуют по привычке, «так было всегда» и т.п.);

6) **неголосование как сознательный, рациональный отказ от «аккламации»** власти, пассивное, инерционное поведение оппозиции;

7) **неголосование как (рутинное) нежелание** участвовать во всяких общественных акциях, включая нежелание высываться из скорлупы повседневной жизни;

8) **неголосование как полная асоциальность и индифферентность ко всему, что выходит за пределы узкого горизонта повседневных вопросов физического выживания** (поведение люмпенов).

Общий объем всех *рациональных* типов избирательного поведения в сегодняшней России можно оценить ориентировочно в 35-40% (включая и лояльных к власти респондентов или даже отказ от выборов, который составляет 6-8% от общего числа избирателей). Масштаб инерционного конформистского или привычно-покорного поведения избирателей в условиях слабеющего авторитарного режима —

в 45-50%, индифферентного неголосования — в 10-15%. Именно такие распределения типов массового сознания фиксируются регулярными социологическими исследованиями.

Без учета различий в типах мотивации электорального поведения возникает опасность включения в категорию «фальсификации» многочисленных вариантов покорно-конформистского поведения. Именно это, на наш взгляд, и делает большая часть статистических аналитиков, когда они без учета социологической специфики реального разнообразия действующих лиц и их мотивов суммируют все случаи аномальных распределений, называя их сфальсифицированным голосованием. Повторим еще раз: фиксация обсуждения электоральной кампании в условиях авторитарного режима лишь на оценках масштабов административных подлогов и мошенничества избирательных комиссий отражает интеллектуальную слабость формирующейся российской публичности. Незрелость российского общества оборачивается отсутствием адекватных представлений о том социуме, в котором мы все живем.

Евгения ЛЁЗИНА

Трансформация политической культуры в посттоталитарных обществах: постсоветская Россия и послевоенная ФРГ в сравнительной перспективе*

Введение. Массовые протесты и гражданская активность после думских выборов 2011 года, ставшие неожиданностью как для наблюдателей, так и самих участников, оказались самыми масштабными за более чем двадцатилетнюю постсоветскую историю России. События последних месяцев во многом напоминали происходившее в Западной Германии в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда спустя двадцатилетие после создания нового государства страна пережила волну мирного протеста, а также рост гражданского участия, отмеченный массовым появлением низовых гражданских инициатив и новых социальных движений. Это сходство в очередной раз напомнило о значимости немецкого послевоенного опыта в контексте исследования проблем российской трансформации.

В России и Германии, странах среднего уровня развития и вторичной, запоздалой модернизации догоняющего типа, государство традиционно играло повышенную роль в национальной интеграции, доминировали авторитарно-бюрократические методы управления, существовали довольно слабые демократические традиции. Эти и другие причины привели к превращению этих стран в очаги воспламенения величайшей катастрофы XX века, воплотившейся в «тотальном» или «тоталитарном» государстве. Именно в этих страновых пределах обрели почву для своей реализации два тоталитаризма, возведенные позднее в ранг классических. Несмотря на существенные различия двух тоталитарных диктатур в Третьем рейхе и в Советском Союзе, заключавшиеся в принципиальной несовместимости ценностных систем, в противоположности основных установок, в различной продолжительности существования и разных сценариях крушения, необходимо признать сходство их методов до-

стижения целей и политического инструментария, а вместе с тем – общность судеб стран, эти диктатуры переживших.

Сходство судеб России и Германии проявилось также в том, что, хотя и с почти полувековым разрывом – Германия в 1945 году, Россия в 1991 году, – обе страны вступили на путь масштабной социально-политической трансформации, главным звеном которой стала попытка перехода от тоталитарных режимов к политической системе демократии.

Крушение тоталитарных режимов повлекло за собой в обеих странах необходимость не просто реформировать, но и во многом заново воссоздавать экономическую, политическую и социальную сферы. И постнацистской Западной Германии, и постсоветской России предстояло не только осуществить политическую демократизацию общества, но и провести разгосударствление части собственности, создать рынок и конкуренцию в экономике, перейти к федеративным отношениям в национально-региональном устройстве. Помимо того, что переход к новой системе в обеих странах происходил на фоне глубокого хозяйственного спада, существовали глубинные препятствия демократической трансформации на уровне ценностей и установок граждан.

Общественный запрос на демократию был низок в обоих контекстах. Согласно данным опроса 1989 года, проведенного ВЦИОМом (нынешним Левада-Центром), главным объектом стремлений советских граждан накануне распада СССР был материальный достаток (57%); лишь 11% опрошенных признавали нехватку политических прав и свобод и их необходимость для полноценной жизни страны². В рамках апрельского опроса 1946 года, проведенного среди немецкого населения американской оккупационной зоны, 75% респондентов также высказали мнение, что государство

* В основе статьи – диссертационное исследование автора, проводившееся в Институте высших исследований IMT Institute for Advanced Studies Lucca, Италия, в 2006-2010 годах.

² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х. М.: Мировой океан, 1993.

должно главным образом обеспечивать насущные материальные нужды, лишь 25% отметили важность соблюдения индивидуальных и политических прав и свобод¹. В мае 1947 года 62% высказались за общественное устройство, гарантирующее экономическую стабильность и полную занятость, 26% на первое место выдвинули гарантии политических свобод и 12% затруднились с ответом².

Культурные сходства нетрудно проследить и в экспертных оценках немецкой политической культуры послевоенного периода, выделявших такие ее черты, как пассивность, надежду на административные, а не политические процедуры, выраженный антисемитизм и, в самом общем смысле, недостаток терпимости к «другому»³.

К примеру, в 1944 году в книге «Дорога к рабству» будущий нобелевский лауреат Фридрих фон Хайек отмечал недостаток в «типичном немце» «индивидуалистических качеств, таких как терпимость, уважение к другим людям и их мнениям, независимость ума и готовность отстаивать свое мнение перед вышестоящими, сострадание к слабым и, наконец, здоровое презрение к власти, порождаемое обычно лишь долгой традицией личной свободы». «Немцам, — приводил широко распространенное мнение Хайек, — недостает качеств, может быть, и не столь заметных, но важных с точки зрения взаимодействия людей, живущих в свободном обществе, — доброты, чувства юмора, откровенности, уважения к частной жизни других и веры в их добрые намерения. Эти индивидуальные достоинства являются одновременно достоинствами социальными, облегчающими социальное взаимодействие, которое в результате не нужно (да и сложно) контролировать сверху. Эти качества развиваются в обществе, имеющем индивидуалистический или коммерческий характер, и отсутствуют в коллективистском обществе»⁴. В то же время немцы, воспитывавшиеся как старым прусским государством, так и Третьим рейхом (в котором прусские ориентации продолжали доминировать), приобрели качества, делающие их удобным орудием для выполнения любых поставленных властями задач. В результате, они «в целом трудолюбивы и дисциплинированы,

основательны и энергичны, добросовестны в любом деле, у них сильно развиты любовь к порядку, чувство долга и привычка повиноваться властям, они нередко готовы на большие личные жертвы и выказывают незаурядное мужество в случае физической опасности»⁵.

Исследователями неоднократно отмечался авторитарный характер немецкого школьного образования и стиля преподавания, а также свойственные Германии в целом авторитарные способы принятия решений, не позволявшие основным конфликтам становиться предметами общественных дискуссий⁶.

Так что культурная ситуация, в которой предстояло создавать новое послевоенное немецкое государство, была не менее проблематичной, чем социокультурная обстановка в постсоветской России.

Данная статья представляет собой попытку сравнительного анализа изменений политической культуры послевоенного западногерманского и постсоветского российского обществ. Нас будет интересовать, как отношения людей к себе (гражданские отношения, и, в первую очередь, чувство политической эффективности) и к другим в политике (доверие, солидарность и пр.) или отношение граждан к политической системе изменялись в ходе посттоталитарной трансформации в двух анализируемых странах, почему политические установки и поведение граждан со временем менялись. Переменные, которые будут рассмотрены в сравнительном анализе, — *интерес к политике, чувство политической эффективности, политическое участие, общественное доверие и поддержка демократических ценностей*. При этом акцент будет сделан на участии граждан в общественной жизни как важнейшей характеристике гражданского общества.

Теоретическая рамка. Исторически разработка проблематики «политической культуры» была связана, главным образом, с проблемами перехода недемократических обществ к политической системе демократии. В конце 1950-х — 1960-х годов возникла потребность объяснения провалов демократических преобразований в ряде стран, пытавшихся копировать западные политические модели, а также необходимость поиска путей стабилизации политической системы демократии в западных контекстах. Кроме того, одним из важных толчков к изучению данной проблематики послужила задача

¹ Merritt, Anna J.; Merritt, Richard L. (eds.) Public Opinion in Occupied Germany: the OMGUS Surveys, 1945-1949. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1970. P. 76.

² Schwarz, Hans-Peter. Vom Reich zur Bundesrepublik. Deutschland im Widerstreit der aussenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Besatzungsherrschaft 1945 - 1949 (2nd ed.), Stuttgart 1980. S. 689.

³ Merritt, Anna J.; Merritt, Richard L. (eds.) Указ. соч. С. 57.

⁴ Хайек, Ф.А. фон. Дорога к рабству. Пер. с англ. М.: Экономика, 1992. С. 37.

⁵ Там же.

⁶ См., например: Dahrendorf, Ralf. Society and Democracy in Germany. New York: Doubleday and Co., 1967.

послевоенной демократизации бывших диктатур, прежде всего, режимов Германии и Японии. Новый всплеск интереса к данной теме пришелся на период так называемой «третьей волны» демократизации конца 1980-х — 1990-х годов, связанный с попытками перехода восточноевропейских стран бывшего советского блока и республик бывшего СССР к демократической системе.

В основополагающей работе 1963 года «Гражданская культура. Политические ориентации и демократия в пяти странах» американские политологи, представители структурно-функционального подхода Габриэль Алмонд и Сидней Верба положили в основу анализа политических национальных культур (субъективные) ценности, нормы и установки, присущие тому или иному обществу. «Когда мы говорим о политической культуре общества, — писали авторы исследования, — мы имеем в виду политическую систему, преломленную в знаниях, чувствах и оценках населения, составляющего это общество»¹. Основываясь на таком подходе, политическая культура в самом общем плане может быть представлена как набор социальных, экономических, культурных, психологических и исторических факторов, среди которых функционирует правительство: интересы, установки, стремления и цели, нормы и ориентации, восприятия и отношения к сфере политического.

Авторы исследования «Гражданская культура» выделили три базовых типа политических культур: во-первых, *патриархальная*, или *приходская культура*, характеризующаяся подчинением власти и отсутствием у населения интереса и знаний о политике; во-вторых, *подданническая культура*, которая предполагает достаточно сильную ориентацию граждан на политическую систему, но слабое участие в обеспечении функционирования этой системы; и, наконец, *активистская культура* или *культура участия*, которую отличает сильная ориентация на политическую систему, на политические и административные структуры и процессы, а также активное участие граждан в общественной жизни. Стабильной демократической системе, по мнению авторов концепции, присуща *гражданская культура*, в которой отдельные патриархальные и подданнические ориентации уравновешивают активистский компонент, тем самым обеспечивая стабильность системы².

¹ Almond, Gabriel A.; Verba, Sidney. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little Brown, 1963. P. 13

² Almond, Gabriel A.; Verba, Sidney. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1989. P. 16-18.

Ключевым элементом гражданской культуры и важнейшим условием демократической стабильности является *уверенность граждан в своей политической эффективности (political efficacy)* или способности влиять на принятие политических решений (даже если эта уверенность не приведет к каким-то реальным попыткам влияния на власть). Как отмечали Алмонд и Верба, демократический гражданин — это «не активный гражданин, это потенциально активный гражданин», это тот, кто убежден в своей способности оказывать влияние в случае необходимости³. Кендалл Бейкер и его коллеги утверждали, что «сильное чувство политической эффективности отражает нечто большее, чем простую поддержку политической системы; оно также служит доказательством того, что нормы и поведение, ожидаемые от гражданина в демократической системе, были изучены и интернализированы»⁴. Джордж Болч, в свою очередь, указывал на то, что политическая эффективность является частью большого кластера гражданских позиций, поскольку «гражданин, который имеет высокое чувство политической эффективности, является <...> политически активным, благосклонно настроенным, хорошо информированным, заинтересованным, лояльным, удовлетворенным и альтруистичным»⁵.

Уверенность граждан в своей политической эффективности связана с другой базовой ориентацией, которая также может служить в качестве общего показателя политизации, а именно с *интересом к политике*. Такой интерес, диагностируемый простым вопросом: «Вы интересуетесь политикой?», проявляется в регулярном знакомстве с новостями и обсуждением политических вопросов с друзьями, знакомыми или родственниками. Наряду с чувством уверенности в собственной политической эффективности, убежденностью граждан в способности влиять на политические решения, интерес к политике представляет одну из предпосылок более высокого уровня вовлеченности — непосредственного участия в политической жизни⁶.

³ Almond, Gabriel A.; Verba, Sidney. 1963. Указ. соч. С. 481.

⁴ Baker, Kendall L.; Dalton, Russell J.; Hildebrandt, Kai. Germany Transformed: Political Culture and the New Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. P. 28.

⁵ Balch, George. Multiple Indicators in Survey Research: The Concept 'Sense of Political Efficacy' // Political Methodology, № 1, Spring 1974. P. 4.

⁶ См.: Conradt, David. Changing German Political Culture. In: Almond, Gabriel; Verba, Sidney (eds.) The Civic Culture Revisited. 2nd ed. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1989. P. 238. Bratton, Michael. Political Participation in a New Democracy: Institutional Considerations from Zambia // Comparative Political Studies. Vol. 32, № 5, 1999.

Очевидно, что показатель политической эффективности обладает особой чувствительностью в посттоталитарных контекстах, поскольку тоталитарный террор уничтожает почву, на которой традиционно произрастает участие в общественной жизни, а именно — уверенность граждан в том, что их действия могут быть влиятельными и эффективными, убежденность в способности воздействовать на процесс принятия политических решений. В обстановке всеобщего страха, когда террор «охватывает все общество, отыскивая повсюду признаки фактических или потенциальных отклонений от тоталитарного единства», где «репрессивные меры режима, направленные, прежде всего, на устранение открытых врагов, постепенно распространяются на другие слои общества», никто не может сохранять иллюзию обладания каким-либо политическим влиянием¹.

Что касается индивидуального поведения, то в условиях масштабных социальных изменений оно может принимать различные формы. Как правило, изменения политических культур, происходящие как реакция на социальный разрыв, первоначально демонстрируют значительную бесформенность (Гарри Экштейн), либо, используя другие определения этого же явления, — аномию (Эмиль Дюркгейм) или деинституционализацию (Роберт Мертон). В результате социальных потрясений культура утрачивает прочную структуру, становится неопределенной, энтропийной. В 1949 году на базе исследования основ девиантного поведения Роберт Мертон смоделировал возможные результаты поведения в условиях культурного разрыва. Согласно данной модели, одной из вероятных поведенческих реакций является конформизм, имеющий, как правило, либо ритуальный, либо оппортунистический характер (имеется в виду подчинение без самоотдачи, *compliance without commitment*). Другая возможная реакция — ретретизм как удаление от «чужого», большого общества в небольшие, более знакомые «мирки» семьи, района, села, и т.п. (*cf.* «патриархальная культура» в классификации Алмонда и Вербы). Третьей вероятной реакцией на ситуацию культурного упадка, согласно Мертону, является бунт или же непримиримое сопротивление власти. Однако, поскольку подобные реакции могут оказаться слишком затратными и требовать слишком много энергии, ретретистское

¹ Friedrich, Carl J., Brzezinski, Zbigniew K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. Pp. 162-163, 186.

поведение или ритуалистский конформизм являются более вероятными сценариями².

Исследователи посткоммунистических обществ указывают также на такое наследие тоталитарных режимов как дихотомическое разделение общественной жизни на две сферы: частную сферу взаимоотношений с членами семьи и близкими друзьями и общественную сферу, в которой преобладает недоверие³. В своем исследовании посткоммунистических обществ Марк Говард отмечал, что в советские времена отношения в частной сфере были «чрезвычайно значимыми и подлинными», во-первых, потому что из-за крайней политизации и жесткого контроля над публичной сферой открытость выражения и обсуждение политики были возможны только в узком кругу близких друзей и семьи (феномен «кухонных разговоров» в СССР); и, во-вторых, из-за роли личных (или «сильных») связей, служивших компенсацией в системе тотального дефицита и недоступности товаров и услуг⁴.

В то же время существует качественное различие между встречами с кругом семьи и друзей и деятельностью на основе групповой солидарности, когда объединение происходит на основании общих идей, интересов, талантов или дел⁵. Ни социальная атомизация, ни исключенные из публичной сферы так называемые «сильные связи» не способствуют развитию общественной солидарности и укреплению гражданского общества, которое может развиваться на основе более широких социальных взаимодействий, выходящих за пределы семейных отношений и тесных дружеских контактов. Оно формируется на базе социальных сетей, характеризующихся относительно слабыми и, следовательно, проницаемыми границами, которые содействуют сотрудничеству и взаимодействию граждан⁶.

Социальные сети, в той мере, в какой они являются неоднородными и политически актуальными, также вносят вклад в формирование демократических ценностей через процесс по-

² Eckstein, Harry. A Culturalist Theory of Political Change // The American Political Science Review, Vol. 82, № 3, September 1988. Pp. 797-98. Merton, Robert K. Social Theory and Social Structure. Glencoe: Free Press, 1949.

³ См.: Evans, Alfred B. Jr. A Russian Civil Society. In: Evans, Alfred B. Jr.; Henry, Laura A.; Sundstrom, Lisa McIntosh (eds.) Russian Civil Society: A Critical Assessment. New York, M. E. Sharpe, 2005. P. 102.

⁴ Howard, Marc Morje. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. New York: Cambridge University Press, 2003. P. 27-28.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Granovetter, Mark. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. Vol. 78, № 6, May 1973. P. 1376.

литической коммуникации. «Слабые» социальные сети способствуют развитию демократических ценностей через процессы диффузии и через практику демократической дискуссии¹.

Понятие «сильные / слабые связи», в свою очередь, соответствует еще одной важной социологической категории *социального доверия*, которая предполагает доверие не только к близким родственникам и друзьям, но и к незнакомым людям (cf. «слабые» связи). В отличие от межличностного доверия, которое структурирует отношения с социально близким и, следовательно, лично знакомым партнером (cf. «сильные» связи), общее доверие касается любого потенциального партнера, каким бы социально далеким он ни был. Институциональное или «вертикальное» доверие, в свою очередь, может возникнуть в отношениях с третьими лицами: судьей, арбитром, посредником, системой правосудия, или государством в целом².

Одним из аспектов процесса модернизации является формирование институционального доверия в дополнение к межличностному. Ричард Роуз, в частности, назвал «домодерной», архаичной тенденцию решать повседневные задачи исключительно с помощью близких родственников и знакомых в ситуации отсутствия рациональной бюрократии. И такая практика становится, по мнению исследователя, «антимодерной», если она вытекает из желания отвергнуть все формальные институты из-за недоверия к ним³.

Поскольку репрессивная тоталитарная система приводит к уничтожению общего доверия и основ солидарности, можно предположить, что появление ассоциативной жизни требует иного типа институциональной организации и может развиваться более или менее свободно лишь в определенной институциональной среде. Как представляется, предпосылкой возникновения подобной дифференциации является реализация принципа плюрализма и конкуренции, а также некоторой степени свободы в общественно-политической сфере. Наличие подобной свободы является основой для воз-

никновения и развития публичной сферы как области социальной жизни, где граждане могут без ограничений совещаться по вопросам, представляющим общий интерес, и через это обсуждение оказывать влияние на политическую жизнь⁴.

Впервые сформулированное социологом Юргеном Хабермасом в 1962 году в работе «Структурная трансформация публичной сферы. Исследование категории буржуазного общества» понятие *публичной сферы* (*Öffentlichkeit*) является ключевым в исследовании политической культуры⁵. Представляя «дискурсивное пространство, в котором отдельные индивиды и группы собираются для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, и для достижения по возможности некоего консенсуса», хорошо функционирующая публичная сфера является важнейшим показателем политической культуры участия. Поскольку публичная сфера представляет собой пространство, где интересы, идеи, ценности, опасения различных сторон могут быть сформулированы, представлены, обсуждены и распространены, ее расширение, как правило, служит свидетельством растущей вовлеченности граждан в общественные дела⁶.

Иными словами, публичная сфера — это сфера действия гражданского общества, включающего самый широкий спектр групп, ассоциаций и организаций, выходящих за рамки семейных отношений, не зависящих от государства, служащих посредниками между индивидом и государственными структурами. «Факт существования и процветания автономных организаций, — писал Марк Говард, — позволяет обычным гражданам взаимодействовать друг с другом за пределами близких семейных и дружеских отношений и тем самым развивать большее доверие, терпимость и навыки ведения переговоров, которые являются чрезвычайно полезными для демократии. Кроме того, опыт работы с организациями гражданского общества, позволяет людям развивать чувство собственной значимости и улучшить их пред-

¹ Gibson, James L. Указ. соч. P. 54. См. Также: Mutz, Diana C. Cross-Cutting Social Networks: Testing Democratic Theory in Practice // *American Political Science Review*, Vol. 96, № 1, March 2005. Pp. 111-126.

² Oleinik, Anton. A Distrustful Economy: An Inquiry into Foundations of the Russian Market // *Journal of Economic Issues*. Vol. XXXIX, № 1, March 2005. P. 8.

³ Rose, Richard. Getting Things Done in an Antimodern Society: Social Capital Networks in Russia. In: Dasgupta, Partha; Serageldin, Ismail (eds.) *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. Pp. 157-59.

⁴ Habermas, Jürgen; Lennox, Sara; Lennox, Frank. The Public Sphere: An Encyclopedia Article (1964) // *New German Critique*, № 3, Autumn 1974. Pp. 49-55.

⁵ Habermas, Jürgen. *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft* (Habilitationsschrift). Luchterhand, Neuwied 1962.

⁶ Hauser, Gerard. Vernacular Dialogue and the Rhetoricity of Public Opinion // *Communication Monographs*, Vol. 65, № 2, June 1998. P. 86. Negt, Oscar; Kluge, Alexander. *Public Sphere and Experience: Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

ставления о собственных возможностях в демократической системе участия, способствуя, таким образом, появлению более опытных и заинтересованных граждан. Чем больше людей участвуют в добровольных организациях гражданского общества, тем больше они усваивают нормы демократического поведения и участия, которые одни могут усилить институты и эффективность демократического управления»¹.

Таким образом, организации гражданского общества и гражданские группы могут способствовать демократической стабильности в двух направлениях: изнутри они могут стимулировать формирование навыков сотрудничества и солидарности, пробуждать чувства гражданского долга и доверие, в то время как извне эти сети помогают объединять интересы и артикулировать требования, обеспечивающие подотчетность правительства перед гражданами. Именно эта плотная инфраструктура групп, по мнению многих экспертов, и является ключом к созданию функционирующей демократии².

Социологические данные, представленные в данной статье, опираются на различные источники. Данные по Западной Германии привлекались из разных исследований, проводимых в послевоенный период немецкими и американскими социологами. Так, с октября 1945 по сентябрь 1949 года Секция по опросам общественного мнения при Управлении военной администрации США в Германии проводила среди немецкого населения американской зоны регулярные опросы, результаты которых позднее вошли в сборник «Общественное мнение в оккупированной Германии»³. После основания ФРГ в 1949 году опросы в основном проводились западногерманскими центрами по изучению общественного мнения, такими как основанный в 1945 году немецкий социологический институт TNS EMNID в Билефельде (*TNS Emnid Medien-und Sozialforschung GmbH*) и основанный в 1947 году Институт изучения общественного мнения в Алленсбахе (*Institut für Demoskopie Allensbach*). Часть данных была получена в ходе реализации проекта «Гражданская культура», проводимого в 1959 — 1960 годах. Другой масштабный исследовательский проект охватывал серию из десяти опросов, проведенных в послевыборные годы (опрос в 1953 году, три опроса в 1961 году, по два опроса в 1965 и в 1969 годах, и по одному — в 1972 и 1976 го-

дах) и опубликованных в совместном исследовании Кендалла Бейкера, Рассела Далтона и их коллег в 1981 году⁴.

Российские данные, представленные в статье, в основной массе почерпнуты из опросов общественного мнения, проводимых с конца 1980-х годов Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центром, до 2003 года — ВЦИОМом).

Западная Германия. Опросы общественного мнения, проводимые в первые послевоенные годы в западных оккупационных зонах, свидетельствовали о том, что прежние представления, оценки, авторитарные комплексы, проявлявшиеся, прежде всего, в имперских амбициях, претензиях на превосходство, продолжали влиять на мышление и поведение немецких граждан. Так, 52% опрошенных в 1946 году были убеждены, что территории Данцига, Судетской области и Австрии должны принадлежать Германии, 39% придерживались откровенных антисемитских взглядов, 48% респондентов полагали, что одни расы более склонны к господству, чем другие⁵. В начале 1950-х годов эксперты обнаружили продолжающуюся поддержку принципов и институтов Третьего рейха; более половины респондентов соглашались с выводом, что национал-социализм был хорошей, но плохо реализованной идеей⁶.

Те же исследования выявляли чрезвычайно низкий уровень гражданской культуры, безразличие к общественным делам, практически полное отсутствие энтузиазма к политической деятельности. В ситуации общего экономического, политического и морального упадка бытовало представление о том, что «политика — это грязное дело». В апреле 1946 года три четверти респондентов признались, что будь у них сын-старшеклассник, они были бы категорически против того, чтобы он избрал профессию политика⁷.

⁴ Baker, Kendall L.; Dalton, Russell J.; Hildebrandt, Kai. Germany Transformed: Political Culture and the New Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. Данные оказались доступны исследователям в результате совместного архивного проекта Межвузовского консорциума политических и социальных исследований (ICPSR) в штате Мичиган, Центрального архива эмпирических социальных исследований (*Zentralarchiv für empirische Sozialforschung*, ZA) в Кельне, и исследовательского центра ZUMA (*Zentrum für Unfragen, Methoden, und Analysen*) в Мангейме.

⁵ Merritt, Anna J.; Merritt, Richard L. (eds.) Указ. соч. С. 31, 38-40.

⁶ Jarusch, Konrad H. After Hitler. Recivilizing Germans, 1945-1995. Oxford University Press, 2006. P. 145.

⁷ Merritt, Richard L. Democracy Imposed: U.S. Occupation Policy and the German Public, 1945-1949. New Haven and London: Yale University Press, 1995. Pp. 328-30.

¹ Howard, Marc Morjé. Указ. соч. С. 46.

² Там же. С. 35.

³ Merritt, Anna J.; Merritt, Richard L. (eds.) Public Opinion in Occupied Germany: the OMGUS Surveys, 1945-1949. Urbana: University of Illinois Press, 1970.

В сентябре 1946 года, незадолго до выборов в местные парламенты и референдума по местным конституциям, опросы показали, что только один из пяти потенциальных избирателей был заинтересован хотя бы в минимальной информации об актуальных проблемах. Лишь малое число респондентов выражали заинтересованность в политике или признавались, что сами проявляют какую-то политическую активность. Хотя девять из десяти опрошенных заявляли в мае 1946 года, что они лично делают все возможное, чтобы помочь восстановлению Германии, только 7% согласились добровольно участвовать в переписи населения в октябре 1946 года, 6% занимались какой-либо волонтерской деятельностью в своих местных сообществах, и не более 4% являлись членами политических партий (при этом 40% заявляли, что не поддерживают ни одну конкретную партию)¹. Ответственность за плохое управление большинство респондентов возлагало на чиновников: 38% обвиняли в плохом управлении должностных лиц, 26% — избирателей, 12% — и тех, и других².

Общественная реакция на принятие Основного закона в мае 1949 года также была весьма апатичной. Как описывал общественные настроения один из наблюдателей, «заявление о ратификации не вызвало никакого торжества <...> В ходе национального опроса, проведенного в то время, 40% респондентов признались, что они равнодушны к конституции, 33% в некоторой степени интересовались ею и только 21% проявляли большую заинтересованность. В другом опросе, проведенном в 1949 году, только 51% опрошенных поддержали создание ФРГ, остальные же были либо против (23%), либо безразличны (13%), либо затруднились с ответом (13%)»³.

Примечательно, что подобные отношения демонстрировали значительную стабильность. Даже спустя десятилетие после создания Федеративной Республики наблюдатели продолжали отмечать дефицит гражданского участия и демократических установок. Исследователи в целом сходились во мнении, что немецкая политическая культура, по-прежнему, оставалась «прагматической», «отстраненной», «почти циничной» и «пассивной». Складывалось впечатление, что отсутствие демократических традиций было серьезным препятствием для формирования демократической политической культуры.

¹ Там же.

² Там же.

³ Conradt, David P. *The German Polity*. New York: Longman, 1982. P. 18.

В 1959 году авторы проекта «Гражданская культура» Габриэль Алмонд и Сидней Верба отмечали несоответствие между внешними практиками, выполнением политических ритуалов — такими, как участие в выборах — и внутренним неприятием демократических идеалов. Пытаясь объяснить структуру западногерманской политической культуры, Алмонд и Верба констатировали наличие в ней таких независимых переменных, как низкий уровень общественного доверия и совместной деятельности; субъектно-ориентированный процесс социализации в семье и школе, а также остаточную переменную в виде «травматического» исторического опыта. Исследователи признавали сохранение в немецком обществе пассивных «подданных» ориентаций, которые так и не были сбалансированы ориентациями участия⁴.

Анализируя состояние «политической культуры» в послевоенной ФРГ, Сидней Верба отмечал, что общественные установки в области политики в Германии определяются, исходя из конкретных результатов функционирования политической системы, и человек воспринимает себя, в первую очередь, в качестве потребителя этих результатов, оценивая свою роль как участника политических процессов довольно пассивно: как гражданин, он исполняет определенные обязательства, а не участвует в процессе принятия решений правительства⁵.

В своей знаменитой радио-лекции и одноименной статье 1959 года «Что значит проработка прошлого?» социолог Теодор Адорно указывал на тот факт, что в Западной Германии «демократия не укоренилась настолько, чтобы люди по-настоящему переживали бы ее как свое собственное дело, осознавая себя субъектами политических процессов. Ее воспринимают как одну систему из многих, словно бы на выбор предлагались коммунизм, демократия, фашизм, монархия. Но ее не воспринимают как идентичную самому народу форму управления, как выражение его зрелости. Ее оценивают по тому, приводит ли она к успехам или неудачам, от которых в свою очередь зависят интересы отдельных людей, но не воспринимают как единство собственного интереса с общим интересом. <...> Прибегая к языку философии, можно говорить о том, что в чуждости народа демократии отражается самоотчуждение общества»⁶.

⁴ Almond, Gabriel A.; Verba, Sidney. 1963. Указ. соч. С. 362.

⁵ Verba, Sidney. *Germany: The Remaking of Political Culture*. In: Verba, Sidney; Pye, Lucian (eds.) *Political Culture and Political Development*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. P. 151.

⁶ Адорно, Т. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас, № 2-3 (40-41), 2005. <<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>>

Немецкий социолог Ральф Дарендорф, обращаясь в 1965 году к проблеме структурных препятствий демократии в Германии, задавался вопросами, «почему так мало немцев разделяют принцип либеральной демократии» и «чем можно объяснить постоянную неспособность немецкого общества создать в своей стране демократию в ее либеральном смысле»¹. Дарендорф пытался выявить характеристики немецкого общества, служившие препятствием созданию демократического порядка, а также найти инструменты и способы, которые могли бы способствовать изменениям. Он связывал проблемы демократизации с отсутствием определенных социальных структур, на которых могла бы быть основана «конституция свободы». Среди причин «структурной неспособности» Германии к демократии Дарендорф особо выделял модернизационный дефицит, выражавшийся в неспособности разрешать конфликты ненасильственным путем, проблему монополии и несменяемости элит, культуру неучастия, отсутствие гражданской составляющей, чрезмерную поглощенность общества частной жизнью. Эти дефекты, по мнению исследователя, препятствовали созданию демократических институтов, поскольку «там, где отсутствует действительное равенство автономных граждан; там, где конфликты не регулируются рационально, якобы «решаются», а на деле подавляются; там, где элиты не могут или не хотят конкурировать друг с другом в системе объединяющего разнообразия; там, где люди ориентированы на частные, а не общественные добродетели — конституция свободы процветать не может»².

В 1970 году Стивен Варнеке указывал на то, что «в существенных сегментах электората продолжают существовать настроения, препятствующие развитию чувства политической ответственности и политической эффективности, легитимации роли общественного мнения, восприятию индивидом общества как порожденно-го собой и другими, и восприятию избирателем правительства как исполнительного комитета общества»³. Другой исследователь Курт Зонтхаймер в начале 1970-х годов утверждал, что «демократическое сознание» в Германии «представляет собой набор взглядов и форм поведения, которые недостаточно сильны, чтобы выдержать испытание какими-либо серьезными

системными кризисами»⁴. Зонтхаймер отмечал, что «немцы ценят свое стремление к гармонии, к национальной общности, объединяющей все население, выше собственной заинтересованности в честном соревновании и открытой конкуренции». «В Германии больше, чем где-либо еще, — заключал автор, — человек чувствует, что он не в состоянии что-то изменить или оставить след своей политической деятельности посредством участия в политической жизни»⁵.

Однако, несмотря на почти единодушный скептицизм в оценках западногерманской политической культуры, сохранявшийся в течение первых послевоенных десятилетий, опросы общественного мнения все же отражали постепенный отход от авторитарных ценностных и поведенческих моделей. Согласно данным исследований, наиболее резкое изменение установок произошло в конце 1960-х и, особенно, в начале 1970-х годов. Данная периодизация свидетельствует о том, что изменения послевоенной политической культуры неразрывно связаны с западногерманским студенческим протестным движением конца 1960-х годов (*Studentenbewegung*)⁶.

Движение протеста молодежи в значительной степени возникло как реакция на авторитарные тенденции и на ощущаемое молодыми людьми лицемерие западногерманского истеблишмента. Участники движения 1968 года требовали демократизации общества в целом и системы образования, в частности; они выступали за реформирование учебных программ и призывали к «проработке», критическому осмыслению нацистского прошлого. Активисты студенческого движения также резко выступали против запланированного принятия (а в 1968 году — за отмену) чрезвычайного законодательства (*Notstandsgesetze*) — законов, позволявших правительству ограничивать гражданские права, свободу передвижения, неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность телекоммуникационной корреспонденции в случае чрезвычайной ситуации.

⁴ *Sontheimer, Kurt*. The Government and Politics of West Germany. New York: Frederick Praeger, 1973. Pp. 65, 69-70.

⁵ Там же.

⁶ Немецкое студенческое движение, или в других дефинициях, «движение 1968-го года» (*68er-Bewegung*) выросло, главным образом, из основной студенческой организации — Социалистического союза немецких студентов (ССНС), который с 1946 года являлся университетской организацией Социал-демократической партии Германии (СДПГ). После его отделения от СДПГ в 1961 году, ССНС стал ведущей организацией внепарламентской оппозиции (*Außerparlamentarische Opposition, APO*).

¹ *Dahrendorf, Ralf*. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 15, 373

³ *Warncke, Steven*. The Future of Right Extremism in West Germany // *Comparative Politics*, № 2, July 1970. P. 646

С внепарламентской оппозицией и Социалистическим союзом немецких студентов (*Sozialistischer Deutscher Studentenbund, SDS*) как ее наиболее известным представителем также ассоциировались борьба за альтернативный образ жизни, равноправие женщин, экологические права и другие вопросы так называемой новой, постиндустриальной политики. Методы студенческих протестов, такие как сидячие забастовки и различные демонстрации, во многом походили на методы борьбы, используемые антивоенным движением в США приблизительно в тот же период.

Хотя студенческое движение просуществовало лишь в течение относительно короткого периода времени, достигнув пика активности и максимального уровня участия в 1968 году (примечательно, к тому моменту оно насчитывало всего около 2 500 активистов) и фактически прекратив существование в 1970 году, его деятельность и повестка оказали существенное влияние на общество и политическую культуру ФРГ. Именно после 1968 года был отмечен постепенный сдвиг в сторону более демократической, гражданской политической культуры.

Так, на протяжении 1950-х годов доля западных немцев, выразивших, по крайней мере, общий интерес к политике никогда не превышала 30%. В 1952 году, например, только 27% опрошенных признавались в наличии подобного интереса. Однако в конце 1960-х годов число интересующихся политикой граждан пересекло 40-процентный барьер, и к 1977 году уже половина взрослого населения отмечала свою заинтересованность в политических вопросах¹.

Частота политических дискуссий с друзьями, соседями и членами семьи также непрерывно росла: она увеличилась более чем на семь пунктов между 1965 и 1976 годами, при этом наиболее резкий рост наблюдался в период 1965 — 1969 годов. В 1953 году более 60% избирателей признавались, что они редко или никогда не обсуждают политику со своим окружением. Уже к 1959 году немецкие избиратели были гораздо более склонны обсуждать политические вопросы: количество невовлеченных граждан сократилось менее чем до 40%. Новый этап роста политических дискуссий пришелся на период избирательной кампании 1965 года и, в особенности, на период 1965—1969 годов².

Рост интереса к политике и частоты политических дискуссий сопровождался ростом готовности принимать участие в политической деятельности. Так, с 1952 по 1979 год в два раза — с 7 до 14% — выросла готовность граждан вступать в политические партии³. Одновременно происходил рост значимости политики в жизни респондентов. Крепло ощущение, что политика имеет значение, что она непосредственно связана с повседневной жизнью граждан. Если в 1953 году 65% опрошенных согласились с утверждением: «Происходящее в политике имеет большее значение, поскольку влияет на мое личное благополучие», в 1974 году эта цифра возросла до 78%⁴.

Что касается чувства политической эффективности, то до конца 1950-х годов этот показатель оставался на довольно низком уровне: около четверти населения страны чувствовали, что они способны оказывать влияние на действия правительства, и чуть более одной десятой респондентов видели иные способы, кроме голосования, с помощью которых можно оказывать влияние на политическую жизнь. Тем не менее, в конце 1960-х и, особенно, в начале 1970-х годов наблюдался постепенный рост и по этому показателю. Если в 1959 году около 70% респондентов согласились и только 27% не согласились с утверждением: «Люди, подобные мне, не имеют права голоса в решениях правительства», в 1972 и 1976 годах количество не согласных с такой формулировкой достигло 40%. В 1953 году 45% опрошенных заявили, что никак не могут повлиять на то, «что может вызывать недовольство в деятельности правительства», но в 1979 году только 26% согласились с этим утверждением. Доля респондентов, считающих себя достаточно компетентными, чтобы оказывать влияние на национальное законодательство, которое, по их мнению, является несправедливым, возросла с 38% в 1959 году до 59% в 1974 году⁵. Более того, около 40% в 1972 году высказали мнение, что политика в принципе доступна для понимания и что простой человек может иметь некоторое влияние в политических вопросах⁶.

В целом, люди все чаще отмечали значение политики в их частной жизни и все больше ощущали свою способность оказывать влияние на происходящее в политической сфере. Эти изменения в общественных установках привели,

¹ Conradt, David P. Указ. соч. С. 239-41.

² Baker, Kendall L. и др. Указ. соч. С. 39. Meulemann, Heiner. Value Change in West Germany, 1950-1980: Integrating the Empirical Evidence // Social Science Information, Vol. 22, № 4-5, 1983. Pp. 784-85.

³ Institut für Demoskopie Allensbach, 1981.

⁴ Meulemann, Heiner. Указ. соч. С. 784-785.

⁵ Conradt, David P. Указ. соч. С. 232.

⁶ Baker, Kendall L. и др. Указ. соч. С. 28.

наконец, к значительному росту политического участия. К середине 1970-х годов жители Западной Германии уже принимали не меньшее участие в политической жизни, чем граждане старых демократий, таких как Соединенные Штаты и Нидерланды, а в некоторых областях (членство в партиях, участие в политических митингах и т.п.) демонстрировали даже более высокий уровень политической вовлеченности¹.

Наряду с традиционными способами, политическое участие приобретало новые формы. Опрос 1976 года выявил существенную поддержку населением (особенно его более молодыми группами) таких «нетрадиционных» способов действия, как передача петиций, участие в сидячих забастовках, бойкотах, демонстрациях, гражданских инициативных группах и т.д. Более крайним, радикальным формам политической активности оказывалось, напротив, мало поддержки². Авторы сравнительного исследования развития «нетрадиционных» форм политического действия в пяти западных индустриальных обществах пришли к выводу, что репертуар политического участия особенно расширился в Федеративной Республике в период с 1959 по 1974 год³.

Согласно подсчетам Министерства внутренних дел ФРГ, в период между 1970 и 1982 годами количество демонстраций выросло в четыре раза — примерно с 1 300 до 5 000 в год. Наибольший скачок пришелся на 1980 год, когда число подобных выступлений достигло 4 000. В то же время, по данным МВД, насильственные формы политической активности, напротив, имели тенденцию к сокращению⁴.

Кендал Бейкер и его коллеги указывали на значительный рост участия в политической жизни в ходе избирательных кампаний 1969 и особенно 1972 года. «Выборы [1969 года], которые характеризовались высоким уровнем участия граждан, — писали авторы исследования, — были отмечены появлением инициативных групп избирателей (*Wählerinitiativen*). Более трети избирателей ежедневно обсуждали политику в течение кампании 1969 года. Во время выборов 1972 года участие граждан поднялось на еще более высокий уровень. Явка в 1972 году

достигла исторического максимума, и широкое распространение получили американские способы проведения предвыборных кампаний. Кульминацией данного тренда усиления политизации стал вывод европейского исследования 1973 года, согласно которому Германия была признана страной с самым высоким уровнем политической дискуссии в Европейском сообществе»⁵.

Среди качественно новых для Германии форм гражданского участия особое значение приобрели так называемые гражданские инициативные группы (*Bürgerinitiativen*), которые начали появляться в немецких городах в конце 1960-х годов. К концу 1970-х их число достигало уже 15 000 с общим числом участников до двух миллионов человек (по мнению наблюдателей, членство в таких группах превышало членство в политических партиях)⁶.

Подобные инициативы, чьи цели варьировались от протестов против повышения тарифов на проезд в общественном транспорте до борьбы за запрет атомных электростанций, пытались влиять на политические решения, в частности, на решения, касающиеся окружающей среды, проблем атомной энергии, вопросов потребления и инфраструктуры. Журналист *Die Zeit* Рольф Зундель, к примеру, указывал на появление «тысяч инициатив, которые зачастую известны только на местном уровне; они лоббируют лучшие — или, по крайней мере, иные — формы городского планирования, организуют помощь иностранцам, и выступают за детские площадки, защиту от шума, помощь пожилым людям, ресоциализацию заключенных и многое другое. Некоторые инициативы представляют собой спонтанные краткосрочные движения, другие превращаются в традиционные ассоциации»⁷.

По данным исследования, проведенного в начале 1970-х годов немецким Институтом городских исследований и анализирующего 1 400 гражданских инициатив, 16,9% из них касались проблем охраны окружающей среды; 15,8% — детских учреждений и игровых площадок. Проблемы транспорта были в центре внимания 11,8% инициативных групп; за ними следуют проблемы школ (8,1%), городского развития (8,0%) и маргинальных групп (7,1%). Существовало также некоторое количество чисто

¹ *Conradt, David P.* 1989. Op. cit. Pp. 248-49.

² Там же.

³ *Kaase, Max; Marsh, Alan.* Political Action Repertory. Changes Over Time and a New Typology. In: Barnes, Samuel et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills, 1979.

⁴ *Zinnecker, Jürgen.* Political Culture of West German Youth, 1954-1984. Universität-Gesamthochschule-Siegen, Forschungsschwerpunkt Historische Mobilität und Normenwandel in Siegen, 1987. P. 91.

⁵ *Baker, Kendall L.* и др. Указ. соч. С. 39.

⁶ *Conradt, David P.* Указ. соч. С. 248-49; *Meulemann, Heiner.* Указ. соч. С. 453.

⁷ *Zundel, Rolf.* Anschlag auf die Parteien oder Ventil der Verdrossenheit? // *Die Zeit.* 5 August, 1977.

коммерческих инициатив (2%), и, по крайней мере, одну треть всех гражданских инициатив составляли социальные организации взаимопомощи (*self-help organizations*)¹.

Многие из гражданских инициативных групп привлекали большую часть своих активистов из молодых, хорошо образованных представителей среднего класса, часто фокусировались лишь на одном вопросе и действовали на местном уровне. Согласно опросам общественного мнения, возможность членства в одной из подобных групп рассматривали более трети взрослого населения ФРГ².

Важно, однако, иметь в виду, что гражданские инициативные группы не возникли внезапно, но были обязаны своим появлением, прежде всего, протестному движению 1968 года. После распада Социалистического союза немецких студентов активисты студенческого движения рассеялись по левой части политического спектра, при этом подавляющее большинство из них придерживались реформистского пути. Радикальным путем, представленным деятельностью насильственных левых групп, наиболее известными из которых стали Фракция Красной Армии (*Rote Armee Fraktion, RAF*) или группа Баадер-Майнхоф (*Baader-Meinhof Group*), последовало явное меньшинство. Через формирование низовых гражданских инициатив бывшие участники студенческого движения привнесли этику личной инициативы и самостоятельно организованной политики в местные общины. Между 1969 и 1972 годами около 300 000 молодых людей в возрасте 18-25 лет, вдохновленные реформами правительства Вилли Брандта, присоединились к Социал-демократической партии Германии (СДПГ)³. Влияние многочисленных, произрастающих из студенческого движения низовых инициатив на политическую жизнь ФРГ было сильно еще тем, что в 1970-е годы на их основе были сформированы новые мощные социальные движения — экологическое движение (*Ökologiebewegung*) и движение против атомной энергии (*Anti-Atomkraft-Bewegung*), женское движение (*Frauenbewegung*) и движение за мир (*Friedensbewegung*). Эти массовые движения, в свою очередь, мобилизовали миллионы про-

стых немцев, значительно увеличив социальную базу движения 1968 года, состоявшего, в основном, из представителей среднего класса и околоуниверситетской среды.

Наиболее влиятельным из новых социальных движений стало экологическое движение 1970-х годов. Объединив внепарламентскую студенческую оппозицию и движение против атомной энергии, оно постепенно превратилось в серьезную политическую силу. В 1972 году 16 гражданских групп основали Федеративный союз гражданских инициатив по охране окружающей среды (*Bundesverband Bürgerinitiativen Umweltschutz, BBU*), который вскоре включал более тысячи аффилированных групп действия и более 300 000 индивидуальных членов. В 1975 году неправительственная Лига по охране окружающей среды и охране природы (*Bund für Umwelt und Naturschutz Deutschland, BUND*) была основана как федерация уже существующих региональных групп, объединявшая около 40 000 членов⁴.

Будучи в некоторой степени продолжением студенческого движения, экологическое движение имело множество сходств с внепарламентской оппозицией 1960-х годов. Среди них Рольф Зундель выделял, прежде всего, глубокое разочарование в истеблишменте. Как и членов студенческого движения, экологов также отличала бескомпромиссность и восприятие самих себя в качестве элиты. Представление об исключительных правах участников движения было основано на чрезвычайно высоких нравственных целях (девиз в проекте каталога Федерального союза гражданских инициатив по охране окружающей среды гласил: «Когда правосудие становится несправедливым, сопротивление становится долгом»). Широко распространенной была уверенность, что движение представляло собой наиболее важный инструмент низовой демократии и канал народного волеизъявления. При этом было не существенно, что на данный момент оно фактически представляло меньшинство (по разным данным, в тот период от 20 до 40% граждан выступали против атомной энергии)⁵. Впоследствии, в 1979 году, на базе экологического движения была создана Партия зеленых (*Die Grünen*), которая в 1983 году впервые преодолела 5-процентный барьер, получив представительство в Бундестаге.

¹ Там же.

² Thomas, Ellwein; Ekkehard Lippert; Zoll, Ralf. Politische Beteiligung in der Bundesrepublik Deutschland. Göttingen: Verlag Otto Schwartz, 1975. S. 136-179.

³ Hockenos, Paul. The 1968 Debate in Germany // Open Democracy, 2 May, 2008. Hockenos, Paul. The Grassroots Republic: How Intellectuals, Students and Civic Movements Changed German Culture // The Atlantic Times, May 2009.

⁴ В настоящий момент Лига насчитывает 480 000 членов, имеет 2 200 местных групп и 16 представительств в федеральных землях ФРГ.

⁵ Zundel, Rolf. Anschlag auf die Parteien oder Ventil der Verdrossenheit? // Die Zeit. 5 August, 1977.

Таким образом, к началу 1970-х годов западногерманская общественность была вовлечена в полный спектр совместной деятельности: подавляющее большинство граждан принимали участие в федеральных и местных выборах, обсуждали политические вопросы и проявляли высокую заинтересованность в политических делах. Даже в более сложных формах предвыборной деятельности, таких как поддержка партий и участие в совещаниях, в политической активности признавалось хотя и меньшинство граждан, но довольно значительное¹.

Если в 1959 году 44% респондентов проекта «Гражданская культура» являлись членами добровольных организаций, к 1967 году эта цифра возросла до 50%, а в 1975 году 59% респондентов, принимавших участие в национальном опросе, сообщили, что являются членами, по крайней мере, одной организации. Но, пожалуй, еще важнее то, что доля респондентов, принимавших активное участие в деятельности организаций, увеличивалась более быстрыми темпами, чем простое членство. По данным опроса 1959 года, только 7% немецких респондентов заявляли о своем активном участии в одной из общественных организаций, к 1967 году доля активных членов возросла до 10%, а к 1975 году — до 17%².

Как отмечалось ранее, способность образовывать группы и осуществлять согласованные действия связана с такой общественной ценностью, как доверие. В ходе первой волны исследования «Гражданская культура» в ФРГ был выявлен довольно низкий уровень общего социального доверия. Этот вывод соответствовал многим описаниям послевоенного немецкого общества, отмечавшим тенденцию к социальной изоляции и даже анонимности³. Наряду с отсутствием социального доверия, политическая культура в Западной Германии отличалась более высоким уровнем подозрительности, недоверия, изоляции и более низким уровнем социального сотрудничества, чем в англо-американском и даже мексиканском контекстах⁴.

Однако, как показывают данные опросов, низкий уровень доверия, обнаруженный в исследовании 1959 года (19%), на самом деле, демонстрировал рост по сравнению с данными

десятилетней давности (9% в 1948 году). И эта тенденция со временем только усиливалась. К 1970-м годам немцы воспринимали свое социальное окружение гораздо менее враждебно, чем в начале послевоенного периода. На вопрос: «Каких людей, на Ваш взгляд, больше: злонамеренных (*böswillige*) или благожелательных (*gutwillige*)?», почти половина опрошенных в 1949 году (46%) отмечали преобладание первых. К середине 1970-х годов, однако, доля пессимистов сократилось до 16%, при этом в доле ответивших не было существенных различий по возрастным и социальным показателям⁵.

Уровень социальной изоляции также существенно снизился. На вопрос, имеют ли они «мало или много» знакомых, более четверти (26%) респондентов в 1957 году сообщили, что они имеют «мало друзей». В начале 1970-х годов к данной категории относили себя лишь 8% опрошенных. За тот же период доля ответивших, что у них много знакомых, увеличилась с 42 до 57%⁶. Эти изменения свидетельствовали о растущем значении «слабых» связей в социальном взаимодействии.

Как уже было отмечено, многие исследователи немецкой политической культуры сходились в мнении, что отсутствие демократических традиций являлось серьезным препятствием на пути демократизации страны. Авторы проекта «Гражданская культура» Габриэль Алмонд и Сидней Верба, в частности, пришли к заключению, что демократические отношения были по-прежнему в дефиците даже после десятилетия существования Федеративной Республики.

Однако постепенно, особенно в конце 1960-х — начале 1970-х годов, исследования стали выявлять устойчивый рост позитивного отношения к ключевым ценностям либеральной демократии, позволивший осторожным наблюдателям предположить, что традиционные характеристики немецкой политической культуры начали меняться. Например, данные 14-ти исследований, проведенных Институтом Алленсбаха в период между 1950 и 1968 годами, выявили усиление значимости политической конкуренции (примечательно, что среди более молодых и более обеспеченных граждан рост был наиболее быстрым)⁷.

На основе данных лонгитюдного исследования Института Алленсбаха, исследователи

¹ Там же.

² *Conradt, David P.* Указ. соч. С. 248-49.

³ *Tenbruck, Friedrich H.* Alltagsnormen und Lebensgefühle in der Bundesrepublik. In: *Löwenthal, Richard; Schwarz, Hans-Peter* (Hrsg.) Die zweite Republik. 25 Jahre Deutschland - eine Bilanz. Stuttgart: Seewald Verlag, 1974. S. 289-310.

⁴ *Conradt, David P.* Указ соч. С. 253-54.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Merelman, Richard M.; Foster, Charles R.* Political Culture and Education in Advanced Industrial Societies: West Germany and the United States // *International Review of Education*, Vol. 24, № 4, 1978. P. 453.

отмечали рост поддержки различных компонентов демократической системы¹. Кроме того, Макс Каазэ, Кенделл Бейкер, Уильям Чандлер и Вальтер Джайде представили в середине 1970-х годов данные опросов молодежи, согласно которым демократические ценности и политический интерес получили широкую поддержку в молодежной среде².

Со временем почти все исследования демонстрировали рост поддержки демократических ценностей, таких как толерантность, свобода выражения мнения, интерес к политическим событиям и т.д. Кроме того, западные немцы выражали поддержку действующему социальному порядку, все чаще признавая, что в Федеративной Республике им живется лучше, чем при любом другом политическом режиме в XX веке.

В своем исследовании 1965 года «Общество и демократия в Германии» Ральф Дарендорф приводил вопрос, четырежды заданный социологами Института Алленсбаха своим респондентам: «Два человека говорят о том, как страна должна управляться. Какое из двух мнений Вам ближе – первое или второе? Первый говорит: «Было бы лучше, чтобы весь народ поставил лучшего политика во главе государства и возложил на него всю полноту государственной власти. Вместе с несколькими отобранными экспертами он мог бы принимать ясные решения. В таком случае было бы мало разговоров, но дела бы делались». Другой говорит: «Я предпочитаю, чтобы несколько человек обладали властью. Хотя перед принятием решений может возникать некоторое колебание, злоупотребление властью станет гораздо более проблематичным». В 1955 году 55% респондентов согласились со вторым высказыванием (31% с первым и 14% затруднились с ответом),

¹ См. например: *Boynnton, G. R.; Loewenberg, Gerhard. The Decay of Support for Monarchy and the Hitler Regime in the Federal Republic of Germany // British Journal of Political Science, Vol. 4, № 4, 1974. Idem The Development of Public Support for Parliament in Germany, 1951-59 // British Journal of Political Science, Vol. 3, № 2, April 1973. Conradt, David P. The German Polity, New York: Longman, 1978. Conradt, David P. West Germany: A Remade Political Culture? Some Evidence from Survey Archives // Comparative Political Studies, Vol. 7, № 2, July 1974. Conradt, David P. Political Culture, Legitimacy, and Participation // West European Politics, Vol. 4, № 2, 1981.*

² *Kaase, Max. Demokratische Einstellungen in der Bundesrepublik Deutschland. In: Windenmann, Rudolf et al. (Hrsg.) Sozialwissenschaftliches Jahrbuch für Politik. München: Olzog, 1971. Chandler, William. Peer Group Socialization among German Students // Canadian Journal of Political Science, Vol. 7, № 4, December 1974. Jaide, Walter. Jugend und Politik heute. In: Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn. Bundeszentrale für politische Bildung, 25 September, 1976. Baker, Kendall L. и др. Указ. соч.*

к 1957 году число сторонников этой точки зрения возросло до 60% (26% и 14% соответственно), к 1960 году – до 62% (21% и 17%), а к 1962 году – до 66% (18% и 16%).

Сходную тенденцию можно было наблюдать в ответах на вопрос: «Что, по Вашему мнению, лучше для страны: иметь несколько партий, чтобы разные мнения могли быть свободно представлены, или только одну партию, чтобы было как можно больше единства?» Между 1951 и 1961 годами поддержка многопартийной системы выросла с 61 до 73%. Эти данные позволили Дарендорфу заключить, что более двух третей западных немцев к середине 1960-х годов разделяли принцип управления посредством конфликта и что этот принцип прочно утвердился в ФРГ, в отличие от Веймарской республики³.

Такие события общественной жизни, как смена правительства в 1969 году, рекордная явка избирателей и появление многочисленных гражданских инициативных групп подтверждали растущую приверженность граждан демократическим ценностям и нормам. Тот факт, что многие жители ФРГ стали выходить за рамки конвенциональной политической деятельности, играя все более активную и решительную роль в общественном поле, безусловно, свидетельствовал о демократизации западногерманской политической культуры. Многочисленные гражданские инициативные группы, выражавшие, с одной стороны, разочарование и недовольство граждан мощными государственными и бизнес-интересами, тем не менее, отражали интериоризацию демократических ценностей и рост участия (по крайней мере, на выходе системы). Они также косвенно представляли спрос на большую демократизацию системы и на более активное участие граждан в принятии решений. Кроме того, появление гражданского инициативного движения стало индикатором развития гражданской культуры в среднем классе⁴.

Еще одним признаком западногерманской демократизации стало появление критической публичной сферы, готовой защищать «свободное правовое государство, основанное на верховенстве закона»⁵. Конрадт Ярауш, в частности, обращал внимание на развитие критического дискурса о демократии, выход концепции демократии за рамки политической сферы. Эта тенденция была связана со спросом на бо-

³ *Dahrendorf, Ralf. Указ. соч. С. 204.*

⁴ *Merelman, Richard M.; Foster, Charles R. Указ. соч. С. 453.*

⁵ *Jarausch, Konradt. Указ. соч. С. 143-44.*

лее широкое социальное самоопределение, на непрерывное преобразование общества и культуры¹.

С середины 1960-х годов также усиливалось общественное осознание необходимости по-рвать с остатками авторитарных структур в неполитической сфере. В частности, в публикации 1964 года немецкий социолог Вилли Стрзелевич отказывался от рассмотрения понятия демократии в качестве «завершенного состояния в отношении, например, конституции»; вместо этого он призывал понимать ее как «процесс, который далек от завершения и состоит не только из политических, но и социальных, экономических и культурных отношений в обществе». Такое расширительное понятие демократии, направленное на либерализацию основных убеждений и поведения, должно было повлечь за собой всеобъемлющую реформу экономики, семьи и школы².

Выходя далеко за рамки демократического права избирать, такие интеллектуальные требования, как большее участие в принятии решений привлекали, в первую очередь, молодых людей, выросших в ФРГ и возмущенных остатками авторитарных практик и отношений в своей стране. Одним из важнейших элементов «бунтующего поколения» 1968 года стал левый призыв к «мобилизации и практике освободительного и демократического противодействия власти, совместного определения и самоопределения во всех подсистемах общества»³.

Юрген Хабермас также выступал против рассмотрения демократии в качестве некоторого набора правил политической игры. Он представлял самоуправление в качестве социального процесса выработки общего понимания через обсуждение в сфере, характеризующейся «критической публичностью». Подобный подход получил широкую поддержку и, как следствие этого, демократия стала основным лозунгом 1960-х и 1970-х годов, выражая общее стремление к большей культурной открытости и общественному участию⁴.

К началу 1980-х годов немецкое общество все более проникалось ощущением себя как консолидированного гражданского общества, что закрепляло наметившееся в прежние де-

сятилетия формирование новых основ национальной идентичности. Национальная, этническая составляющая все больше уступала место гражданской, постнациональной идентичности, основанной на приоритете конституционных универсальных ценностей прав и свобод человека (хабермасовская концепция «конституционного патриотизма»)⁵.

Россия. Уникальное по своей разрушительности воздействие на общество репрессивного аппарата советского режима в целом и сталинского террора, в особенности, отмечалось многими исследователями. По словам Аллена С. Линча, «если какое-то общество достигло идеального типа атомизации, в котором вертикальные связи между индивидом и государством вытеснили горизонтальные связи, связывающие индивидов друг с другом через работу, место жительства, классовые, социальные и личные интересы, гражданские ассоциации и даже семью, это был Советский Союз при Сталине, начиная с конца 1920-х годов вплоть до смерти диктатора в марте 1953 года»⁶.

Один из наиболее пронизательных и тонких наблюдателей советского общества Н.Я. Мандельштам описывала социальную среду периода сталинского террора следующим образом: «Никто друг другу не доверял, в каждом знакомом мы подозревали стукача. <...> После 37 года люди перестали встречаться друг с другом. И этим достигались далеко идущие цели органов. Кроме постоянного сбора информации они добились ослабления связей между людьми, разъединения общества, да еще втянули в свой круг множество людей, вызывая их от времени до времени, беспокоя, получая от них подписки о «неразглашении». И все эти толпы «вызываемых» жили под вечным страхом разоблачения и, подобно кадровым служащим органов, были заинтересованы в незыблемости порядка и неприкосновенности архивов, куда попали их имена. <...> Потеря взаимного доверия — первый признак разъединения общества при диктатурах нашего типа, и именно этого добивались наши руководители»⁷.

Уничтожение любых общественных связей как потенциальных угроз единовластия являлось одной из ключевых целей сталинизма. Для достижения этой цели режим «уничтожал все

¹ Там же.

² Там же. См. также: *Strzelewicz, Willy*. Industrialisierung und Demokratisierung der modernen Gesellschaft Verlag für Literatur und Zeitgeschichte. Hannover, 1964. 45 ff., 51 ff., 73 ff.

³ *Vilmar, Fritz*. Strategien der Demokratisierung. 2 Bände, Darmstadt, Neuwied, 1973.

⁴ *Jarusch, Konrad*. Указ. соч. С. 143-44.

⁵ *Данн, Отто*. Нации и национализм в Германии 1770-1990. Пер. с нем. Инна Стреблова. М.: Наука, 2003. С. 348.

⁶ *Lynch, Allen C*. How Russia Is Not Ruled. Reflections on Russian Political Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 55.

⁷ *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 43, 113.

самоорганизованные формы (промежуточной) общественной организации и заменял их государственными организациями — «приводными ремнями» партии, целью которых был контроль над обществом, мобилизация его вокруг программы руководства, и передача приказов и распоряжений сверху вниз»¹.

Описывая советское общество, политолог Т.Е. Ворожейкина отмечала, что национализация экономики и всех сфер социальной жизни означала полное исключение индивидуальной инициативы из структурирования групп интересов: «Государство и общество были объединены и неразделимы, как в реальности, так и в общественном сознании, и предназначались для функционирования строго в соответствии с соображениями общественного блага. Номенклатурная система управления и особая роль идеологии обеспечивали главным образом целостность социальной системы. И государство, и общество были основаны на принципах, которые отрицали роль личности в качестве субъекта, преследующего личные цели, и исключали частные интересы из сферы социальной значимости»².

Тем не менее, беспрецедентно длительный контакт с тоталитаризмом и разрушение социальных связей подавляющим, крайне репрессивным государством не помешали советским (а затем бывшим советским) гражданам в конце 1980-х и начале 1990-х годов оказать массовую поддержку демократическим реформам. Тысячи активистов выходили в те годы на улицы крупных городов в поддержку преобразований. Исследователи, начавшие проводить первые социологические опросы в период «перестройки», были удивлены результатами: неожиданной оказалась значительно большая поддержка демократических ценностей и институтов, чем могли предполагать сторонники концепции культурной преемственности. Например, Джеффри Хан и его коллеги, проводившие в 1990 году исследование в Ярославле, пришли к выводу, что взгляды, ценности и представления о демократии у россиян не многим отличались от жителей промышленно развитых демократических стран, включая США³. Эти

¹ Bernhard, Michael. Civil Society after the First Transition: Dilemmas of Post-Communist Democratization in Poland and Beyond // *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 29, № 3, September 1996. P. 314.

² Vorozheikina, Tatiana. Clientelism and the Process of Political Democratization in Russia. In: Roniger, Luis; Güneş-Ayata, Ayşe. Democracy, Clientelism and Civil Society. Boulder: Lynne Rienner, 1994. P. 56.

³ Hahn, Jeffrey W. 'Yaroslavl' Revisited: Assessing Continuity and Change in Russian Political Culture Since 1990. In: Whitefield, Stephen (ed.),

результаты были подтверждены в ряде работ других авторов⁴.

Расцвет независимой гражданской активности в период «перестройки» и в первые постсоветские годы вселил во многих наблюдателей надежду на быстрое развитие гражданского общества. Однако этот всплеск гражданской вовлеченности в различные формы общественной деятельности (включая массовые акции протеста, забастовки и демонстрации, тысячи неформальных групп и организаций), вызванный ослаблением государственного контроля над выражением политических взглядов и политической жизнью, оказался довольно краткосрочным. Он практически сошел на нет уже в первые годы существования нового российского государства.

Исследования Джеффри Хана, повторно проведенные в Ярославле в 1993 и 1996 годах, зафиксировали «общее падение практически всех мер диффузной поддержки (*diffuse support*), включая политическую эффективность, политическое доверие, участие в выборах и политический интерес»⁵. Годы больших волнений и ожиданий сменились периодом массовых разочарований, особенно после 1993 года⁶. Спад был отмечен наблюдателями практически по всем культурным показателям. Единственным показателем, сохранившим некоторую стабильность на протяжении лет, был интерес к политике. По данным Левада-Центра, 47% респондентов в 1990 году, 51% в 1995 году, и 49% в 1999 году выразили, по крайней мере, некоторый интерес к политическим делам, в то время как 35%, 46% и 51% соответственно признались либо в крайне низком интересе либо в его полном отсутствии. Из числа заинтересованных в политике 33% в 1993 году, 44% в 1995 году и 45% в 1999 году обсуждали политические вопросы с друзьями, но

Political Culture and Post-Communism, Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, 2005. P. 151.

⁴ См., например: Gibson, James L.; Duch, Raymond M.; Tedin, Kent L. Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // *The Journal of Politics*, Vol. 54, № 2, May 1992. Gibson, James L. 'A Mile Wide But an Inch Deep': The Structure of Democratic Commitments in the Former USSR // *American Journal of Political Science*, Vol. 40, № 2, May 1996. Reisinger, William M.; Miller, Arthur H.; Hesli, Vicki L.; Maher, Kristen H. Political Values in Russia, Ukraine and Lithuania: Sources and Implications for Democracy // *British Journal of Political Science*. Vol. 24, № 2, April 1994.

⁵ Hahn, Jeffrey W. *Regional Russia in Transition: Studies from Yaroslavl*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2001. P. 106.

⁶ Brown, Archie. Political Culture and Democratization: The Russian Case in Comparative Perspective. In: Pollack, Detlef; Jacobs, Jürg; Müller, Olaf; Pickel, Gert (eds.) *Political Culture in Post-Communist Europe: Attitudes in New Democracies*. Ashgate, Aldershot, 2003. P. 21.

только около 1% в 1994 году, 1,5% в 1995 году и 3% в 1999 году принимали участие в какой-либо реальной политической деятельности, например, в митингах или демонстрациях. Таким образом, несмотря на относительно высокий уровень интереса на протяжении 1990-х годов, цифры позволяют сделать вывод, во-первых, о снижении интереса к политике, и, во-вторых, о декларативном характере этого интереса. Более поздние исследования, проведенные в 2000-х годах, показали, что политикой не интересуются около 60% взрослого населения. При этом на вопрос: «Готовы ли Вы лично принять более активное участие в политике?», 77% респондентов в 2006 и 2010 годах дали отрицательный ответ¹.

Чувство политической эффективности также оставалось на крайне низком уровне на протяжении 1990-х и 2000-х годов. В 1998 году только 6% респондентов верили в свою способность оказывать некоторое влияние на обстановку в своем городе, и только 3% — в какую-то возможность «сделать Россию лучше»². В 2000 году, на вопрос: «Могут ли такие люди, как Вы, влиять на принятие государственных решений (участвуя в выборах, общественных акциях и демонстрациях, дискуссиях и т.п.)?», 85% респондентов ответили отрицательно. В 2006 году эта цифра выросла до 87%, а в 2009 году до 92%, и только 1% дал положительный ответ на этот вопрос³.

Аналогичная картина наблюдалась и в вопросах относительно местного уровня принятия решений: в 2009 году 91% россиян признали, что простые граждане не могут влиять на процессы управления в своем городе или селе⁴. Кроме того, большинство респондентов (88%) согласилось с тем, что обычным гражданам довольно трудно воспользоваться правами, которыми они были наделены в конституции 1993 года⁵. В другом опросе 60% заявили, что

их голос ничего не изменит. На вопрос: «Можете ли Вы повлиять на политические процессы в России?», задававшийся респондентам в последние годы, отрицательно отвечали 87% в 2008 году, 84% в 2010 году и 82% в 2011 году⁶.

Как показывают опросы общественного мнения, убежденность большинства россиян в том, что их участие в политической деятельности бессмысленно и бесполезно, а также уверенность в том, что правительство не служит их интересам, сохранялось на протяжении 1990-х и 2000-х годов. Участие в организованных формах политической активности также оставалось крайне незначительным. Этот низкий уровень участия в политической жизни стал, в свою очередь, отражением низкого уровня доверия политическим институтам и распространеного мнения, что обычные люди имеют мало влияния на процесс принятия решений⁷.

Аналогичную тенденцию демонстрировало и членство в общественных организациях и объединениях. Россияне в массе своей оставались равнодушны к деятельности неполитических организаций, мало им доверяли и не стремились их поддерживать. По данным исследований состояния гражданского общества, проводившегося Левада-Центром в 1999 — 2006 годах, более 90% респондентов не состояли ни в одной из общественных, неправительственных, благотворительных или каких-то иных организациях. По данным опроса 2007 года, в каких-либо спортивных клубах, творческих союзах, благотворительных организациях или добровольных общественных объединениях состояли менее 5% россиян, и лишь две трети (64%) данной подгруппы посещали встречи, собрания каких-либо организаций хотя бы раз в месяц. В деятельности женских, молодежных, религиозных и каких бы то ни было иных добровольных объединений и групп участвовали, по их признанию, от 1 до 3% опрошенных⁸.

Отвечая в 1999 году на вопрос о причинах неучастия в деятельности общественных организаций, 50% россиян назвали отсутствие интереса («Меня это просто не интересует, я просто не хочу принадлежать к какой-либо организации»), а 18% признались, что «находят эти организации совершенно бесполезными».

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 60. См. также: Отношения общества и государства в глазах россиян. Опрос Левада-Центра, 26 февраля — 2 марта 2010 г. <<http://www.levada.ru/press/2010031602.html>>. Подробнее об интересе россиян к политике см.: Зоркая Н.А. Интерес к политике как форма политического участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 4 (42), 1999. С. 13-20.

² Rose, Richard. Getting Things Done with Social Capital: New Russia Barometer VII. Studies in Public Policy № 303, University of Strathclyde, Glasgow, 1998. Pp. 58-59.

³ Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2010. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ White, Stephen; McAllister, Ian. Dimensions of Disengagement in Post-Communist Russia // Journal of Communist Studies and Transition Politics, Vol. 20, № 1, 2004. Pp. 84-85.

⁶ Общественное мнение — 2011. М.: Левада-Центр, 2012. С. 34.

⁷ См. Remington, Thomas F. Politics in Russia. London: Longman, 2006. P. 385. Зоркая Н.А. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и политическим лидерам // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 1 (39), 1999. С. 24-27.

⁸ Там же. С. 77.

21% респондентов выбрали один из двух вариантов ответа: «Никто меня не приглашал / никто не предлагал мне присоединиться к какой-либо организации» и «В действительности я ничего не знаю о деятельности какой-либо из этих организаций. Если бы я знал больше, возможно я бы рассмотрел вопрос об участии». 6% респондентов в качестве причины неучастия назвали нехватку времени («Я заинтересован в этой деятельности, но у меня нет времени, чтобы участвовать в ней»)¹.

Эти данные трудно сопоставить с послевоенной ФРГ, где членство в общественных объединениях в период между 1959 и 1975 годами выросло с 44 до 59%. Более поздние данные по Западной Германии середины 2000-х годов выявили, что примерно треть граждан уделяли время той или иной форме волонтерской работы, а также брали на себя более долгосрочные обязательства в различных клубах, обществах, инициативах или проектах. Еще 34% в 2004 году были вовлечены в деятельность какой-либо организации, не имея при этом каких-либо конкретных задач или обязанностей².

Другой переменной, претерпевшей очевидный спад в постсоветской России, стало социальное доверие. Отметим, что, несмотря на постоянное разрушение человеческих связей и доверия между людьми в советский период, уровень общего доверия в период «перестройки» был относительно высоким (и гораздо выше, чем в период постсоветский). Так, в 1989 году 52% респондентов Левада-Центра выразили мнение, что большинству людей можно доверять, в то время как 41% заявили, что нужно быть осторожным в отношениях с другими людьми. В 1991 году это соотношение изменилось на 34 и 42% соответственно. На протяжении 1990-х годов имело место постепенное снижение общего доверия, и доля россиян, выразивших больше недоверия, чем доверия, достигла 74% в 1998 году. Ситуация стабилизировалась на этом уровне, и с середины 2000-х годов социологические опросы постоянно диагностировали высокий уровень недоверия в российском социуме: от 21 до 31% респондентов в разные годы соглашались с тем, что людям в целом можно доверять, а общее недоверие сохранялось на уровне 70-75%³. Так что

в отличие от послевоенной Германии, в постсоветской России граждане стали со временем меньше, а не больше доверять своим согражданам.

Отсутствие доверия к другим выразилось, в частности, в общей удовлетворенности своими личными сетями и «сильными» связями, а также в недоверии к любой форме организации. Социальные контакты большинства россиян продолжали ограничиваться семейными и дружескими связями, то есть частными, партикулярными, аскриптивными отношениями, не выходящими за пределы традиционных групп.

По данным исследования круга неформального общения россиян (в динамике 1997-2007 годов), проведенного Институтом социологии РАН, 69% молодых людей в возрасте от 17 до 26 лет и 87% людей старшего поколения в 2007 году поддерживали связь со своими родственниками, 65% и 68% соответственно – с устоявшимся кругом старых друзей и 68% и 66% – со своими коллегами по работе. Неформальные социальные круги только 15% молодежи и 7% взрослых включали людей, разделяющих их хобби или интересы, и только 5% представителей обеих групп общались с единомышленниками, разделяющими их политические или религиозные взгляды⁴.

Что касается поддержки идей либеральной демократии и связанных с ними ценностей, таких как толерантность, свобода слова, уважение прав человека и прав меньшинств, общая картина представлялась довольно сложной. С одной стороны, судя по опросам, большинство россиян разделяли идею о важности демократии. Так, с середины 2000-х годов от 55 до 67% респондентов выражали уверенность, что России демократия нужна (26-27% в разные годы не соглашались с этим мнением)⁵. Но в то же время примерно две трети населения не имели четкого представления о том, что такое демократия, какая политическая система существует в сегодняшней России и какая система была бы предпочтительна. Представления россиян о демократии до сих пор остаются крайне расплывчатыми и противоречивыми.

Среди основных характеристик демократии респонденты Левада-Центра в первую очередь традиционно называли экономическое процветание (39% в 2009 году и 47% в 2008 году), а также порядок и стабильность (37% в 2009

¹ Howard, Marc Morjé. Указ. соч. С. 104.

² Rosenblatt, Bernhard. Volunteering in Germany. Results of the 1999 Representative Survey on Volunteering and Civic Engagement. Volume 1: General Report. Munich, 2000. P. 13. Study on Volunteering in The European Union – Country Report Germany, GHK, 2010. P. 5. http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/national_report_de_en.pdf

³ Общественное мнение – 2010. М.: Левада-Центр, 2011. С. 33.

⁴ Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Доклад Института социологии РАН, 2007. <http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html>

⁵ Общественное мнение – 2011. М.: Левада-Центр, 2012. С. 26.

и 41% в 2008 году). На вопрос, в чем современная Россия нуждается больше — в порядке или в демократии — 81% в 2000 году и 75% в 2001, 2004 и 2005 годах ответили, что Россия прежде всего нуждается в порядке, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод¹.

Социолог и политолог Стивен Уайт, анализируя состояние российской политической культуры в 1990-е годы, отмечал, что примерно для четверти россиян демократия означала «свободу слова и совести, но почти столько же считали, что она означает «строгую законность», или «порядок и стабильность» и около одной пятой — «процветающую экономику». Только 7% респондентов в середине 1990-х связывали понятие демократии с необходимостью избирать руководство на ключевые правительственные посты и только 3% — с правами меньшинств². Уайт также обращал внимание на общую нетолерантность россиян, их нетерпимость к мнениям других. Так, данные исследований середины 1990-х годов выявили поддержку большинством респондентов идеи смертной казни, при этом около четверти опрошенных считали, что она должна применяться чаще, чем в прошлом. Результаты исследований также выявили слабое представление о таком значимом индикаторе демократических ценностей, как уважение прав меньшинств. Значительное число респондентов считало, что общество должно «ликвидировать» (18%) и «изолировать» (23%) проституток; чуть большее число опрошенных поддерживали идею «ликвидации» гомосексуалистов (22%) и наркоманов (26%), а также детей с врожденными дефектами (18%). Эти и другие данные обнаружили гораздо большую нетерпимость россиян по сравнению с западными респондентами³.

По данным Левада-Центра, с середины 1990-х годов важность избрания демократического правительства признавалась не более

7-16% опрошенных⁴. В 2000-е годы только 5-7% отмечали необходимость гарантии прав меньшинств⁵. Лишь 8-12% опрошенных в тот же период согласились, что ни при каких обстоятельствах права человека не следует ставить выше интересов государства⁶. В 2009 году 51% респондентов предпочли сильного лидера демократическому правительству (которое поддержали 30%)⁷. В том же году 63% россиян заявили, что концентрация практически всей власти в стране в руках премьер-министра В.В. Путина идет на благо России, а 40% выразили убеждение, что Россия находится на пути к демократии⁸.

На вопрос о том, какая демократия нужна России, 18% опрошенных в 2009 году выбрали систему, существовавшую в Советском Союзе, 38% ответили, что России нужна «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике» форма демократии, и только 18% отметили важность установления демократии, аналогичной той, что была сформирована в развитых странах Европы и Америки⁹. При этом 73% респондентов в 2009 году согласились с утверждением, что российская демократия не должна копировать западные образцы¹⁰.

Хотя россияне, как правило, признавали важность таких свобод, как свобода выражения мнений, свобода прессы и свобода вероисповедания, подавляющее большинство (94% в 2009 году) предпочитали узнавать новости из полностью контролируемого государством телевидения. Более того, по мнению 79% опрошенных в 2009 году, телевидение являлось наиболее надежным источником информации. Эти данные свидетельствуют о том, что оценка отмеченных свобод носила скорее декларативный характер¹¹.

Исследовательский проект «Советский простой человек», проводимый Левада-Центром с 1989 года (волны повторялись в 1994, 1999, 2005 годах) и нацеленный на выявление основных тенденций в развитии российского общества, обнаружил сильную преемственность постсоветского периода по отношению к советскому. В 2005 году руководитель проекта Ю.А. Левада констатировал, что «спустя почти двадцать лет с начала реформирования совет-

¹ Примечательно, что наиболее высоким показателем поддержки порядка в ущерб демократии был в 2000 году, в первый год путинского правления. См: Общественное мнение — 2010. М.: Левада-Центр, 2011. С. 31.

² White, Stephen. Russia's New Politics. The Management of a Postcommunist Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 275. Источник данных: Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, № 2, 1995. С. 59-60.

³ White, Stephen. Указ. соч. С. 274-5. См. также: Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, № 2, 1995. С. 12. Gibson, James L.; Duch, Raymond M. Political Intolerance in the USSR: The Distribution and Etiology of Mass Opinion // Comparative Political Studies, Vol. 26, № 3, October 1993. P. 300.

⁴ Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2010. С. 103.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 86, 35.

⁹ Там же. С. 30-31.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2010. С. 121.

ского общества самоидентификация человека остается сложной проблемой. Не сформировалась «новая» (современная, европейская, демократическая, гражданственная) основа для его самообозначения, тем более — для самоутверждения. Поэтому точкой отсчета — если не демонстративной, то реальной — остаются характеристики «человека советского»¹.

Тем не менее, приблизительно с середины 2000-х годов в России начали наблюдаться некоторые изменения в сфере политического участия. Первый заметный всплеск протестной волны пришелся на зиму 2005 года, когда около 500 000 человек приняли участие в массовых демонстрациях в защиту системы социальных льгот — сначала против сокращения социальных гарантий, затем — против нарушения жилищных прав. Эти выступления стали, по сути, первыми массовыми демонстрациями с конца 1980-х — начала 1990-х годов. С середины 2000-х протестные акции и другие неинституциональные формы мобилизации граждан происходили все чаще. Мониторинг независимого Института «Коллективное действие» (ИКД) выявил, что с начала 2006 по март 2007 года в среднем около 10 000 человек еженедельно принимали участие в коллективных действиях, а сотни низовых местных инициатив — инициативных групп — были созданы на микроуровне районов или городов по всей стране. По мнению социологов ИКД, эти новые низовые социальные инициативы и сети могли потенциально бросить вызов доминирующей модели властных отношений².

Важной особенностью социального протеста, по мнению социолога Карин Клеман, стал рост самоорганизующихся инициатив, независимых от формальных, институционализированных политических партий и представителей власти. Так, проблемы, связанные с жилищной реформой вызвали растущую мобилизацию домовых комитетов, районных ассоциаций и групп, лидеров общин или просто жителей, проявлявших активность в вопросах эксплуатации зданий и земель. Так же как

в Германии 1970-х годов, коллективные действия и низовые инициативы в России обычно начинались с защиты непосредственных, очень ясных прагматических интересов: протесты против выселений, против уплаты чрезмерных коммунальных платежей, выступления за сохранение парков и озеленений, получение поддержки для лечения и т.п. Местные кампании фокусировались на конкретных практических вопросах: протестующие выступали против строительства жилых домов или стоянок в местах отдыха, выселений из трудовых общежитий, жестокости полиции и т.п.³.

Организационные формы этих низовых инициатив варьировались от всероссийских ассоциаций или союзов, таких как Федерация автовладельцев России (ФАР), Товарищество инициативных граждан России (ТИГР), Союз Координационных Советов России (СКС), товарищества собственников жилья (ТСЖ), движение обманутых дольщиков до многочисленных местных инициатив. К последним можно причислить местные ассоциации собственников жилья, объединения домовладельцев, координационные советы граждан, независимые профсоюзы, а также различные инициативные группы (к примеру, группы жителей подмосковного Бутова или домовладельцев из поселка Речник).

Помимо ассоциаций, направленных на защиту личных и трудовых прав граждан, возник ряд объединений, поддерживающих более общие вопросы, такие как охрана окружающей среды и сохранение культурного наследия, например, движение против строительства 400-метрового газпромовского «Охта-центра» в историческом центре Санкт-Петербурга, а также общественное движение «Архнадзор», борющееся за сохранение исторических памятников и ландшафтов Москвы. Среди природоохранных инициатив, созданных в различных частях страны с целью сохранения экологических зон и защиты природных ресурсов, можно выделить движения в защиту Химкинского леса под Москвой и озера Байкал вблизи Иркутска.

Другую группу составляют организации, борющиеся с произволом и безнаказанностью властей. Одной из наиболее востребованных НКО с начала 1990-х годов был Союз комитетов солдатских матерей России («Солдатские матери»), оказывающий правовую поддержку призывникам, военнослужащим и их семьям

¹ Левада, Ю.А. «Человек советский»: четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии, № 3 (71), 2004. С. 18. См. также результаты исследования по проекту в работах: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / [А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада и др.; под общ. ред. Ю.А. Левады]. М.: Мировой океан, 1993. Гудков Л.Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте Левада-Центра) // Одиссей: человек в истории, 2007.

² Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три Квадрата, 2010.

³ Clément, Karine. New Social Movements in Russia: A Challenge to the Dominant Model of Power Relationships // Journal of Communist Studies and Transition Politics, Vol. 24, № 1, March 2008. P. 75.

и выступающий против насилия и дедовщины, неуставных отношений в армии. Другим ярким примером в этой связи является «Общество синих ведерок», возникшее в конце 2000-х годов и борющееся против безнаказанности государственных чиновников, использующих синие проблесковые маячки на автомобилях в качестве оправдания бесконтрольной езды.

Вторая половина 2000-х годов была также отмечена появлением новых форм политического протеста, новых политических групп и объединений, таких как «Левый фронт», антифашистское движение, движение «Солидарность» и др. Политическая оппозиция организовывала регулярные протесты и демонстрации, например, с 2006 года в некоторых российских городах проходили «Марши несогласных», а инициатива «Стратегия-31» с июля 2009 года проводила 31-го числа каждого месяца гражданские акции протеста в поддержку права на свободу мирных собраний, гарантированного 31-ой статьей конституции.

Однако основная проблема с новыми сетями, появившимися в последние несколько лет в России, заключалась в том, что почти все они не имели официального статуса или формально избранных исполнительных органов, то есть оставались в значительной степени не институционализированными. Кроме того, общее число протестующих оставалось социологически незначительным. Социологические опросы, согласно которым лишь 1-3% принимали участие в акциях протеста, были не в состоянии фиксировать такие микросоциологические явления, как рост рассеянных коллективных действий (за исключением протестов против отмены социальных льгот в 2005 году)¹.

И все же со второй половины 2000-х годов опросы общественного мнения отражали некоторые изменения массовых установок. Если до 2005 года 75-80% опрошенных предпочитали порядок, даже если его достижение требовало некоторых нарушений демократических принципов и ограничения личных свобод, в 2006 и 2007 годах о приоритете демократии заявляли уже 68% опрошенных (затем, правда, эта цифра несколько снизилась до 59% в 2009 и до 56% в 2010 году). Уровень поддержки демократии («даже если последовательное соблюдение демократических принципов предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам») вырос за 10 лет на 14% — с 9% в 2001 году до 23% в 2010 году; в тот

же период доля затруднившихся с ответом возросла с 10 до 21%².

Наибольшие изменения в сфере политического участия пришлось на период после думских выборов декабря 2011 года. Недовольство результатами выборов, сопровождавшихся фальсификациями в пользу партии власти, стало поводом для самых массовых и организованных протестов в новой российской истории. На основе самоорганизации через социальные сети «Facebook» и «ВКонтакте» в декабре 2011 — феврале 2012 года были проведены многочисленные и разнообразные акции протеста — митинги, шествия, автопробеги, флешмобы и т.п., — проходившие под лозунгом «За честные выборы» и объединившие десятки тысяч активистов по всей стране. Так, в Москве акции протеста впервые с начала 1990-х годов собирали одновременно более 100 000 участников. Кроме того, на этой волне десятки тысяч человек записались в наблюдатели на президентских выборах 4 марта 2012 года. Эти изменения, затрагивающие, прежде всего, более молодых, активных, успешных и хорошо информированных жителей крупных городов, готовых бороться за соблюдение демократических процедур, во многом напоминали волну протестов конца 1960-х — 1970-х годов в ФРГ.

Отмеченный рост гражданской активности также сопровождался изменениями общественных оценок и установок. Если в 2006 году 50% предпочитали, чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках, и лишь 36% выступали за порядок, при котором власть была бы распределена между разными структурами, контролирующими друг друга, то в январе 2012 года за первый вариант высказались уже 38%, а за второй — 46%³. Если в том же 2006 году на вопрос: «В чем больше нуждается сейчас страна — в укреплении власти или в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества?», 43% выбрали первый вариант, то в декабре 2011 года эту идею поддержали уже только 31% опрошенных. Напротив, число тех, кто считает необходимым поставить власть под контроль, выросло за тот же период с 42 до 60%⁴. Изменилось в последние годы и понимание демократии. К примеру, все меньшее число респондентов связывали демократию с порядком и стабильностью, экономическим процве-

¹ Там же. С. 79-80, 88.

² Общественное мнение — 2010. М.: Левада-Центр, 2011. С. 31.

³ Россияне о «вертикали власти», коррупции и бюрократии. Опрос Левада-Центра, 20-23 января 2012. <<http://www.levada.ru/09-02-2012/rossiyane-o-vertikali-vlasti-korrupsii-i-byurokratii>>

⁴ Общественное мнение — 2011. М.: Левада-Центр, 2012. С. 38.

танием: если в 2009 году демократию связывали с этими характеристиками порядка 40% опрошенных, то в феврале 2012 года — лишь 24%. В то же время число, ассоциирующих демократическую систему со свободой слова, печати, вероисповедания, выросло с 2009 года почти на 10% — с 38 до 47%¹.

В следующем разделе будет осуществлен сравнительный анализ изменений политических ориентаций и политического поведения в послевоенной Западной Германии и постсоветской России. Хотя в рамках статьи невозможно охватить все факторы и причины изменений, необходимо выделить, по крайней мере, некоторые, наиболее важные моменты.

Институциональный фактор. Эксперты по Западной Германии в основном сходились во мнении, что долгосрочному росту политической эффективности в ФРГ способствовало функционирование системы демократических институтов. В послевоенный период западные немцы получили возможность участвовать в новой институциональной среде, основанной на верховенстве закона и разделении властей, и это участие, в свою очередь, повысило уверенность граждан в их способности влиять на общественные дела, приводило к устойчивому росту политических навыков и ресурсов. Иными словами, по мере того, как западные немцы знакомились с демократическим процессом, они все более убеждались в том, что могут влиять на принятие политических решений. Функционирование демократической системы, таким образом, способствовало росту гражданских ценностей и норм².

Кроме того, наблюдатели отмечали, что эффективность политической и экономической системы стала важным фактором роста системной поддержки и растущего признания демократии в первые два послевоенные десятилетия. По мнению Конрадта Ярауша, именно практическая результативность позволила Федеративной Республике привлечь на сторону демократии многочисленных скептиков, поскольку «Бонн мог указать на лучшие «результаты», чем его предшественник Веймар, а также Восточный Берлин, и из-за видимого улучшения своей жизненной ситуации не определившееся большинство, имевшее мало веры в способность немцев к самоуправлению, посте-

пенно убеждалось в том, что демократическое государство может справиться с практически всеми проблемами повседневной жизни»³. Во внутренней политике жители Западной Германии были особенно впечатлены стабильностью и устойчивостью аденауэровских кабинетов по сравнению с правительственными кризисами, постоянно сотрясавшими Веймарскую республику и Четвертую французскую республику. По мере того, как экономическое процветание и меры социальной поддержки достигали к началу 1950-х годов все больших слоев населения, удовлетворенность демократической системой значительно возрастала⁴.

Примечательно, что, если в 1953 году чуть более половины избирателей высказывались за демократическую систему, к 1967 году число респондентов, которые считали, что демократия является «лучшей формой правления», достигло 74%. Иными словами, около половины взрослого населения в 1953 году и около четверти в 1967 году были по-прежнему недовольны, не определились со своими предпочтениями или отказались дать оценку тому, является ли демократия наилучшей формой правления для Германии. К 1972 году, однако, уже 90% населения были удовлетворены демократией в ФРГ, а к 1976 году был достигнут прочный консенсус относительно основного характера и структуры западногерманской демократии⁵. Согласно «Евробарометру», по уровню удовлетворенности политической системой демократии (78%) Западная Германия занимала с 1973 года первое место в Европе⁶.

Таким образом, в Федеративной Республике со временем сформировался консенсус относительно либеральных политических институтов, и республиканские политические институты, в конечном итоге, были обеспечены широкой поддержкой как политического класса, так и населения в целом⁷.

В России же, напротив, дисфункция системы управления стала, как представляется, одной из основных причин растущего общественного неучастия и скептицизма. Прежде всего, разочарованию и апатии граждан немало послужили резкий экономический спад в 1990-е годы

¹ Опрос Левада-Центра «Что такое демократия и существует ли она в России», 19.03.2012. <<http://www.levada.ru/19-03-2012/chto-takoe-demokratiya-i-sushchestvuet-li-ona-v-rossii>>

² Baker, Kendall L. и др. Указ. соч. С. 35.

³ Jarausch, Konrad H. Указ. соч. С. 141.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Baker, Kendall L. и др. Указ соч. С. 25. Conradt, David P. Указ соч. С. 233-34.

⁶ В среднем по ЕС эта цифра достигала 54% (например, Франция — 49%, Италия — 19%). Allensbach, IFD-Umfrage 2178, February/March 1976.

⁷ См. Moses, Dirk A. German Intellectuals and the Nazi Past. New York: Cambridge University Press. 2007. Pp. 5-6.

и необходимость бороться за существование в условиях серьезного экономического кризиса. Отказ от активного политического участия был во многом вызван недовольством сложившимися условиями. Крушение надежд на улучшение уровня жизни привело к массовому разочарованию в политике в целом и в демократии, в частности. На последнюю зачастую возлагалась вина за неудачи переходного периода.

Россияне были действительно гораздо более недовольны развитием демократии в своей стране, чем граждане других бывших республик СССР, стран Восточной Европы и Европейского союза¹. Так, в 1991 году удовлетворены развитием демократии были 15% жителей России, в то время как 67% были не удовлетворены. Пять лет спустя, в 1996 году, удовлетворенность снизилась до 8%, а недовольство достигло 82%². К концу 1998 года удовлетворенность существующей политической системы упала до 5%. С 1997 и до 2003 года 43-48% респондентов Левада-Центра продолжали называть советскую систему «лучшей политической системой», в пользу демократии при этом высказывались не более 30%. С 2005 года поддержка демократической системы в России не превышала 15-19%³. Так что в отличие от Западной Германии, поддержка демократии в России постоянно снижалась.

Низкий уровень политической эффективности и слабость гражданского общества в постсоветский период можно объяснить тем, что демократия как «система управления, при которой власти отвечают перед гражданами за свои действия в публичной сфере» не была сформирована⁴. В то время как первый российский президент Б.Н. Ельцин сосредоточил всю полноту власти в институте президентства, в его цели не входило укрепление политических партий, местных парламентов и институтов гражданского общества, способных обеспечить каналы возможного влияния организованных интересов⁵.

Административно-бюрократическая система управления почти полностью вытеснила нравственную солидарность из сферы публичных социальных отношений, что привело к от-

сутствию социальных сетей и организаций, независимых от подавляющего государства⁶. Ограниченные социально-институциональные ресурсы по-прежнему приводят к нехватке социальной солидарности, отсутствию положительного интереса к другим людям, апатии и атомизации.

По убеждению Марка Ховарда, для того, чтобы произошли устойчивые социальные изменения, новые институциональные нормы должны быть авторитетными и обязательными для исполнения, а не слабыми и непоследовательными. В противном случае, существует малая вероятность того, что люди будут менять свои поведенческие модели для адаптации к новым институтам, поскольку они легко могут продолжать вести себя, как прежде⁷. Можно утверждать, что российское общество оставалось незрелым во многом из-за сохранения старой структуры институтов, препятствовавшей социальному развитию и подавлявшей социальную организацию⁸.

Итак, в российском случае именно слабость демократических институтов, а иногда и отсутствие институциональных рамок, в которых демократия могла бы практиковаться, препятствовало развитию гражданских навыков и политической эффективности, жизненно необходимых для поддержки и укрепления демократической системы. Слабость гражданского общества в результате институционального дефицита означала, что многие граждане не имеют институционального представительства и рычагов воздействия на систему, обычно предоставляемых активными общественными организациями⁹.

Неработоспособность политической системы стала также одной из основных причин того, что в постсоветской России так и не произошло понимания сущности демократии и, следовательно, существенных изменений в политической культуре граждан. Демократия стала ассоциироваться у большинства росси-

¹ White, Stephen. Указ. соч. С. 275.

² Central and Eastern Eurobarometer, № 2. Brussels, Belgium: European Commission, 1992. Annex Figures 4, 7, 8.

³ Общественное мнение – 2009. М.: Левада-Центр, 2010. С. 31.

⁴ Шмиттер Ф., Карл Т.Л. Что есть демократия и чем она не является // Диалог, 1993, № 2.

⁵ Evans, Alfred. Указ. соч. С. 102.

⁶ Ворожейкина Т.Е. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки // Пути России: двадцать лет перемен. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2005. С. 26-27; Bae, Junghan. Underdeveloped Civil Society in Russia: Origin, Development and Differentiation of Independent Social Organizations in the Transforming Russia // Slavic Research Center News, № 13 (9); Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 78.

⁷ Howard, Marc Morjé. Указ. соч. С. 19.

⁸ Тот факт, что Россия пережила не дифференциацию, а разложение и распад бывших советских институтов отмечался в работах Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, С. Уайта, Р. Саквы и других исследователей.

⁹ Там же. С. 146.

ян не с идеалами правового государства, гражданского общества или гражданских свобод, а с бедностью, деградацией, «хаосом» и «диким капитализмом» 1990-х годов. В результате, для большинства понятия «демократия» и «государство» стали взаимоисключающими, а успешным средством борьбы с такой демократией в глазах общества «оказалось укрепление централистского государства и усиление всех форм государственного контроля»¹.

Еще меньше возможностей для демократических практик оставалось у граждан России в 2000-е годы, когда с приходом к власти президента В.В. Путина в стране сформировался недемократический, авторитарный режим. Поскольку, в отличие от Западной Германии, развитие государства в России происходило все последние годы не по демократическому пути, сегодняшним российским протестующим приходится иметь дело не просто с авторитарными тенденциями государства, а с авторитарным, недемократическим режимом. Если в Германии протестующие выступали с требованиями большей демократизации, то российские активисты сталкиваются с абсолютным произволом и безнаказанностью властей в системе монополярной и неразделенной власти, что делает институционализацию гражданских структур еще более трудно осуществимой.

Изменение социальной структуры. В случае послевоенной ФРГ трансформация институциональной среды послужила изменению социальной структуры послевоенного немецкого общества. Экономический рост сопровождался расширением образования, средств массовой информации, а также других элементов развитого индустриального общества². Большинство наблюдателей рассматривали рост доходов и расширение образовательных возможностей в качестве наиболее важных предпосылок социальных изменений в ФРГ. По мнению экспертов, такие факторы, как доход, статус и образование могли обеспечить граждан различными навыками и ресурсами, питающими чувство политической эффективности и политической ответственности, а также сделать доступ к политической системе более открытым. Уровень образования связывался с чувством уверенности в способность влиять на правительство, поскольку предполагалось, что познавательные навы-

¹ Трудолюбков М. Молоко и мед // Трудности перехода: демократия в России / Составители Э. Качинс, Д.В. Тренин и др. М.: Неостром, 2004. С. 8.

² Baker, Kendall L. и др. Указ. соч. С. 10.

ки и политические ресурсы, обеспечиваемые этим показателем, имеют решающее значение для роста гражданских норм и поведения. Кроме того, ожидалось, что более высокостатусных граждан отличает большая уверенность в способности влиять на власть, и потому от них ожидалось более активное участие в политике³.

В работе 1969 года Норман Ни, Бингам Пауэлл и Кеннет Прюитт рассматривали нормы участия в качестве важного промежуточного звена между социальным статусом и непосредственным участием. Они утверждали, что «политический стиль жизни граждан не изменится заметным образом до тех пор, пока широко-масштабная индустриализация не преобразит общественную структуру и через это не повысит общий уровень политической информированности, внимательности и т.д.»⁴. В своей аргументации авторы опирались на концепцию Сеймура Мартина Липсета, который еще в 1960 году указал на западный феномен «либерализма верхнего класса», утверждая, что лица, находящиеся на более высоком уровне социальной иерархии, являются наиболее вероятной базой поддержки демократического режима⁵.

Необходимо признать, что эта аргументация оказалась вполне применимой к послевоенной ФРГ. Кендалл Бейкер, в частности, так сформулировал воздействие «экономического чуда» на западногерманское общество и политику: «Благодаря росту финансового благополучия и влияния массмедиа увеличилось количество политической информации, доступной избирателям. Расширение образовательных возможностей послужило постепенному росту политической осведомленности общества. Наличие большего количества свободного времени увеличило возможность участия в политике. Таким образом, экономическое развитие послевоенной Германии способствовало резкому росту политического сознания и участия немецких избирателей»⁶.

Хотя «экономическое чудо» сыграло решающую роль в легитимации западногерманской системы демократии, экономические приоритеты и вопросы безопасности сами по

³ Там же. С. 31, 35. Converse, Philip E. Change in the American Electorate. In: Campbell, Angus. Converse, Philip E. (eds.) The Human Meaning of Social Change. New York, 1972.

⁴ Там же. С. 35, 10. Nie, Norman H.; Powell, G. Bingham Jr.; Prewitt, Kenneth. Social Structure and Political Participation: Developmental Relationships // American Political Science Review, Vol. 63, № 3, September 1969. P. 826.

⁵ См. Lipset, Seymour Martin. Political Man. Garden City: Doubleday, 1960.

⁶ Baker, Kendall L. и др. Указ. соч. С. 11.

себе со временем утратили былую значимость. В 1970-е – 1980-е годы они были дополнены такими постматериалистическими ценностями, как стремление к более активному участию в работе и в политике. Этот сдвиг нашел отражение в измененной политической повестке дня: значимые для общества проблемы заметно вышли за рамки исключительно экономических вопросов и включали теперь вопросы так называемой «новой политики». С 1970 года в немецкий политический лексикон вошли такие понятия, как «образовательный кризис» (*Bildungsnotstand*) и «качество жизни» (*Qualität des Lebens*); в то же время выросла значимость проблем охраны окружающей среды, легализации аборт, системы участия в принятии решений (*Mitbestimmung*) и др.¹

Постепенно интерес к политическим вопросам и участие в политике стали рассматриваться как шанс для личной самореализации. Если прежде основным средством индивидуальной самореализации служили профессиональные достижения, то со временем восприятие работы как самоцели сменилось более широкой трудовой мотивацией – работа все чаще воспринималась в качестве средства для достижения других целей². Общественная реальность и социальные традиции переставали восприниматься как нечто заданное или само собой разумеющееся. Снижение такого безоговорочного «принятия» (*assentancy*) означало, что «смысл жизни не может более приниматься как данность, но должен создаваться эффективным и действенным способом в повседневной жизни»³. Рост политического интереса означал рост значимости сферы политики в качестве источника смысла и средства достижения соучастия в принятии решений. Ощущение соучастия в расширенной перспективе и влияния на отдаленные процессы придавали гражданам ФРГ чувство все большей уверенности⁴.

Если в 1950-е годы политика воспринималась подавляющим большинством как частное дело, о котором считалось не вполне приличным говорить в обществе, то в 1970-е и в 1980-е годы она стала частью повседневного дискурса. В начале 1980-х годов немецкие граждане высоко ценили возможность принимать участие в обсуждениях и высказывать

критику (это позволило социологам Элизабет Ноэль-Нойман и Эдгару Пилу определить политику 1980-х годов как «коррелят социальной коммуникации»)⁵.

В 1980-е годы также изменилось восприятие общественной жизни с точки зрения временной перспективы. Граждан все чаще заботила будущая судьба общества. В 1983 году Вернер Фукс так описал эту трансформацию отношений между будущим и настоящим: «Вместо безмерно открытого будущего, – каким оно воспринималось в 1950-е годы, – будущее теперь, кажется, существует лишь как функция решений дня сегодняшнего. <...> Это новое ощущение времени окончательно распространилось в ходе экологических дискуссий, начавшихся в первой половине 1970-х. <...> Будущие возможности, да и сама возможность будущего, зависит теперь от мер и обстоятельств нынешнего дня. Будущее становится настоящим. В соответствии с новыми моделями восприятия времени, будущее «определяется не в будущем, а сегодня: оно все более и более превращается в силовое поле, включающее необратимые процессы, каждый день вызываемые и допущенные в обществе»⁶.

Основная проблема постсоветской России заключалась, как представляется, в том, что политическая система не претерпела здесь существенной трансформации или модернизации. Начиная с начала 1990-х годов, исследователи указывали на то, что новый порядок характеризовался не институциональной дифференциацией и укреплением демократических институтов, но распространением клиентелизма и коррупции⁷.

Российская конституция 1993 года фактически создала авторитарный суперпрезидентский режим, сосредоточивший реальную власть

¹ Там же. С. xi, 11. См. также: *Inglehart, Ronald*. The Silent Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977.

² *Meulemann, Heiner*. Указ. соч. С. 782.

³ Там же. С. 792-793.

⁴ Там же.

⁵ *Noelle-Neumann, Elisabeth*; Piel, E. (Hrsg.) Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1978 – 1983, Band VIII. München, 1983. P. 122.

⁶ *Fuchs, Werner*. Jugendliche Statuspassage oder individualisierte Jugendbiographie? // *Soziale Welt* 34, 1983. S. 341-71.

⁷ Проблема распространения клиентелизма в российской постсоветской системе рассматривалась в работах Т.Е. Ворожейкиной (1994), М.Н. Афанасьева (1997), Т. Ригби (1998), Л.Ф. Шевцовой (2002) и других исследователей. См.: *Vorozejkina, Tatiana*. Clientelism and the Process of Political Democratization in Russia. In: *Roniger, Luis; Güneş-Ayata, Ayşe*. Democracy, Clientelism and Civil Society. Boulder: Lynne Rienner, 1994; *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1997; *Rigby, Thomas H.* Russia's Clientelism, Cliques, Connections and 'Clans': The Same Old Story // *Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 25, July 1998; *Shevtsova, Lilia*. The Political Dimension of Economic Reform under Vladimir Putin: Obstacles, Pitfalls, and Opportunities // *NBR Analysis*, Vol. 13, № 2, 2002.

в президентских структурах. Хотя формально конституция предусматривает разделение властей, власть президента как главы государства либо вбирает в себя ряд важнейших функций других ветвей власти, либо позволяет нейтрализовать нежелательные для себя тенденции в структурах законодательной, исполнительной и судебной властей. Подобная концентрация власти способствовала укреплению патрон-клиентских отношений как единственного структурного фактора системы. В сочетании с неразделенностью власти и собственности суперпрезидентская система фактически привела к приватизации государственного имущества бывшей номенклатурой и формированию общенациональной пирамиды патрон-клиентских отношений¹. Таким образом, социальный статус, определяющий должность или звание человека или группы в постсоветском обществе, не был, как правило, связан с личными достижениями (что характеризует современное общество), но имел иерархическое происхождение: люди оказывались в системе стратификации из-за их лояльности или родства (что напоминало аскриптивный статус традиционных обществ).

Если политическая модернизация имеет отношение к процессам дифференциации политической структуры и секуляризации политической культуры, которые повышают потенциал — эффективность и производительность — политической системы, то неформальные системы клиентелизма и патримониализма, напротив, подрывают верховенство закона и способствуют коррупции, извращают систему предоставления государственных услуг, препятствуют инвестициям и подрывают экономическое развитие². Кроме всего прочего подобный тип отношений препятствует развитию гражданской политической культуры.

В сложившейся ситуации было сложно ожидать от высокостатусных россиян (как чиновников, так и бизнесменов), чье положение и богатство зависело не столько от их персональных талантов и достижений, но, прежде всего, от лояльности своим покровителям, большей независимости, критической позиции и гражданской активности. Низкая вероятность подобного поведения была подтверждена результатами исследовательского проекта «Особенности вла-

сти в постсоветском контексте: теоретические соображения и эмпирические исследования бюрократии», основанного на глубинных интервью с российскими чиновниками. Анализируя эти результаты в 2008 году, социологи ИКД пришли к выводу, что «единственный ограничитель, который признается чиновниками, — демонстрация лояльности тем, от кого они зависят (это могут быть группы предпринимателей или властные группы). То есть чиновники считают возможным осуществлять власть так, как им хочется, по крайней мере, до тех пор, пока они сохраняют видимость законности и лояльность высшей инстанции»³.

Что касается бизнес-элиты, то известное дело Михаила Ходорковского, бывшего главы нефтяной компании ЮКОС, чья гражданская активность и независимая позиция стоили ему компании и свободы, стало уроком для многих высокодоходных россиян. После того, как руководитель одного из крупнейших в России предприятий был осужден по налоговым обвинениям, оказался в тюрьме, а его компания была демонтирована и поделена, российские бизнесмены не могли не остерегаться любой независимой политической или общественной деятельности.

В отличие от послевоенной Западной Германии, где богатство и уровень образования стали основными факторами социальных изменений, структура постсоветского общества продемонстрировала во многом иную картину. В частности, недавние опросы общественного мнения показали, что молодые и более образованные когорты демонстрируют высокий уровень конформизма. К примеру, во время региональных выборов в марте 2010 года правящую партию «Единая Россия» поддержали молодые, хорошо обеспеченные и высоко статусные избиратели. За нее отдали голоса, к примеру, 84% людей в возрасте 18-24 лет, 65% респондентов с высшим образованием и 67% жителей крупных городов⁴.

Хотя значительный рост гражданской активности последних нескольких месяцев затронул, как и в ФРГ конца 1960-х — 1970-х годов, в основном среду так называемого «креативного класса» — высококвалифицированных специалистов и руководителей, в то же время в масштабах страны этот сегмент весьма огра-

¹ Vorozheikina, Tatiana. Указ. соч. С. 117.

² Brinkerhoff, David W.; Goldsmith, Arthur A. Clientelism, Patrimonialism and Democratic Governance: An Overview and Framework for Assessment and Programming. Prepared for U.S. Agency for International Development Office of Democracy and Governance under Strategic Policy and Institutional Reform. December 2002.

³ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три Квадрата, 2010. с. 51-52.

⁴ Общественные настроения в 2010 году. Данные из презентации Л.Д. Гудкова на семинаре в НИУ-ВШЭ, 29.09.2010. <<http://opec.hse.ru/data/2010/10/11/1233268830/present.ppt>>

ничен¹. Прежде всего, он территориально ограничен крупными городами-миллионниками, в которых проживает около 20% населения². Кроме того, он количественно ограничен меньшинством, которое сумело, в отличие от большинства граждан страны, построить свою жизнь более-менее независимо от государства (в этом смысле к протестующим не могут прикнудить чиновники и госслужащие, которых принуждают участвовать в проправительственных акциях, создающих иллюзию наличия активных сторонников режима и оппонентов протестующим).

Эти данные свидетельствуют о том, что доход, статус и образование служат источниками изменений, прежде всего, при модернизации политической системы и общественных отношений, а именно — при формировании системы формальных, обезличенных и функционирующих институтов, в рамках которых граждане могут свободно выражать свои взгляды, интересы и совместно добиваться общих целей.

Иными словами, имеет значение институциональный контекст, структурирующий формирование дохода и статуса, а не сами эти категории. Используя формулировку Ральфа Дарендорфа, «не процветание как таковое, а индивидуальное участие в его преимуществах является источником антитоталитарной силы, потому что оно категорически противостоит понятию планирования каждого жизненного шага, а рассматривает «целое» в качестве незапланированной координации индивидуальных пожеланий рыночного типа»³. Ясно, что в системе, где статус и доход определяются на основании места в иерархии (или в «вертикали власти»), такая незапланированная координация и связанная с ней конкурентная общественная среда существенно ограничены.

Образовательные изменения. Поскольку одним из основных требований западногерманского гражданского общества в 1960-х годах была образовательная реформа и поскольку сами реформационные импульсы возникли в образованной — прежде всего, университетской и околоуниверситетской — среде, следует остановиться на этом аспекте изменений более подробно.

¹ Опрос Левада-Центра на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. <<http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrja>>. Дубин, Б.В. Якиманка и Болотная 2.0. Теперь мы знаем, кто все эти люди! // Новая газета, № 14, 10 февраля 2012 г. <<http://www.novayagazeta.ru/society/50949.html>>.

² Зубаревич, Н.В. Четыре России // Ведомости, 30 декабря 2011 г. <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii#ixzz1mjYFeMag>

³ Dahrendorf, Ralf. Указ. соч. С. 442.

Прежде всего, стоит отметить, что задача «перевоспитания» (*Umerziehung*) в рамках общей программы демократизации побежденного рейха была одной из значимых военных целей союзников, заявленных в Потсдамском соглашении в качестве общей задачи на перспективу. Программа «перевоспитания» включала в себя удаление активных нацистов с преподавательских должностей, изменения в системе школьного обучения, а также массивную общенациональную кампанию политического образования, разработанную для немцев разных возрастов и социально-экономического уровня. В теории, по крайней мере, перевоспитание включало в себя самый обширный план в истории, призванный осуществить быстрое культурное изменение всего населения пораженного рейха.

Как видно из различных отчетов того периода, западные, и особенно американские официальные лица, главным образом, опасались сохранения авторитарной фигуры учителя в школьных классах. Кроме того, они разделяли мнение, что система образования в Германии никогда (еще до прихода нацистов к власти) не была демократической. И специалисты в области образования, и военные чиновники осознавали, что педагогическим колледжам придется бороться не только с наследием национал-социализма, но и с идеями кайзеровских педагогов, которые доминировали в немецких школах до 1918 года и которые реализовывались с тех пор многими учителями старшего поколения как в период Веймарской республики, так и в Третьем рейхе. Подобные подходы подавляли рост независимого мышления, критического наблюдения и практик участия в немецких школьных классах⁴.

Чиновники военной администрации рассматривали активное участие в демократических практиках в качестве решающего фактора укрепления демократических идеалов и призывали к интеграции подобных практик в немецкие школы. Предложения реальных способов, с помощью которых учителя мог-

⁴ Puasa, Brian Michael. Drafting Democracy: Education Reform in American-Occupied Germany, 1945-1949. Carolina Papers "Democracy and Human Rights", № 2, Fall 2001. P. 34. Об образовательной политике оккупационных властей см. также: Grace, Alonzo G. Education in Governing Postwar Germany, Edited by Edward H. Litchfield, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1953. *Bungenstab, Karl-Ernest*. Umerziehung zur Demokratie? Re-Education-Politik im Bildungswesen der US Zone 1945-1949. Bertelsmann Universitätsverlag, Gütersloh/Westf., 1971. Об особенностях немецкой образовательной системы в период до Третьего рейха см.: *Bookbinder, Paul*. Weimar Germany: The Republic of the Reasonable. New York: Manchester University Press, 1996. P. 11. Левинсон, К.А. Модернизация и школа в Германии на рубеже XIX и XX вв. // Новое литературное обозрение, № 105, 2010.

ли интегрировать демократические принципы в классную работу, включали дебаты, парламентские практики, классные выборы, студенческие клубы, школьные газеты и ежедневные вопросы учителям. Эти изменения должны были гарантировать, что националистически-ориентированный авторитарный учитель прежних времен не вернется в школьные классы, а новая система отношений «учитель – ученик» станет неотъемлемым компонентом послевоенной немецкой демократии. Также подчеркивалась роль социальных наук в обучении и студентов, и преподавателей¹.

В результате введения двойного процесса удаления и обновления, одновременной денацификации и обучения учителей, был обеспечен контроль над системой преподавания в средней школе. Решающим фактором послевоенного обновления в области среднего образования стало удаление из школ особенно ревностных нацистов. Хотя многие немцы были недовольны процессом денацификации, эти усилия оказали благотворное влияние на немецкое образование в долгосрочной перспективе².

Стоит отметить, что власти в западных зонах также мотивировали немецких педагогов перерабатывать существующие школьные учебники, разработав критерии их оценки в начале оккупационного периода. Так, американские чиновники в сфере образования, оценивавшие каждую книгу на основании целей, точности, соответствия возрасту и интересам учащихся, легкости понимания, связи с усвоением опыта, учебной деятельности, наличием учебных пособий и иллюстраций, способствовали важнейшему процессу обновления учебной литературы³.

В недавнем исследовании западногерманской послевоенной образовательной реформы Брайан Пуака убедительно доказал, что задолго до протестных движений конца 1960-х годов система образования ФРГ претерпевала значительные внутренние изменения. Хотя после 1945 года реформа образования не была приоритетом политических элит, директора школ, учителя и ученики инициировали существенные изменения в школах на местном уровне. Усилия этих акторов привели к ряду демократических реформ, означавших отход от авторитарного и националистического наследия прошлого. Открытие программ обмена между Западной

Германией и Соединенными Штатами, формирование структур самоуправления в школах, создание школьных газет, а также публикации переработанных учебников истории и обществоведения, расширение программ подготовки учителей, создание программ по социальным наукам способствовали появлению новой немецкой системы образования. Мало заметные, поступательные изменения первых двух послевоенных десятилетий подготовили новое поколение молодых немцев к гражданским обязанностям в демократическом государстве. Как сформулировал Пуака, «движущая сила реформ, осуществлявшихся в течение 1950-х и 1960-х годов, шла изнутри. Если американские должностные лица заложили фундамент, то немцы фактически построили и оснастили школы, в которых обучалось новое поколение молодых граждан»⁴.

В 1950-е годы немецким правительством была представлена система гражданского и политического образования (*politische Bildung*) – широкая программа общественного воспитания и социально-ориентированных научных исследований. Она охватила школы и высшие учебные заведения, государственные и общественные организации, частные фонды и просветительские учреждения. Ее интегрирующим центром стало Федеральное ведомство политического образования (*Bundeszentrale für Politische Bildung, BPB*), созданное в 1952 году в структуре Министерства внутренних дел. Ведомство имело подразделения на местном уровне (*Landeszentrale für Politische Bildung*), выполняющие широкую воспитательную работу, направленную на популяризацию демократических и либеральных ценностей как основ немецкого общества и государства. В 1960-е годы в немецких школах была введена дисциплина «политическое образование».

Наряду с другими усилиями в образовательной сфере, эти изменения сыграли важную роль в развитии демократической политической культуры. В 1971 году сравнительные исследования 10 стран показали, что западногерманские школьники в возрасте от 10 до 14 лет чаще своих сверстников в таких «классических» демократиях, как США, Швеция и Нидерланды, сообщали, что их преподаватели поощряют независимое выражение мнений в классе. Авторы другого исследования обнаружили, что учителя-обществоведы в ФРГ проводили много времени в подготовке к урокам, делали акцент на политической истории и охотно обсуждали

¹ Puaca, Brian Michael. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 26.

³ Там же. См. также: "General Criteria for Use in the Evaluation of Textbooks and Manuscripts Submitted for Publication as Textbooks for Use in German Schools." December 1947; Records of the U.S. Occupation Headquarters, WWII, RG 260; NACP.

⁴ Puaca, Brian. Learning Democracy: Education Reform in West Germany, 1945–1965. New York: Berghahn, 2009. Pp. 193–94.

различные вопросы в классе. Сами школьники признавались, что выражение мнений в классе поощрялось. То же исследование показало, что поддержка демократических норм у немецких респондентов была выше, чем у их сверстников в США, Нидерландах, Финляндии и Италии. Таким образом, со временем традиционный тезис об «авторитарном» стиле немецкого воспитания все сложнее подкреплялся эмпирическими данными¹.

Что касается немецкого послевоенного высшего образования, то после 1945 года союзным державам в западных зонах оккупации также пришлось столкнуться с вопросами, касающимися роли университетов в будущей демократической системе. В 1947 году британские оккупационные власти сформировали комиссию по университетской реформе с участием представителей академических и местных сообществ. В следующем году они представили свои рекомендации в так называемом «синем отчете». Британские официальные лица (а американские власти согласились с их рекомендациями) призывали университеты расширить контакты с публичной сферой, делать больший акцент на педагогической деятельности и противиться специализации исследований с помощью формы общего образования².

В 1948 году в Западном Берлине был основан Свободный Университет, который стремился реализовать идеальные представления Вильгельма фон Гумбольдта о сообществе ученых через обеспечение прямого представительства студентов в университетских руководящих органах. Впоследствии эта модель получила название «берлинской»³. «Синий доклад» и «берлинская модель», однако, первоначально были отвергнуты западногерманскими университетами, которые вскоре, в соответствии с политикой союзников, восстановили административную автономию. В течение двух послевоенных десятилетий немецкий университет практически не переживал фундаментальных структур-

¹ *Conradt, David P.* Указ. соч. С. 253. См. также: *Torney, Judith et al.* Civic Education in Ten Countries: An Empirical Study. International Studies in Evaluation VI. New York, Halsted Press, 1976. Pp. 110, 221. О западногерманской реформе образования см.: *Merritt, Richard L.; Flerlage, Ellen P.; Merritt, Anna J.* Democratizing West German Education // Comparative Education, Vol. 7, № 3, December 1971. Pp. 121-136. *Lawson, Robert Frederick.* Reform of the West German School System, 1945-1962. Ann Arbor: The University of Michigan, School of Education, 1965. *Shafer, Susanne Mueller.* Postwar American Influence on the West German Volksschule. Ann Arbor: The University of Michigan, School of Education, 1964.

² *Wie steht es mit den Universitäten. Konservativer Lehrkörper – Mangelnder Kontakt mit der Öffentlichkeit // Deutsche Universitätszeitung*, Vol. 6, № 11, 1951. S. 6-7.

³ *Tent, James F.* The Free University of Berlin: A Political History. Bloomington: Indiana University Press, 1988.

ных преобразований⁴. Среди причин отказа от реформ были как общие проблемы, связанные с необходимостью срочного ремонта поврежденных зданий (по оценкам экспертов, около 60% немецкой университетской инфраструктуры оказалась разрушенной во время войны), так и значительное сопротивление большинства профессоров, дороживших старыми идеалами автономии и изоляции от общественно-политической сферы⁵.

Несмотря на первоначальный отказ от рекомендаций «синего доклада», заслугой западных союзников стало, в частности, то, что в западногерманских университетах в 1950-е годы была введена дисциплина «политическая наука» как «наука о демократии». Оккупационные власти настаивали на возобновлении этой прерванной традиции, стремясь создать своего рода «курсы вождения для политики», способные обеспечить более широкую базу политического образования⁶.

Кроме того, рекомендации союзников стали важной отправной точкой для многих немецких интеллектуалов, убежденных в важности предлагаемых идей, в особенности, для некоторых молодых ученых, недовольных положением дел в послевоенном немецком университете. Эти молодые профессора и студенческие лидеры были обеспокоены реставрационными мерами университетского менеджмента и отказом от «нового начала» в 1940-е годы, выражали сожаление по поводу отсутствия фундаментальных реформ, критиковали возврат университета на аполитичные позиции и настаивали на проведении реформ, рекомендованных авторами «синего доклада», прежде всего, в том, что касалось ориентации на социальную практику, связи науки с общественностью и образование для взрослых⁷. К примеру, известный социал-демократ, политолог Питер ван Ерцен уже в 1948 году выступал против старого идеала независимости и отчужденности, утверждая, что «отрешенность и узость специализации, безответственность, и в некоторой степени даже опасная политическая отсталость доминирует в научном мире настолько, что нельзя ожидать самоочищения»⁸.

⁴ См. *Robinson, Saul B., Kuhlman, Kaspar.* Two Decades of Non-Reform in West German Education. In: *Phillips, David* (ed.) Education in Germany: Tradition and Reform in Historical Context London and New York: Routledge, 1995.

⁵ *Moses, Dirk A.* Указ. соч. с. 133. См. также: *Tellenbach, Gerd.* Zur Selbstorientierung der deutschen Universität // Die Sammlung, 1, 1945-46. S. 530-43.

⁶ *Jaraus, Konrad H.* Указ. соч. С. 121.

⁷ *Moses, Dirk A.* Указ. соч. С. 133-41.

⁸ *Oertzen, Peter van.* Reform vor Autonomie // Göttinger Universitätszeitung, № 6, 1948. P. 5.

Некоторые представители старшего поколения интеллектуалов — Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Карл Ясперс, Арнольд Гелен, Карл Шмидт, Арнольд Бергштрессер и другие — также разделяли эту озабоченность, несмотря на свои идеологические разногласия.

В конце 1950-х годов, Юрген Хабермас и его франкфуртские коллеги Людвиг фон Фридебург, Кристоф Олер и Фридрих Вельц провели исследование политических взглядов студентов с целью проверки степени демократичности их политических ориентаций. Результаты исследования, опубликованные в книге «Студент и политика», показали, что традиционная аполитичная культура «чистого знания» сохранилась со времен войны в практически неизменном виде. Было ясно, что именно эта аполитичная фокусировка ненацистских ученых и студентов на частных добродетелях в сочетании с традиционным немецким антикоммунизмом, сделала Веймарской университет настолько уязвимым к национал-социализму. Авторы обнаружили, что большинство западногерманских студентов не были особенно привержены демократии, и исследователи сомневались, что студенты стали бы защищать республиканские институты в случае нового усиления антидемократических сил. Студенты, заключал Фридебург, не сделали выводов из национал-социалистического опыта страны, они были заложниками «потребительского принуждения» и были обмануты «культурной индустрией». Хабермас отмечал, что многие студенты придерживались прагматических, потенциально авторитарных политических взглядов. Поэтому требовалось, чтобы образование заняло, наконец, «критическую» позицию¹.

Основная дискуссия о роли университета в ФРГ развернулась между теми, кто считал, что образовательные учреждения должны объединять теорию и практику (основным носителем этой идеи был Юрген Хабермас), и теми, кто выступал за их разделение (эту позицию, прежде всего, представлял социальный философ, государственный секретарь по вопросам образования в социал-демократической администрации земли Рейн-Вестфалия в 1966-1969 годах Герман Люббе). По мнению Хабермаса, жесткая стратификация курсов обучения и четырехлетняя университетская программа, наподобие той,

¹ Moses, Dirk A. Указ. соч. С. 128-30. Habermas, Jürgen; Friedeburg, Ludwig von; Oehler, Christoph. Student und Politik. Eine soziologische Untersuchung zum politischen Bewußtsein Frankfurter Studenten. Redaktion: Frank Benseler. Neuwied-Berlin: Luchterhand 1961. Friedeburg, Ludwig von. (Hrsg.) Jugend in der modernen Gesellschaft. Köln, Kiepenheuer & Witsch, 1966.

что функционировала во многих англоязычных университетах, могла препятствовать здоровой и «политически необходимой» проблематизации академических вопросов, способствующей формированию критически настроенных студентов. Он считал, что в этом вопросе Западная Германия не могла позволить себе копировать другие образцы до тех пор, пока не научится преодолевать практические последствия технического прогресса².

Его оппоненты, в частности, Ральф Дарендорф, который занимал в то время должность консультанта по вопросам образовательной политики в Баден-Вюртемберге и принимал участие в разработке концепции образовательной реформы, выступал с идеей «дифференцированного всеобъемлющего университета», способного объединить все существующие высшие учебные заведения в единую систему, состоящую из периода «короткой учебы» продолжительностью в три года и «длинной учебы» для меньшего числа квалифицированных кандидатов, которым были бы гарантированы исследовательские и преподавательские возможности³.

Когда в 1966 году Совет по науке и гуманитарным наукам (*Wissenschaftsrat*) представил ряд рекомендаций (похожих на концепцию реформ Дарендорфа и Люббе), стремившихся ограничить учебу четырьмя годами регламентированных курсов с автоматическим завершением образования после этого срока, против этой идеи из-за предполагаемого нарушения академической свободы и педагогизации университетского образования выступил не только консервативный ректорский совет (*Rektorenkonferenz*) — сами студенты, особенно в Свободном университете Берлина, активно включились в дискуссию. Они выступали против рекомендаций по той же причине, осуждая их как «технократическую» университетскую реформу. В результате, проблема образовательной реформы легла в основу повестки студенческого движения 1968 года⁴.

Так же как и в Германии, «перестроечные» процессы, охватившие советское общество с середины 1980-х годов, безусловно, не могли не отразиться на российской системе образования. Процессы отбора и финансирования учебников в 1990-е годы были существенно децентрализованы, ответственность переходила на регио-

² Moses, Dirk A. Указ. соч. С. 158. См. также: Habermas, Jürgen. Zwangsjacke für die Studienreform. Die befristete Immatrikulation und der falsche Pragmatismus des Wissenschaftsrates // Der Monat, 18. November 1966, S. 7-19.

³ Moses, Dirk A. Указ. соч. С. 54-62.

⁴ Там же. С. 157-58.

нальный уровень и школы получали значительную степень автономии и независимости. Изменение политического климата и ориентация на демократические ценности, развитие динамичного и конкурентоспособного рынка учебников после 1991 года, настоятельная потребность многих учителей в более качественных учебниках общественных наук, а также плюрализм мнений, методик, открытость информационного пространства страны с начала 1990-х годов могли стать важными стимулами на пути обновления.

Однако, несмотря на благоприятную политическую конъюнктуру, подобные начинания в новой России либо не получили должного развития, либо были постепенно свернуты. Российская школа не была существенно преобразована ни в плане содержания, ни с точки зрения методик преподавания. Одним из основных препятствий на пути изменений стало, как представляется, сохранение в средней школе прежних методов образования, характеризующихся догматизмом и авторитарными отношениями в классах. Результаты эмпирического исследования преподавания истории в средних школах, проведенные в 1992 году на базе школ Ярославля, показали, что «вовлеченность учащихся в процесс обучения очень низкая или совсем отсутствует. Это имеет ряд предельных результатов: практически, здесь не решаются никакие проблемы». «Мы не увидели никаких доказательств того, что учащиеся берутся за задачу, решение которой потребовало бы от них заключения на основе собственных рассуждений, — констатировали авторы отчета. — Изучение носило характер пассивного восприятия — это модель трансмиссии. Ученики очень редко или вообще не вступают в дискуссию на любом уровне. Поразительным является отсутствие устной работы, исключая ответы на вопросы учителя и декламацию. Практически нет попыток дифференцировать задачи, отвечая потребностям способных, но медленнее обучающихся учеников»¹.

В статье «Силы демократизации в России. Преподавание истории и подготовка школьных учебников» Роберт Майер приводил вывод наблюдателей, относящийся к 1995 году и касающийся проблемы внедрения современных педагогических методов в российские среднеобразовательные учебные заведения: «Принципиально авторитарный характер отношения к учащимся очень мало изменился, и до сих пор господствуют непродуктивные методы

преподавания»². Наблюдатели также отмечали традиционное «прославление учителей как носителей знания», которое блокировало развитие методов обучения, более ориентированных на учащихся.

Не произошло в России также и серьезной интеллектуальной дискуссии о роли университетов. В результате, постсоветские высшие учебные заведения сохранили многие черты советских вузов. В отличие от Западной Германии, где процесс денацификации эффективно искоренил влияние нацистской идеологии в университетах, удалив в среднем 30-50% нацистов с факультетов, в постсоветской России преподаватели и сотрудники высших учебных заведений в основной массе сохранили свои посты. Бывшие преподаватели марксизма-ленинизма, научного коммунизма, истории КПСС, научного атеизма, социализма, политической экономии, диалектического материализма составили основу преподавательского корпуса гуманитарных дисциплин — социологии, политологии, культурологии, психологии, связей с общественностью и других предметов. Их искаженное представление о роли, целях и структуре социальных наук неизбежно накладывалось (и продолжает накладываться) на процесс обучения³. На гуманитарных факультетах вузов практически нет курсов по теории демократии и демократизации. Даже те социальные факультеты и программы, которые пытались соответствовать международным стандартам обучения, продолжали демонстрировать недостатки советской модели высшего образования. Как обобщил эти изъясны Л.Д. Гудков, здесь, во-первых, сохранялись «крайне жесткие институциональные барьеры между разными факультетами и отделениями», а междисциплинарные связи и формы обучения остались слабыми. Кроме того, наблюдался «резкий разрыв между исследованиями и обучением. Последнее заложено уже в самом институциональном разделении исследовательских институтов, с одной стороны, и образовательных учреждений, с другой»⁴.

² Майер Р. Силы демократизации в России. Преподавание истории и подготовка школьных учебников // Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., ИВИ РАН, 2000. С. 218. Barabanov, Vladimir; Baranov, Piotr. Geschichte als Lehrfach im heutigen Bildungssystem Rußlands // Beiträge zur historischen Sozialkunde, Vol. 26, № 2, 1996. S. 78.

³ См. Гудков Л.Д. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение, № 77, 2006. Laruelle, Marlene. The Discipline of Culturology: A New "Ready-made Thought" for Russia? // Diogenes, № 204, 2004. Pp. 21-36.

⁴ Гудков Л.Д. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение, № 77, 2006.

¹ Nichol, Jon. The Russia/Yaroslavl' Primary History Project // International Society for History Didactics: Information. Vol. 17, № 2, 1996. P. 121.

Очевидно, что без структурных преобразований российской школы и университета дальнейшие изменения в этих ключевых социальных институтах, транслирующих ценности и нормы, реализовать будет крайне сложно.

Заключение. Как показал анализ западногерманского послевоенного общества, несмотря на довольно длительный период апатии и неучастия граждан, политическая культура в ФРГ пережила постепенный переход от авторитарных форм мышления к принятию демократических ценностей. Происходил постепенный рост политического интереса и политической дискуссии, политической эффективности, общего доверия и, наконец, участия в политической жизни, при этом наибольший рост практически по всем анализируемым переменным наблюдался в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Эти изменения совпали с (или, скорее всего, были вызваны) появлением, во-первых, чрезвычайно активного протестного студенческого движения 1968 года, а во-вторых, тысяч инициативных гражданских групп по всей стране и, позднее, новых социальных движений 1970-х — 1980-х годов: экологического движения, движения против атомной энергии, движения в защиту женщин и движения за мир. Хотя считается, что либеральная, современная Германия создавалась союзниками и отцами-основателями страны, однако низовые процессы самоорганизации, возвращения субъектности значительной части населения имели едва ли не большее значение для трансформации немецкого общества¹.

В постсоветской России сложилась противоположная ситуация: волна общественной активности пошла на убыль после первых лет создания нового государства и на протяжении двадцати лет происходило общее снижение практически всех показателей политического участия. За редким исключением несистематических гражданских выступлений, общая картина, как показывают данные соцопросов, в основном осталась неизменной. Только в последние несколько лет — приблизительно с 2005 года и особенно с декабря 2011 года — в России стал наблюдаться рост политического участия, начали появляться низовые инициативы и сети. Эти новые, независимые усилия объединили как желающих отстаивать свои интересы и права, так и тех, кто готов бороться за ценности более общего характера, такие как охрана окружающей среды и сохранение культурного наследия. Несомненно,

эти новые сети и низовые инициативы, основанные на «слабых» связях, представляют особый исследовательский интерес.

Что касается западногерманского опыта, то долгосрочный рост политической эффективности в Федеративной Республике был обусловлен, прежде всего, функционированием системы демократических институтов, созданных в послевоенный период. Новая система, основанная на верховенстве закона и разделении властей, предоставила гражданам шанс на участие в политической и общественной жизни, что, в свою очередь, привело к устойчивому росту политических навыков и ресурсов. Иными словами, по мере того, как западные немцы знакомилась с демократическими процессами в ФРГ, они принимали в них все более активное участие, которое, в свою очередь, сделало их более уверенными в способности влиять на принятие политических решений. Большинство наблюдателей сходились во мнении, что функционирование политической и экономической системы было важным фактором роста поддержки системы и большей приверженности демократии в первые два послевоенных десятилетия.

В постсоветской России, напротив, установление суперпрезидентской власти и дисфункция или отсутствие демократических институтов отразились на низком уровне политической эффективности и слабости гражданского общества. Слабость, а иногда и отсутствие институциональных рамок, в которых демократия действительно могла бы осуществляться, препятствовали социальному развитию и социальной организации, развитию гражданских навыков и политической эффективности, имеющих ключевое значение для поддержания и укрепления демократической системы.

Другим важным источником преобразований стало изменение характера послевоенного немецкого общества, трансформация немецкой социальной структуры, которая способствовала, прежде всего, росту благосостояния и развитию высшего образования в послевоенный период. «Экономическое чудо» привело к значительному увеличению доходов и возможностей для получения образования, которые, в свою очередь, послужили включению постматериалистических вопросов «новой политики», таких как охрана окружающей среды и участие в принятии решений, в политическую повестку дня.

Вместе с растущим чувством собственного достоинства и уверенностью граждан в собственных силах, политика приобретала все большую актуальность в повседневной жизни, придавая ей новый смысл и обеспечивая воз-

¹ См.: *Hockenjos, Paul*. The Grassroots Republic: How Intellectuals, Students and Civic Movements Changed German Culture // *The Atlantic Times*, May 2009.

возможности самовыражения. Таким образом, новые формы участия в тысячах гражданских инициатив по всей стране стали проявлением этого обновленного политического сознания и растущей политической эффективности.

В свою очередь, данные российских социологов показали, что постсоветская Россия не пережила схожего роста гражданской активности, за исключением короткого всплеска в поздний советский период, за которым последовал затяжной спад. Этот спад, как представляется, был обусловлен тем, что постсоветская система стала характеризоваться не институциональной дифференциацией и укреплением демократических институтов, но довольно архаичными, неравными, иерархическими, клиентелистскими отношениями. Общественное положение и богатство новой российской «элиты» зависели не от их личных достижений, но, в первую очередь, от лояльности по отношению к вышестоящим в иерархической системе, к патронам. Российский опыт позволил сделать вывод, что такие факторы, как доход, статус и образование приобретают социокультурную значимость только в случае модернизации политической системы, создания формальных, обезличенных и функционирующих институтов.

Наконец, благодаря программе «перевоспитания», осуществленной западными союзниками в первые послевоенные годы, немецкая средняя и высшая школа пережили значительную трансформацию. Западные союзники, особенно Соединенные Штаты, были нацелены на изменение немецких политических ценностей и взглядов с тем, чтобы формальные демократические институты, созданные после войны, получили широкую поддержку населения¹.

Прежде всего, благодаря процессу денацификации, наиболее активные нацисты были исключены из западногерманских школ, школьные учителя прошли переподготовку, новые учебники были разработаны немецкими педагогами под руководством союзных властей, и, в конечном итоге, новые методы обучения были введены в традиционно авторитарных немецких классах. Таким образом, послевоенная оккупация стала отправной точкой на пути к более либеральной и современной школе. Несмотря на значительное первоначальное сопротивление изменениям в немецком обществе, политика союзников постепенно начала приносить плоды. В начале 1950-х годов новые социальные дисциплины, значение которых систематически подчеркивали чиновники Управления военной администрации США, были введены

в западногерманских учебных заведениях — политическое образование в школах и политическая наука в университетах.

Западным союзникам и демократически ориентированным немецким педагогам удалось в конечном счете изменить авторитарную модель отношений в классах. С середины 1960-х годов наблюдатели стали признавать, что немецкие школы ценят независимость и самоопределение, возможность обсуждения и критики на уроках.

Не менее важно, что союзные рекомендации стали точкой отсчета для многих западногерманских интеллектуалов, которые в 1950-е и 1960-е годы активно обсуждали роль послевоенного университета и принимали участие в создании проектов реформ. Наиболее прогрессивные ученые настаивали на приближении университета к общественной жизни. При этом в дискуссию были также вовлечены сами студенты, фактически сделавшие вопрос образовательной реформы основой повестки дня в ходе протестного движения 1968 года.

К сожалению, аналогичные интеллектуальные дебаты о роли школы и университета в постсоветской России не состоялись. В результате, российские учебные заведения сохранили многие черты советских образовательных институтов, в том числе старые, авторитарные модели отношений между преподавателями и учениками.

Таким образом, основными источниками изменений западногерманской политической культуры послевоенного периода стали функционирование демократической системы, социально-экономическая модернизация и изменения моделей социализации, связанные с трансформацией образовательной системы.

Анализ изменений политической культуры в двух странах показал, что структурная трансформация институциональной среды влечет изменения политических установок и ориентаций граждан. В то время как изменения политической культуры в Федеративной Республике последовали за институциональными преобразованиями, провал демократических реформ в постсоветской России стал, как представляется, основным препятствием на пути демократизации политической культуры и, шире, демократической консолидации. Функционирующие политические институты и действенная система разделения властей способны обеспечить среду, в которой гражданское общество может развиваться и эффективно влиять на принятие политических решений путем выработки и представления альтернативных программ в различных сферах общественной жизни, включая образование.

¹ *Conradt, David P.* 1989. *Op. cit.* P. 213.

Для обоих анализируемых опросов структура факторов сохраняется – они образованы одними и теми же переменными как в 1996, так и в 2006 году. При этом для второго фактора даже порядок образующих его переменных остался прежним. А вот в рангах переменных, образующих первый фактор, есть различие: обязанность государства по контролю над ценами сместилась с первого места, которое она занимала в 1996 году, на третье. В остальном ранги остались прежними. Первый фактор группирует блок представлений о необходимости государственного регулирования рынка труда и различий в социальной дифференциации, второй – о роли государства в экономической сфере.

Переход к анализу факторов на страновом уровне показывает наличие статистически значимых различий как между странами, так и в динамике массовых представлений населения одной и той же страны во времени. Такие изменения имеют место в шестнадцати странах, их перечень и кодировка приведены в табл. 2. Визуализация полученных результатов представлена на рис. 1 (первый фактор) и рис. 2 (второй фактор). Точками на графиках отмечены средние значения коэффициентов факторной нагрузки по анализируемому фактору отдельно для каждой страны в 1996 и 2006 годах. Линии, соединяющие эти точки, задают динамику установок. Например, Новая Зеландия в 1996 году занимала лидирующие позиции среди стран, население которых было настроено против государственного регулирования цен, доходов, рынка труда. В 2006 году «непримиримая» позиция жителей Новой Зеландии несколько смягчилась, лидером несогласия с активной ролью государства в регулировании социальной жизни стала Чехия. Отметим рост настроений против государственного регулирования социальных проблем в странах «скандинавского социализма» – Норвегии и Швеции. Особен-

но этот процесс заметен в Швеции, которая по темпам роста «антисоциалистических» настроений занимает третье место в ряду всех анализируемых стран после Чехии и Германии.

Важной представляется динамика установок населения бывшей ГДР. В 1996 году жители Восточных земель Германии выражали самую сильную, среди всех опрошенных стран, поддержку государственному регулированию цен, рынка труда, поддерживали вмешательство государства в процесс сокращения разницы в доходах между богатыми и бедными. Десять лет жизни в рыночном демократическом обществе в корне поменяли позиции этой населенческой совокупности: ее установки по отношению к государственному регулированию социальной жизни сменили знак на противоположный и сместились в область несогласия, показав самые высокие темпы роста.

Отметим некоторое нарастание «социалистических» настроений в США. В 1996 году страна занимала второе место, вслед за Новой Зеландией, среди противников государственного регулирования социальной жизни, к 2006 году настроения американцев сильно «полевели». Сейчас США, хотя и остаются в зоне несогласия с установками по поводу активного государственного регулирования социальных проблем, тем не менее по уровню несогласия пропустили вперед 5 стран.

Население России в значительной степени согласно с тем, что государство должно регулировать цены, сокращать дифференциацию доходов, контролировать рынок труда, хотя к 2006 году градус этих настроений несколько снизился (см. рис.1). Россия повторяет траекторию большинства стран: падение патерналистских настроений в социальной сфере было зафиксировано в двенадцати странах (Германия – восточные и западные земли, Испания, Россия, Польша, Япония, Норвегия, Швеция, Швейца-

Таблица 2

ПЕРЕЧЕНЬ СТРАН, ДЛЯ КОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯ В МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О РОЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1996 И 2006 ГОДАХ СТАТИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫ.

Страна	Кодировка	Страна	Кодировка
Австралия	AUS	Польша	PO
Венгрия	HU	Россия	RUS
Германия, Восточные земли	DE-E	США	USA
Германия, Западные земли	DE-W	Франция	FR
Израиль	IL	Чехия	CZ
Испания	ES	Швейцария	CH
Новая Зеландия	NZ	Швеция	SE
Норвегия	NO	Япония	JP

рия, Чехия, Израиль, Франция). Только в четырех странах (Новая Зеландия, США, Австралия, Венгрия) установки на активное государственное регулирование социальной сферы усилились.

Динамика установок, сгруппированных вторым фактором, объединяющим массовые представления о роли государства в экономике, представлена на рис. 2. Большинство стран демонстрируют рост настроений, которые можно было бы назвать «государство, не лезь в экономику»: в десяти странах жители хотели бы ограничить его роль поддержкой инновационных проектов (Польша, Франция, Германия, Венгрия, Новая Зеландия, США, Чехия, Норвегия, Швеция). В шести странах усилились противоположные тенденции (Россия, Швейцария, Австралия, Испания, Япония, Израиль). Отметим, что Россия не просто входит в список стран, где

выросли массовые настроения в пользу государственного регулирования экономики, — в 2006 году Россия демонстрирует самый высокий градус таких настроений.

Интересно сравнить динамику установок населения России и Польши по отношению к вмешательству государства в экономику. Если в 1996 году позиции стран практически совпадали, в Польше настроения в пользу государственного регулирования экономики были даже несколько выше, то к 2006 году страны разошлись на противоположные полюса. Польша демонстрирует самые сильные настроения в пользу отстранения государства от экономического регулирования и сокращения государственных расходов, в России — самая высокая поддержка интенсивного вмешательства государства в экономическую жизнь.

Рисунок 1
ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К АКТИВНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЗА 1996-2006 ГОДЫ

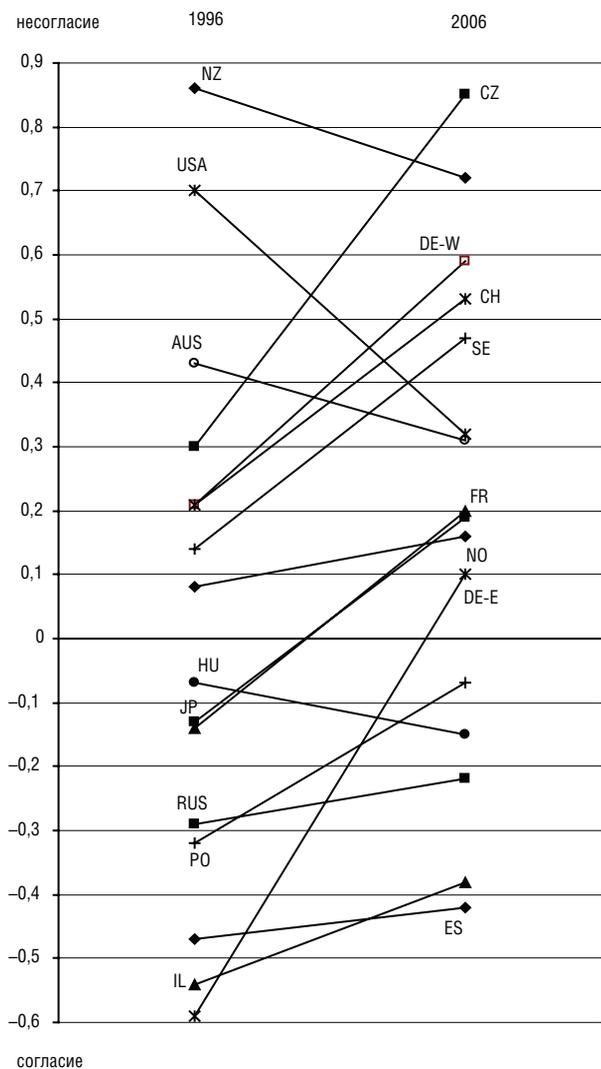
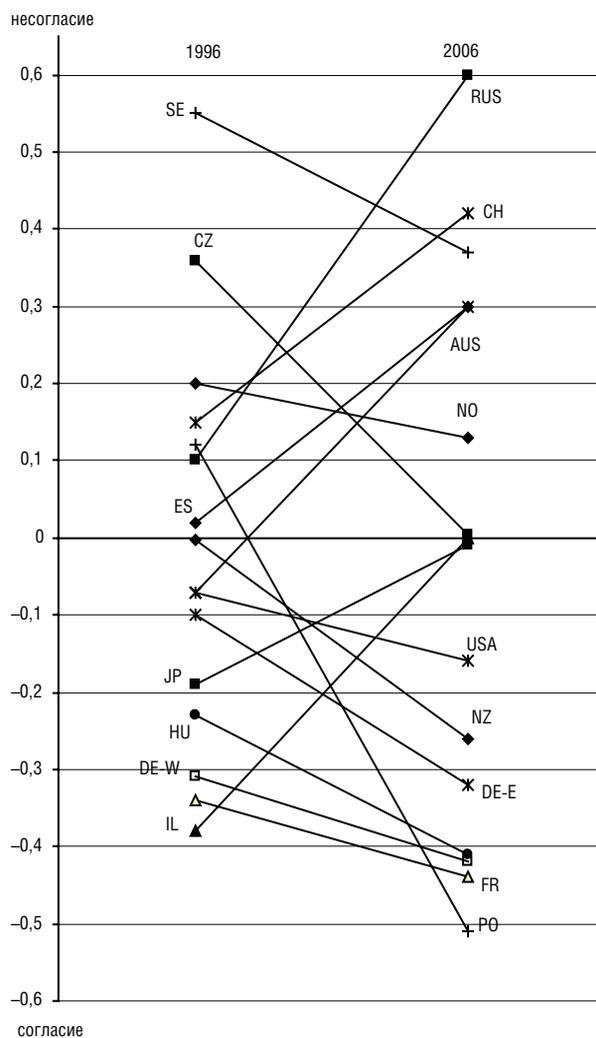

Рисунок 2
ДИНАМИКА УСТАНОВОК, ОПРЕДЕЛЯЕМЫХ ФАКТОРОМ «СОКРАЩЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИКЕ» ЗА 1996-2006 ГОДЫ

Отметим, что в западных и восточных землях Германии представления о роли государства развиваются одинаково — в сторону сокращения государственного регулирования. При этом, хотя различия в позициях все еще остаются, в восточных землях скорость изменений выше, позиции населения разных частей Германии по этому вопросу сближаются.

Очень сильный рост настроений в пользу государственного регулирования экономики заметен в Израиле, Швейцарии, Испании, Австралии, а вот скандинавские страны, напротив, демонстрируют тенденцию к снижению подобных настроений.

Показанную на рис. 1 и 2 динамику массовых установок можно сгруппировать в 4 блока (см. табл. 3). В группу стран, где в 1996–2006 годах наблюдался рост установок на сокращение роли государства во всех сферах жизни, вошли только европейские страны, причем здесь представлена как «старая», так и постсоциалистиче-

ская Европа. Только в одной стране, Австралии, наблюдается противоположная картина — рост настроений в пользу повышения регулирующей роли государства как в экономике, так и в решении социальных проблем. Россия попадает в группу стран, где одновременно с настроениями в пользу государственного регулирования экономики растут настроения против нивелирования доходов и регулирования рынка труда государством. Противоположная картина в США, где заметен рост настроений против вмешательства государства в экономику, но, при этом, выросло число сторонников более активного участия государства в сокращении разницы в уровне жизни и в создании новых рабочих мест.

Естественно предположить, что на совокупность установок о роли государства в жизни общества оказывает влияние объем социальных ресурсов, доступных актору и определяющих его положение в социальном пространстве.

Таблица 3
ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА

УСИЛЕНИЕ НАСТРОЕНИЙ:	НЕ нужно вмешательство государства в решение социальных проблем	НУЖНО вмешательство государства в решение социальных проблем
НЕ нужно регулирование экономики со стороны государства	Восточная Германия Западная Германия Норвегия Польша Франция Чехия Швеция	Венгрия Новая Зеландия США
НУЖНО регулирование экономики со стороны государства	Израиль Испания Россия Швейцария Япония	Австралия

Рисунок 3
ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕОБХОДИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАНИЯ

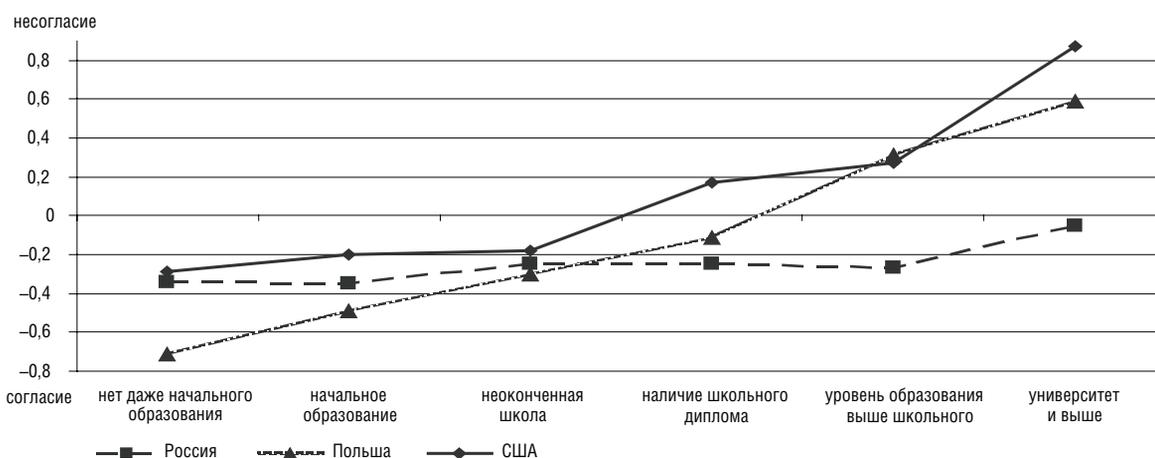
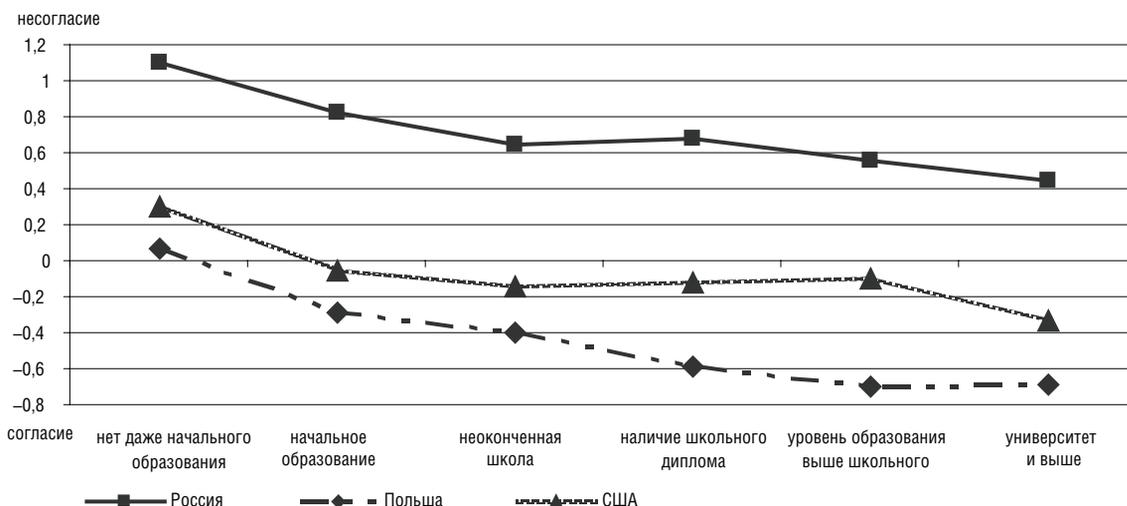

Рисунок 4
ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К СОКРАЩЕНИЮ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАНИЯ

Отсутствие необходимых для самостоятельного существования средств (не только материальных) приводит к росту патерналистских настроений, усиливает идентификацию с государством и проводимой государством политикой. Социальная периферия в большей степени склонна поддерживать авторитарные методы правления и государственный патернализм. Мы отобрали несколько индикаторов уровня социальных ресурсов и провели их анализ.

Рис. 3 и 4 визуализируют влияние уровня образования на систему представлений о роли государства, представлены средние значения коэффициентов факторной нагрузки. Динамика одинакова для всех стран: с ростом образования растет уверенность в том, что роль

государства должна быть минимизирована как в социальной сфере, так и в экономике. Есть некоторое различие в характере динамики: в России и США скачок настроений против вмешательства государства в регулирование социальной жизни связан с получением высшего образования, в Польше рост настроений против государственного регулирования социальных проблем происходит монотонно (см. рис. 3).

Доход оказывает более сложное влияние на анализируемые установки (см. рис. 5 и 6) – динамика не такая плавная. Тем не менее, верхние децили демонстрируют некоторую тенденцию к снижению уровня патернализма, хотя присутствует страновая специфика. Особенно это заметно в установках по поводу государственного

Рисунок 5
ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕОБХОДИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОХОДА

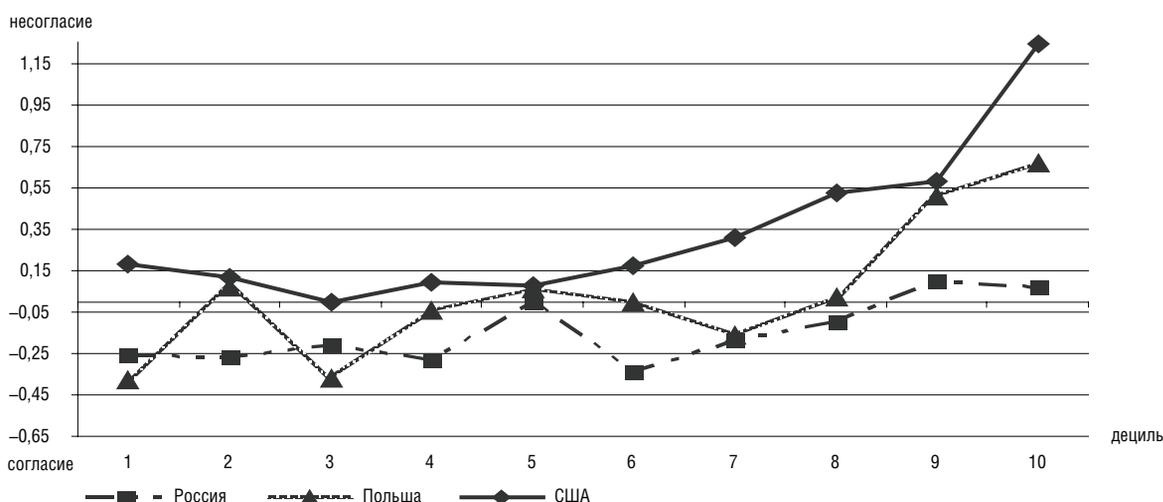

Рисунок 6

ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К СОКРАЩЕНИЮ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОХОДА

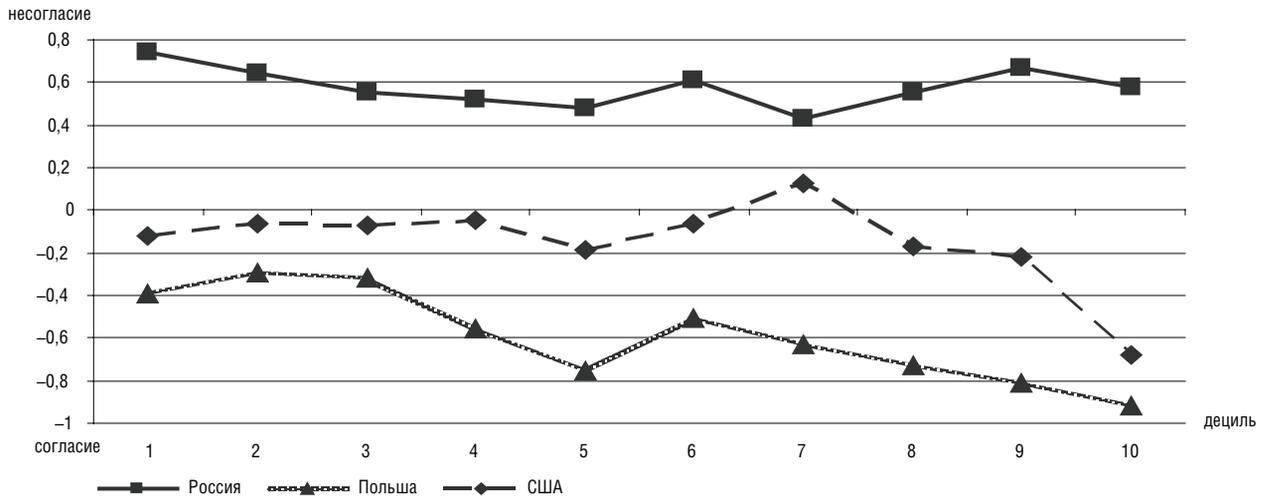

Рисунок 7

ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕОБХОДИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

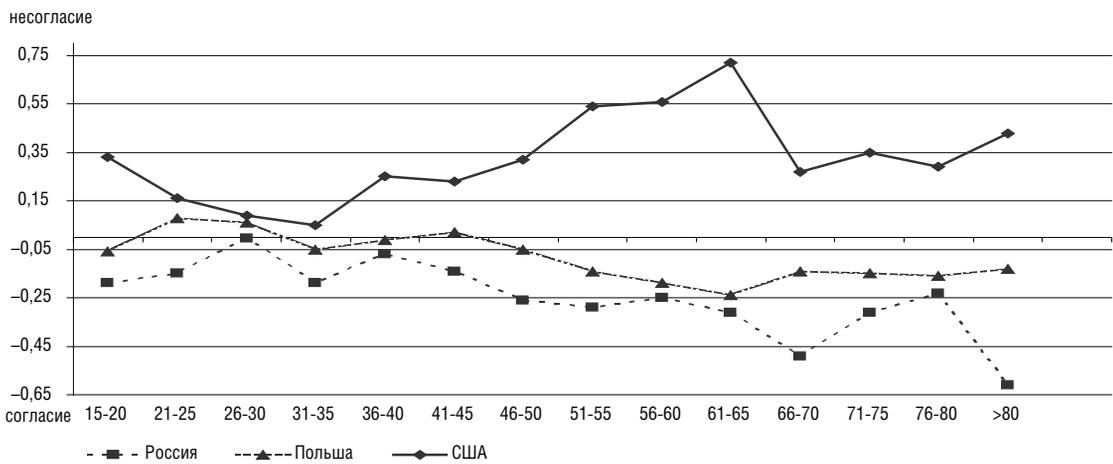
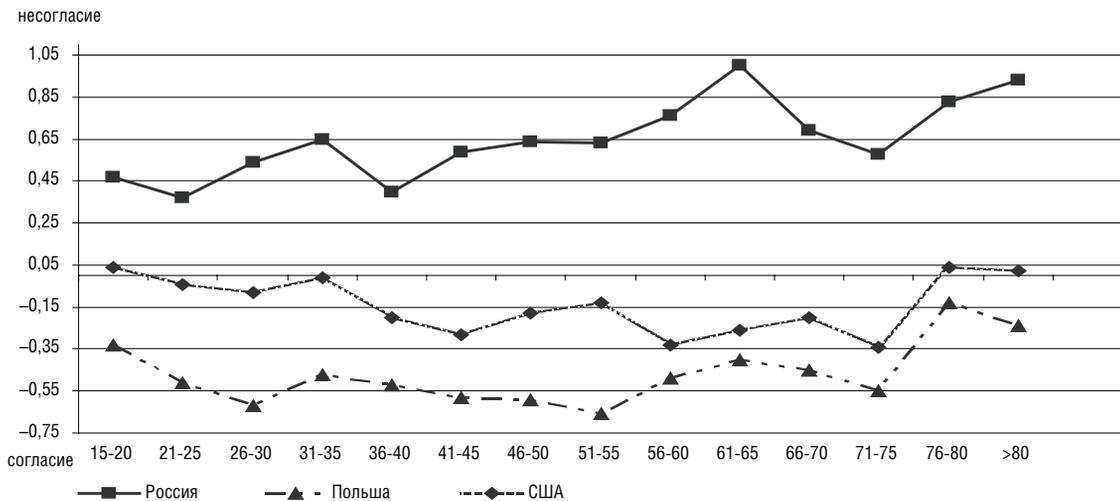

Рисунок 8

ДИНАМИКА УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К СОКРАЩЕНИЮ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

регулирования экономики (см. рис. 6). Если в Польше и США четыре верхних дециля демонстрируют снижение патерналистских установок, то в российском обществе «богатые» являются, скорее, сторонниками вмешательства государства в экономику: уровень поддержки такой же, как среди малообеспеченных, попадающих во второй и третий децили. Как тут не вспомнить социально-профессиональный состав нашего среднего класса, значительную долю которого составляет бюрократия.

Связь между возрастом и динамикой представлений о роли государства представлена на рис. 7 и 8. Здесь также присутствует страновая специфика. Если в Польше и России согласие с необходимостью регулирования социальной сферы возрастает после 40 лет (рис. 7), то в США – ситуация обратная: именно в возрасте от 40 до 65 происходит рост несогласия с опекающей ролью государства. Лишь в послепенсионном возрасте американцы демонстрирует желание подключить государство к решению социальных проблем.

Влияние типа поселения на установки по поводу роли государства пришлось размещать на отдельных графиках, поскольку градация размеров населенных пунктов в странах, выбранных для анализа, не совпадает. Фактор урбанизации обладает очень интересной страновой спецификой. Так, в Польше (рис. 9) и в России (рис. 10) с уменьшением размера населенного пункта растет степень поддержки

вмешательства государства и в социальную сферу, и в экономику, достигая максимума в селах. А вот в США (рис. 11) картинка, можно сказать, «наоборотная». Жители крупных американских городов демонстрируют самый высокий градус поддержки патерналистской социальной политики – именно в крупных городах бытуют массовые настроения в пользу ответственности государства за решение социальных проблем. «Социалистический» настрой снижается с уменьшением размеров населенного пункта и достигает своего минимума в маленьких поселениях с населением менее 1000 человек. Именно жители маленьких городков с давней традицией самоуправления, привычкой рассчитывать только на себя, на соседей, в крайнем случае – на шерифа и господина бога, демонстрируют готовность «не ждать милостей от государства», решая проблемы рынка труда и социальной дифференциации своими силами.

Совокупность установок о роли и мере ответственности государства можно, в определенных пределах, рассматривать как реакцию на социальную политику: массовое сознание нерелексивно, оно воспроизводится повседневными практиками и, можно ожидать, будет отзывчиво к изменениям социального курса. В рамках такого подхода упоминавшийся выше рост «социалистических» настроений в США можно анализировать как реакцию на политику правительства Джорджа Буша-младшего.

Риснок 9
ДИНАМИКА УСТАНОВОК О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ (ПОЛЬША)

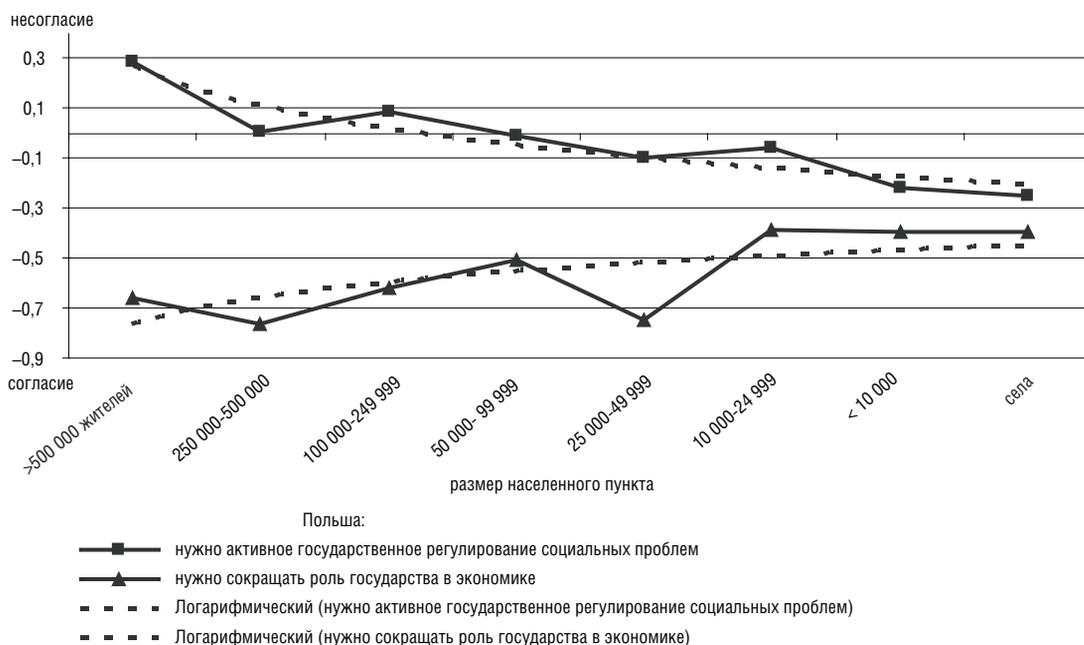

Рисунок 10

ДИНАМИКА УСТАНОВОК О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ (РОССИЯ)

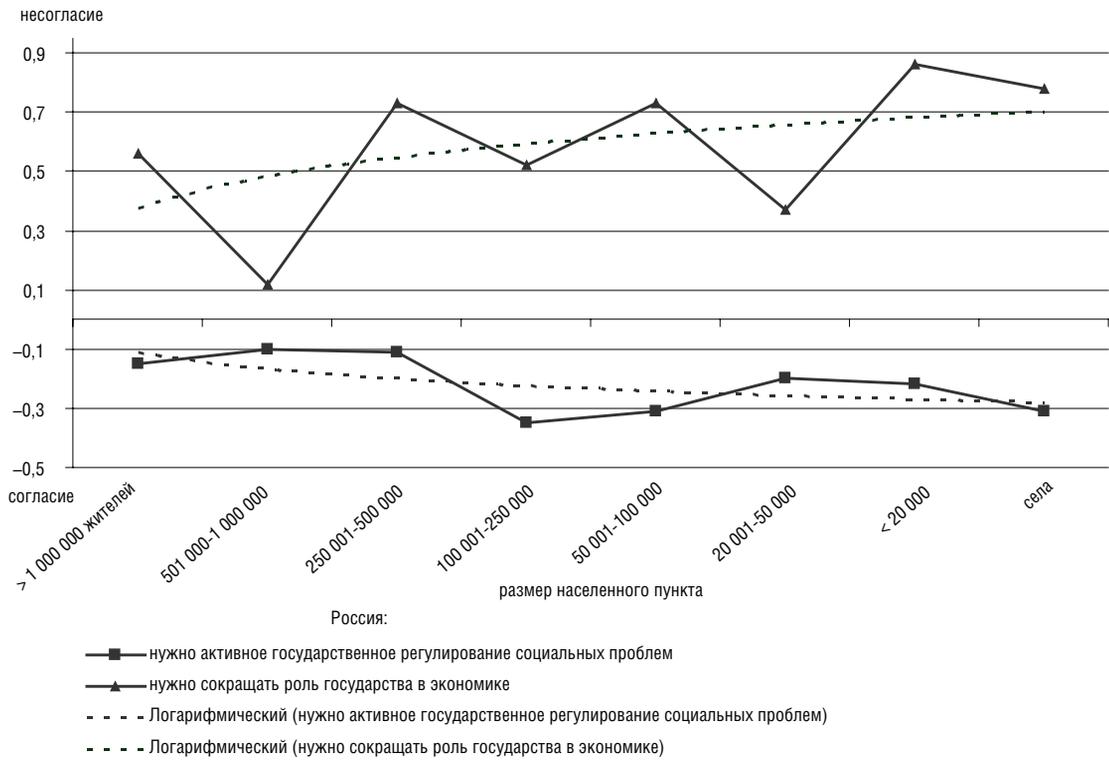
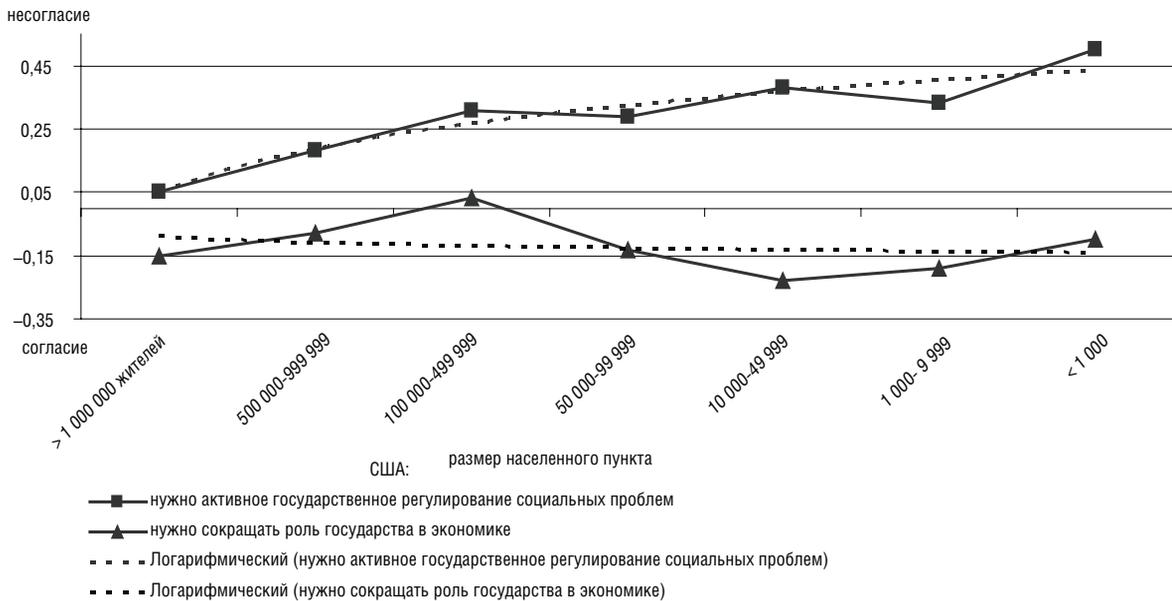

Рисунок 11

ДИНАМИКА УСТАНОВОК О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ (США)

В вопросах внутренней политики сорок третий американский президент выступал за минимальное вмешательство исполнительной власти в жизнь общества, проводил курс на снижение налогов (как индивидуальных, так и на прибыли корпораций), всемерное поощрение предпринимательства, усиление стратегии на развитие частной собственности. В июне 2001-го

Конгресс США принял программу сокращения налогов в целях стимуляции роста экономики, в 2003-м налоги сократили еще раз. Спад в экономике был преодолен, но сокращение налоговой базы привело к резкому росту дефицита бюджета, и, по мнению многих экономистов, расплачиваться за это пришлось малообеспеченным американцам. Кроме того, админи-

страция Буша-младшего планировала реорганизацию системы пенсионного обеспечения, смысл которой – снять нагрузку с государства. Критики предлагавшейся системы считали, что такая реформа не достигает цели социального обеспечения, напротив, она размывает гарантии получения дохода в старости или в случае нетрудоспособности¹. Есть основания предположить, что такая социальная политика могла привести к росту массовых настроений в пользу переноса большей ответственности за социальные проблемы на государство.

Принятый подход позволяет интерпретировать и разнонаправленную динамику массовых настроений в Польше и в России, население которых занимало в 1996 году практически одинаковые позиции по поводу государственного регулирования экономики и разошлось на противоположные полюса к 2006 году (см. рис. 2). Специалисты отмечают успешную реализацию экономических реформ в Польше². Так уже на рубеже 1995–1996 годов Польша первой среди европейских стран с переходной экономикой восстановила предкризисный уровень производства. С 1995 по 2005 годы ВВП Польши на душу населения вырос почти на 52%. Что особенно важно, рост происходил за счет новых хозяйственных форм: если в 1989 году в частном секторе производилось около 20% ВВП, то в 2004 году – уже 79.2%. Частная форма собственности стала доминирующей: в промышленности она дает 80.9% реализованной продукции, в сельском хозяйстве и розничной торговле 98.4% товарооборота, в строительстве 96.8%. В экспорте и импорте доля частных предприятий составила в 2004 году соответственно 88.1% и 91.7%.

Не последним фактором, обеспечившим успех реформ в Польше, стало наличие политической воли, обеспечивающее преемственность государственной политики: Квасьневский, бывший член ПОРП и лидер Социал-демократической партии Польши (наследницы ПОРП), министр в правительстве социалистической Польши в восьмидесятых,

сменив Валенсу на посту президента в ноябре 1995 года, продолжил курс на рыночные преобразования страны, сближение с ЕС, вступление в НАТО, приватизацию государственной собственности. В этом смысле Польша приближается к западным демократиям: смена правительства в стране не приводит к радикальным поворотам в реализуемой политике, а лишь к тактическим изменениям. С другой стороны, польское общество оказалось готово принять предлагаемый курс. В июне 2003 года в Польше был проведен референдум по поводу вступления в ЕС. В нем приняло участие 58.85% всех граждан, имеющих право голоса, 77.45% проголосовавших высказались за вступление страны в ЕС.

Подобные системные преобразования не могли не изменить роль, которую государство играет в жизни польского общества. Функции государственной власти постепенно сводятся к созданию «общих правил игры» для многочисленных и разнообразных хозяйствующих субъектов, что можно считать главным успехом либеральных реформ. Польское общество переживает опыт успешного реформирования экономики и социальной сферы, все в большей степени обретая ресурсы, обеспечивающие самостоятельное, независимое от государства существование. Отражение этого успешного опыта в массовом сознании и было зафиксировано опросом 2006 года.

Ситуация в России диаметрально отличается от того, что происходит в Польше. Согласно данным Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor [GEM])³ количество бизнесов в России мало и растет медленнее, чем в большинстве стран мира. Так, в 2006 году доля новых бизнесов (по определению, новым бизнесом в рамках GEM считается бизнес, который приносит доход менее 42 месяцев) составляла в России 4.9%, устойчивым бизнесом (бизнес приносит доход более 42 месяцев) владело 1.2% населения. Причины такой низкой предпринимательской активности в России связаны, по мнению специалистов, в первую очередь, со «средой», в которой осуществляется экономическая активность. Среди основных препятствий к реализации предпринимательских установок эксперты назвали отсутствие эффективной, четкой

¹ Schifferes S. Bush's domestic agenda reinforced // BBC News, 06.11.2002; Рейнольдс П. Политический портрет: Джордж Буш-младший // BBC News, Русская служба, 14.10.2004; Milbank D. Bush's Domestic Policy Gap // The Washington Post, 12.10.2004; Bush pushes case for permanent tax cuts // USA Today, 01.04.2006; Сулян В. Современная социально-экономическая модель США // <http://www.intertrends.ru/seven/003.htm>.

² Синицина И.С., Чудакова Н.А. ЕС и экономика Польши: от адаптации к интеграции // Современная Европа. 2006. №3 с.108-123; Они же. Социально-экономическая трансформация Польши. ОНС, № 2. С. 24-34; Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000. С. 86; Rocznik Statystyczny Polski 2005. Warszawa, 2005.

³ Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor) - крупнейшее в мире исследование предпринимательской активности. Исследование было начато в 1999 году, в настоящее время в проекте участвуют более 85 стран из всех частей света: <http://www.gemconsortium.org/What-is-GEM>

и последовательной политики со стороны государства, высокие барьеры вхождения в рынок, монополизацию рынка, рейдерство. Отмечалось, что сферы влияния поделены, реальной рыночной конкуренции нет, а есть «олигархическая экономика»¹.

Согласно Индексу экономической свободы (Index of Economic Freedom [IEF])², Россия в 2006 году занимала 129 место среди 157 ранжированных стран непосредственно между Нигером и Индией (на первом месте оказался Гонконг, на последнем – Северная Корея). На рис. 12 приведена динамика Индекса за все годы наблюдений. Заметно некоторое улучшение показателя во второй половине девяностых, но с приходом Путина к власти значение индекса упало и практически не менялось на протяжении всех нулевых³.

В 2012 году Россия заняла 144 позицию среди 179 стран, ранжированных в рамках IEF. Вот как характеризуется ситуация в отчете: «Российское правительство демонстрирует мало, если не полное отсутствие, приверженности экономическим реформам, и показатель эко-

номической свободы остается замороженным на нижней границе стран с «в основном не-свободной экономикой». Хотя высокая цена на углеводороды и поддерживает экономику, но перспективы стабильного долгосрочного роста остаются призрачными. Всепроникающая коррупция и неуважение к правам собственности подрывают верховенство закона, увеличивая неопределенность и риск инвестиций. Активное государственное вмешательство в экономику блокирует динамизм частного сектора. Нагромождение сложных таможенных барьеров повышает стоимость торговли. Препятствием к прямым иностранным инвестициям является, в том числе, непредсказуемость бюрократических решений и непрозрачность регулирования. Недостаток рыночной конкуренции приводит к росту цен. Расходы на социальную сферу выросли, но не выросла прозрачность расходования средств или публичный контроль за расходами. Бюджет все в большей степени зависит от цен на нефть»⁴.

Анализируя ситуацию в России, нельзя не признать, что мы имеем дело с бюрократи-

Рисунок 12

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ДЛЯ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СРЕДНЕМУ ЗНАЧЕНИЮ ПОКАЗАТЕЛЯ.

¹ Global Entrepreneurship Monitor (GEM)// <http://www.gemconsortium.org/>.

² Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom) — комбинированный показатель, оценивающий уровень экономической свободы в различных странах мира. Выпускается американским исследовательским центром The Heritage Foundation совместно с газетой The Wall Street Journal. Экономическая свобода определяется как «отсутствие правительственного вмешательства или воспрепятствования производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой»// <http://www.heritage.org/index/about>

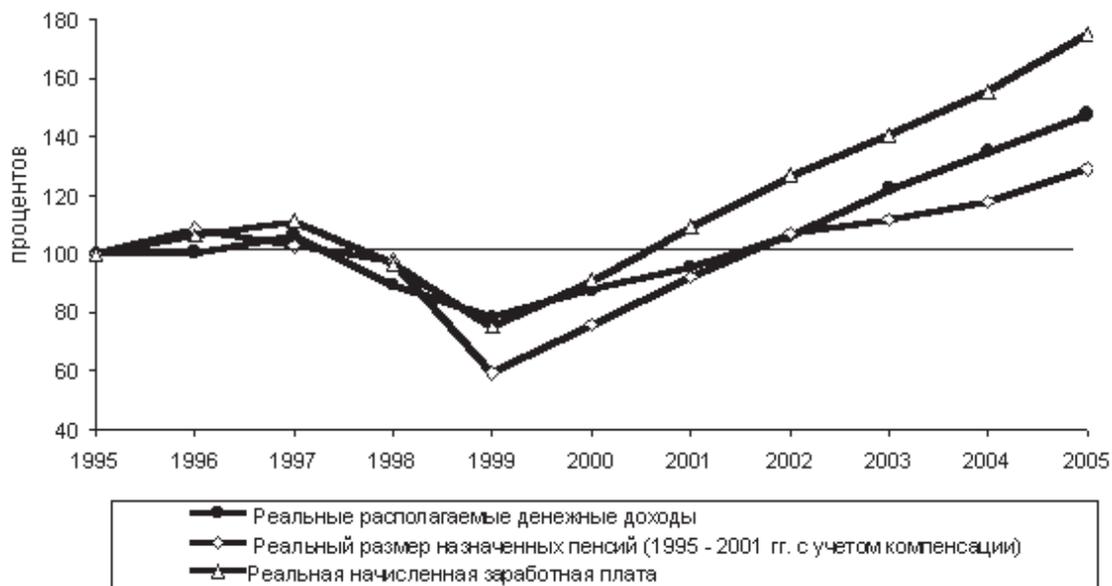
³ Рисунок взят с сайта <http://www.heritage.org/index/>.

ческим реваншем. Реформы, начатые в 90-ые годы, были не просто свернуты, но маркированы официальной пропагандой как жульнические махинации, приносящие вред «народу». При этом благодаря высоким ценам на нефть, оказалось возможным дополнить идеологическую обработку стабильным повышением заработной платы и пенсий (см. рис. 13).

⁴ <http://www.heritage.org/index/country/russia> Перевод автора статьи.

Рисунок 13

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РЕАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ (1995=100). ДАННЫЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_13/lssWWW.exe/Stg/d01/06-06.htm

По сравнению с провальным — после дефолта — 1999 годом реальные зарплаты и пенсии выросли к 2005 году более чем в два раза. Но если, как было показано, в Польше рост доходов населения обеспечивался новыми формами экономической активности, в России основой повышения зарплат и пенсий стал бюджет — точнее, выгодная внешнеэкономическая конъюнктура. Сочетание пропагандистских усилий и стабильного повышения уровня жизни привело к росту массовых стереотипов о необходимости и полезности государственного регулирования экономики, что и было зафиксировано в рамках опроса.

Существующие в российском обществе стереотипы массового сознания — не особенность загадочной русской души, не таинственная «русская ментальность», а результат последовательной и планомерной политики режима, прекрасно понимающего, что его опора — социальная периферия со сниженным уровнем социальных ресурсов и достигательской мотивации. Отсюда — культивирование малой

значимости индивидуального успеха, профессионализма, неверие в возможность институционального признания личного достижения другими (в том числе в материальном выражении). Постепенно, шаг за шагом, сворачивается пространство свободы — жизнь рядового россиянина выстраивается так, что в ней все меньше остается места независимому от власти существованию. И рынок труда, и системы здравоохранения и образования, и ЖКХ — все элементы повседневности замкнуты на государственную поддержку и обеспечение. Не имея навыков и возможностей самостоятельной жизни, значительная часть российского населения идентифицирует себя с государством, превращая патерналистские ожидания в своего рода социальный — фактически единственно доступный — ресурс. А власти, в свою очередь, целенаправленно консервируют такое положение вещей. Пока ситуация не изменится, вряд ли можно оптимистично оценивать перспективы и потенциал российской модернизации.

Наталья БОНДАРЕНКО
Марина КРАСИЛЬНИКОВА
Ксения ЮДАЕВА

Инновационный и предпринимательский потенциал общества

Обсуждения условий проведения модернизации и перехода к инновационной экономике в России продолжает быть актуальным уже не одно десятилетие. И только в последние годы начинает широко обсуждаться социокультурная проблематика такого перехода. Большинство таких исследований остается в рамках парадигмы определения *объема* человеческих ресурсов, обладающих потенциалом инновационного развития, выделения групп «носителей» модернизационных изменений и описания их основных социально-экономических характеристик. При этом неявно предполагается, что выявленные группы носителей инновационного потенциала в силу своей прогрессивности обладают потенциалом развития и тем самым являются залогом инновационного развития страны.

Одним из направлений таких поисков являются исследования потенциала предпринимательской активности населения, поскольку предпринимательство рассматривается как один из основных движущих сил экономического и в целом общественного развития. Изучение социальных ресурсов предпринимательства основывается на оценке степени распространенности набора человеческих качеств, связанных с индивидуальной ответственностью, самостоятельностью, активной жизненной позицией, склонностью к состязательности и риску. Предполагается, что их наличие, степень распространенности и востребованности в обществе является определяющим или, по крайней мере, одним из важнейших условий инновационного развития (с точки зрения человеческого капитала как одного из ресурсов).

Анализ предпринимательского потенциала является актуальной темой не только для России, а сопоставление отечественной ситуации с практикой других стран позволяет выйти за пределы исследования специфических особенностей развития частного бизнеса в стране, на протяжении значительного исторического периода практически не имевшей опыта легаль-

ного частного предпринимательства. Поэтому мы начнем анализ, сравнив Россию с Европейскими странами и США. Данные по России получены Левада-Центром в рамках опроса, проведенного по заказу Центра макроэкономических исследований (ЦМИ) Сбербанка России. Были опрошены 6 тыс. респондентов, представляющих мнение взрослого (18–65 лет) городского (города с численностью населения свыше 20 тыс. жителей) населения страны¹.

Отношение к предпринимательству в России и в мире. Международное исследование, проводимое Европейской комиссией в 27 странах ЕС, США, странах ЕФТА, Хорватии, Турции, Японии, Южной Кореи и Китае, позволяет проследить сходства и различия между Россией и большинством ведущих стран мира по основным проблемам, связанным с влиянием «человеческого фактора» на развитие предпринимательства, а именно:

- Отношением населения к предпринимательской деятельности;
- Склонностью к конкурентному и рискованному поведению;
- Возможностью и привлекательностью «входа» в этот сектор экономики;
- Восприятием неудачного предпринимательского опыта.

В ходе опроса российского городского населения были повторены вопросы данного международного исследования. При сопоставлении данных нужно не забывать, что российские результаты отражают мнение относительно «продвинутой» части общества, поскольку наиболее консервативные и хуже всего обеспеченные экономическими и социальными ресурсами группы сосредоточены в сельских поселениях и в малых городах (численностью менее 20 тыс. жителей), которые не были включены в выборку российского исследования.

¹ Более подробно с результатами исследования можно ознакомиться на сайте ЦМИ: http://www.sbrf.ru/moscow/ru/analytics/cmei/joint_analysis/.

Для сопоставительного анализа были рассчитаны индексы по международной методике на основе данных российского опроса (см. врезка 2, стр. 98).

Частное предпринимательство и общество.

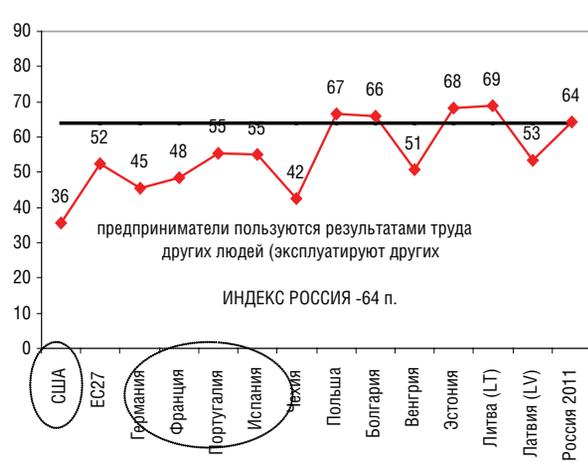
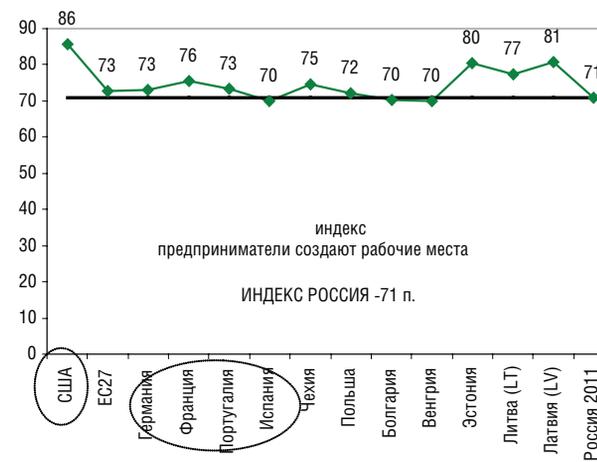
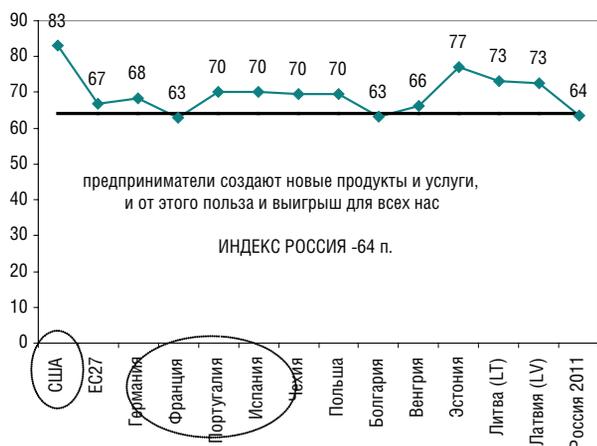
Характер восприятия предпринимательства и предпринимателей в обществе определяет ценностно-культурную поддержку, степень комфортности социальной среды для развития бизнеса. Отношение населения к этому виду деятельности рассматривалось в рамках международных исследований в двух аспектах:

- оценка роли предпринимателей в экономической и общественной жизни страны (позитивной и/или негативной роли предпринимателей в обществе) и
- оценка общественного статуса предпринимателя, характер восприятия образа частного предпринимателя, уровень престижа.

В России довольно значительная часть опрошенных соглашается с тем, что есть положительное влияние деятельности предпринимателей на социально-экономическую жизнь:

Рисунок 1

ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ (Значения индексов, горизонтальная черта – индекс для России)

восемь из десяти опрошенных согласны, что «для общества польза и выигрыш от того, что предприниматели создают новые продукты и услуги», и 70% согласны с тем, что предприниматели создают «новые рабочие места». Однако в России индексы положительного влияния предпринимателей («создают новые рабочие места», «создают новые товары и услуги на пользу всем») оказываются ниже, чем в большинстве стран как Западной, так и Центральной Восточной Европы (ЦВЕ), и значительно ниже, чем в США (см. рис. 1). Одновременно россияне гораздо чаще отмечают негативную роль предпринимателей. Индексы согласия с утверждениями, что «предприниматели думают только о своих кошельках» и «предприниматели эксплуатируют других», в России относительно высокие. По соседству на шкале расположились индексы ряда стран ЦВЕ, что указывает, очевидно, на влияние общего советского прошлого, классовой идеологии, которая в Восточной Европе имела более слабые корни и, соответственно, оставила более «сглаженные» следы. У жителей стран Западной Европы и США наи-

более «терпимый» тон суждений. Среди европейцев не более половины согласны с утверждением, «что предприниматели эксплуатируют других, используют результаты труда других», в России таких ответов — две трети.

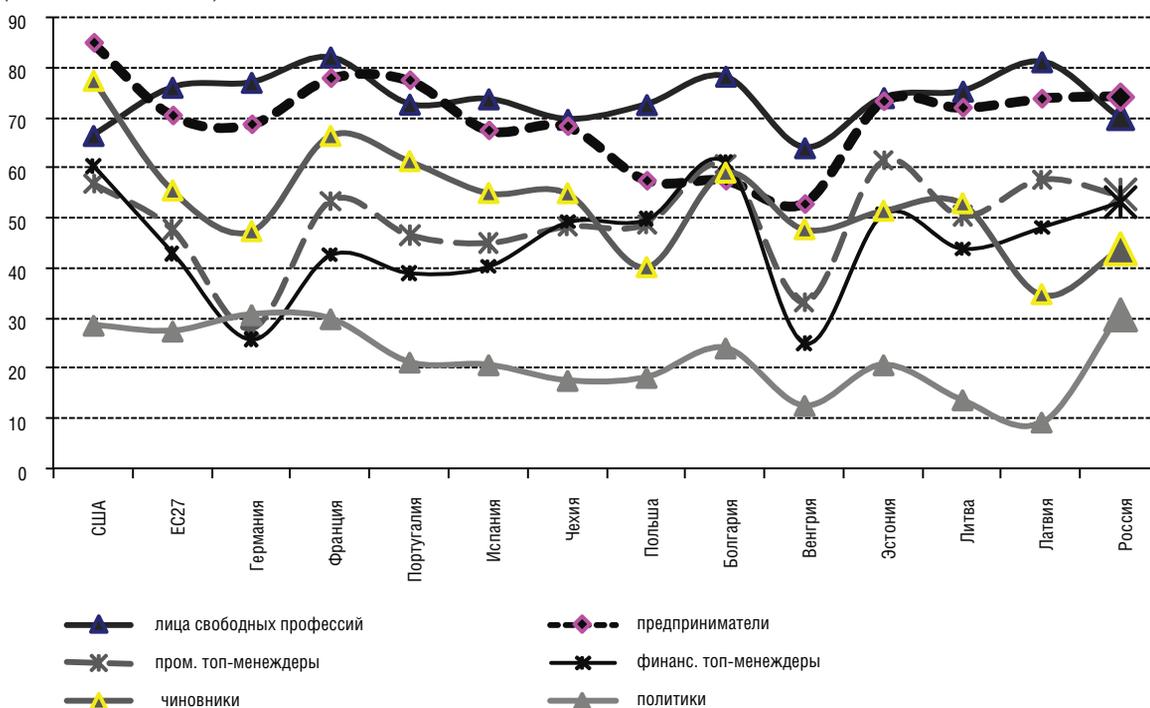
Для оценки значимости и общественного признания частнопредпринимательской деятельности социальный статус частного предпринимателя сравнивался с рядом других массовых социально-профессиональных групп — лицами свободных профессий, госслужащими/чиновниками, политиками, топ-менеджерами в промышленной и финансовой сфере. В этих сопоставлениях рассматривались только мелкие и средние частные предприниматели, что позволяет учитывать не столько отношение населения к частной собственности, а концентрирует внимание на предпринимательстве как виде профессиональной деятельности и дает оценку степени его общественного одобрения.

Международные сопоставления показывают, что иерархия общественных статусов в России во многом соответствует сложившимся в других странах стандартам (в рамках предложенного списка). Во всех странах наиболее благоприятное восприятие гарантировано предпринимательству и свободным, творческим профессиям, а наименее — политической деятельности. В России, как и в странах Евросоюза и в США, социальные рейтинги индивидуаль-

ных, малых предпринимателей и представителей свободных профессий оказываются выше других социально-профессиональных групп (рис. 2). Доля одобрительных высказываний об индивидуальных и малых предпринимателях в России оказалось даже больше, чем в большинстве стран Евросоюза. Меньше всего положительных оценок у этой группы предпринимателей набирается в странах Восточной Европы и Балтии. Также в России чаще, чем в странах Евросоюза, выражают положительное отношение к топ-менеджерам крупного промышленного бизнеса и менеджерам банков и финансовых учреждений (рейтинг этих групп в России — 55 п.п. и 53 п.п. соответственно, по Евросоюзу — 48 п.п. и 43 п.п.). В Германии, Испании, Португалии, Венгрии рейтинг топ-менеджеров наиболее низкий.

Основное отличие России от других стран связано с отношением к госслужащим: в России статус чиновников — один из самых низких, в то время как в Западной Европе и США они пользуются заметно большим общественным признанием (см. рис. 2). Российские респонденты выражали свое «положительное отношение» к государственным служащим гораздо реже, чем во многих странах Евросоюза, тем более в США. Забегая вперед, отметим, что в России низкие социальные рейтинги государственных служащих, демонстрирующие недоверие к чи-

Рисунок 2
ИЕРАРХИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОДОБРЕНИЯ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ (Значения индексов)

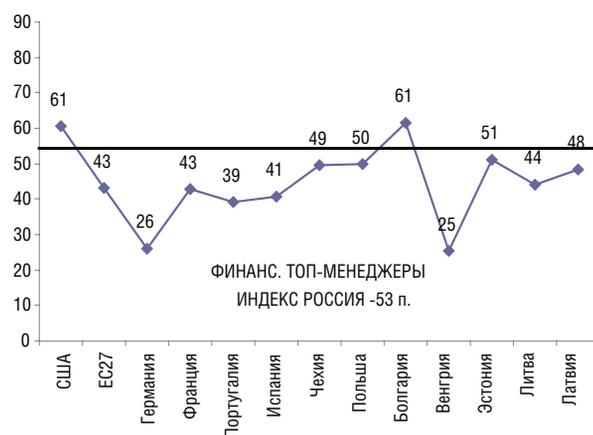
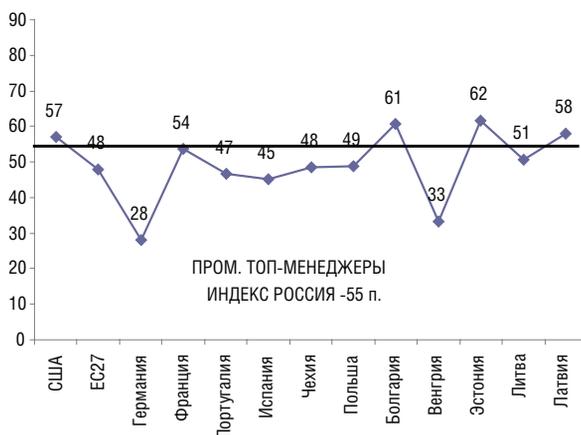
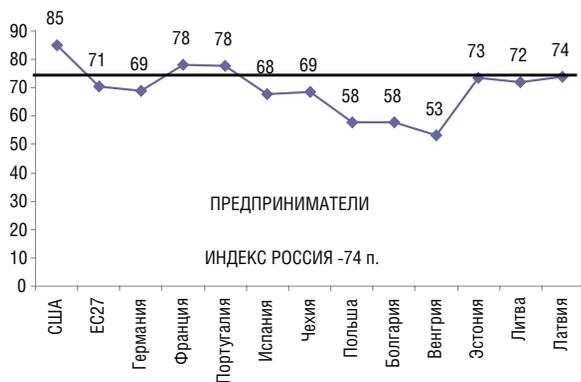

новникам, коррелируют с высокими индексами, измеряющими административные барьеры при организации собственного дела. В США, в странах Западной Европы государственные чиновники «завоевывают» большее доверие, социальное уважение, имеют более высокий социальный рейтинг (78 п.п. и 56 п.п. соответственно), чем менеджеры крупного промышленного бизнеса (57 п.п. и 48 п.п. соответственно). Напротив, в России и, например, в Польше, в Латвии, в Эстонии к чиновникам негативное отношение выражали чаще, чем к представителям крупного бизнеса (по России рейтинг чи-

новников 44 п.п., рейтинг топ-менеджеров промышленных компаний – 55 п.п.).

Среди городского населения России (напомним, в среднем более «прогрессивного») отношение к предпринимателям лучше, чем в странах ЦВЕ, но заметно хуже, чем в США. Отношение к людям свободных профессий (художникам, декораторам, адвокатам, нотариусам и т.п.) в России также более сдержанное, чем практически во всех других европейских странах и США. И относительно хуже всего российские жители воспринимают госслужащих (см. рис. 3).

Рисунок 3
УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО ОДОБРЕНИЯ (Значения индексов, горизонтальная черта – индекс для России)

Есть, однако, две профессиональные группы, которые российскими городскими жителями оцениваются более благоприятно, чем европейцами и американцами. Это «воротилы» крупного бизнеса — топ-менеджеры промышленных и финансовых корпораций, которые в большинстве других стран (кроме, в порядке убывания степени различий, Эстонии, Болгарии, Литвы и США) оцениваются хуже, чем в России. С другой стороны, профессиональные политики — наименее одобряемая во всех странах группа — в России пользуется относительно большей благосклонностью. Думается, что более терпимое, чем в других странах, отношение российского населения к руководству бизнеса и руководству страны является дальним отголоском патерналистских настроений, укорененных в массовом сознании, которые заставляют, при всем недовольстве, с почтением и страхом относиться к власти предрасширяющим. Это приводит, в частности, к тому, что в России не получила поддержки международная акция «оссуру Wallst.»¹, а также выражается в политической апатии большинства населения. Российская специфика рейтингов одобрения различных социально-профессиональных групп будет рассмотрена далее.

Склонность к конкурентному и рискованному поведению. Потенциал развития предпринимательского слоя на индивидуальном уровне определяется распространенностью «предпринимательских» качеств (то есть личных качеств, которые формируют «предпринимательский» дух, без которых вряд ли возможно обращение к идее создать свое дело, бизнес). В списке таких качеств на первом месте стоит склонность к риску (речь идет об уровне риска, к которому человек в своей жизни готов), конкуренции, состязательности, степень изобретательности. Важной характеристикой также признается независимость, готовность к активным действиям, отстаиванию своих позиций, уверенность в собственных силах и оптимизм.

По очевидным причинам содержательный анализ субъективных самооценок респондентов по подобным параметрам имеет смысл только при сопоставительном анализе, при возможности «калибровки» полученных данных относительно заданных извне точек отсчета. Именно такую возможность предоставляют в данном случае международные сопоставления.

² Вместе с тем, 50% взрослого российского населения заявляет о поддержке участников акции «Захвати Уолл-стрит» и только четверть — не поддерживает (данные опроса городского и сельского населения России, проведенного Левада-Центром в ноябре 2011 г.).

Сравнения показывают, что российские городские жители реже склонны к рискованному поведению, состязательности. Среди россиян индексы восприятия риска («как правило, я готов(а) рисковать») ниже, чем среди жителей Западной Европы и среди американцев (рис. 4). Значения индекса состязательности («мне нравятся ситуации, в которых я мог(ла) бы соревноваться, состязаться с другими») у россиян близки к среднеевропейскому, но оказываются значительно ниже американского.

Менее склонны россияне и отстаивать свою точку зрения, идеи, в том случае, если они не поддерживаются другими. В России относительно низок индекс готовности идти против мнения других, отстаивая свою идею («меня не останавливает, что мое мнение может быть кем-то не поддержано»). Вместе с тем, индекс согласия с суждением «если мне что-то не нравится, то я стараюсь это изменить» среди россиян примерно соответствует среднеевропейскому уровню. Если россияне и склонны что-либо менять, то скорее не в явной, открытой форме, а по возможности уклоняясь от противостояния мнению других и конкуренции. Таким образом, в сравнении с представителями большинства европейских стран и американцами, россияне склонны избегать риска, не стремятся находиться (и чувствуют себя некомфортно) в соревновательной среде, напротив, больше склонны к конформизму.

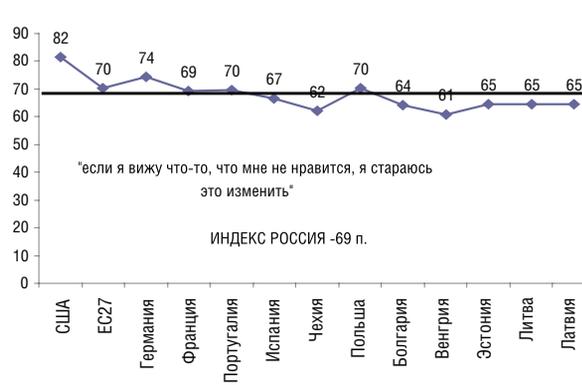
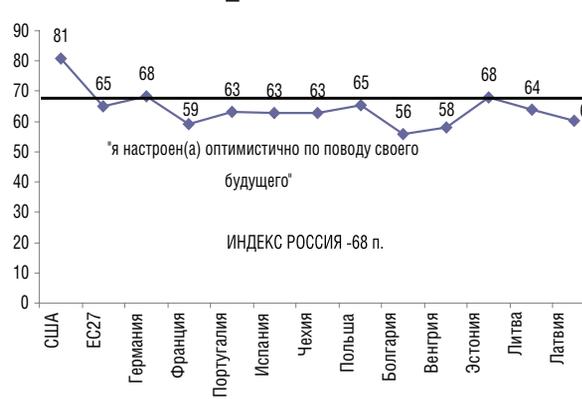
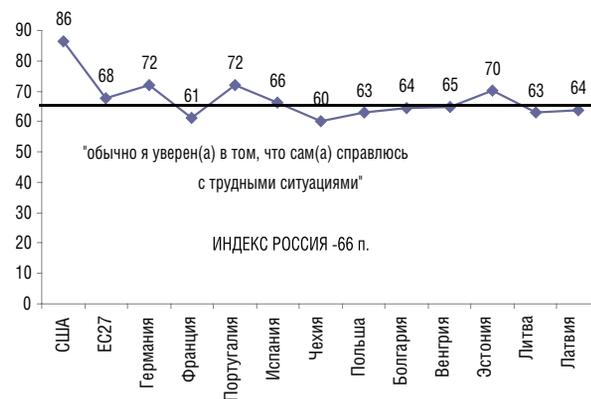
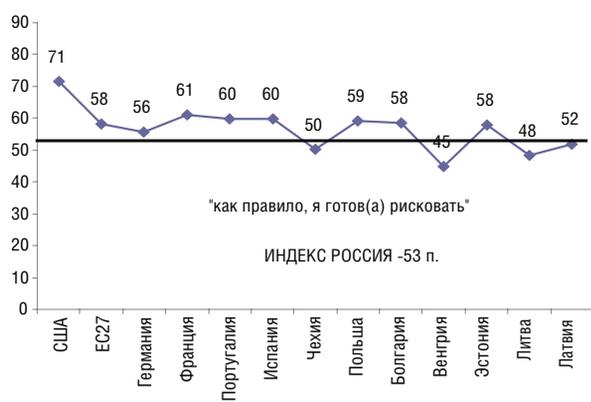
Кроме того, значение индекса изобретательности в России оказалось минимальным, максимальное же значение отмечается в США.

У россиянина менее активная жизненная позиция при декларативно высокой адаптивности («уверенности, что справится с трудными ситуациями»). Индекс уверенности («обычно я уверен(а) в том, что сам(а) справлюсь с трудной ситуацией») в России составляет 66 п.п., в странах Евросоюза — 68 п.п. Индекс самостоятельности («то, как складывается жизнь зависит, прежде всего, от самого меня») в России ниже (68 п.п.) среднеевропейского (72 п.п.) и американского (87 п.п.) уровня. Другими словами, россиянам в наименьшей степени присущи уверенность в собственных силах и склонность брать на себя ответственность за собственную судьбу.

Частное предпринимательство рассматривается большинством людей как весьма сложный вид экономической деятельности, что, наряду с уважением к нему (выраженному в высокой степени социального одобрения), формирует также чувство принципиальной недостижимости, недоступности этого социального статуса.

Рисунок 4

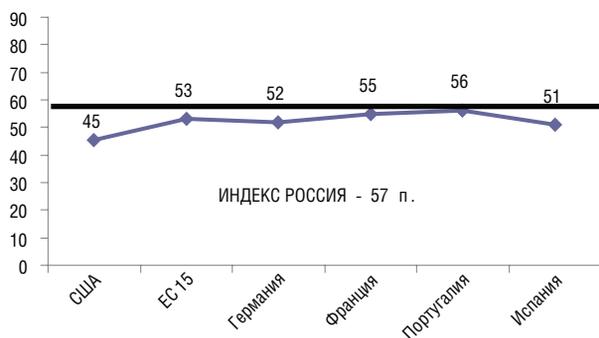
ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННЫХ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ (Значения индексов, горизонтальная черта – индекс для России)

Это осознается как проблема наличия или отсутствия специфических качеств, независимых от индивидуальных усилий человека, формулируется как утверждение «предпринимательству научиться нельзя, предпринимателем надо родиться». В России такое мнение высказывают чаще, чем в западноевропейских странах и в США (см. рис. 5). Индекс согласия по этому утверждению в России – 57 п.п., для сравнения в странах Западной Европы (ЕС15, 2001) – 53 п.п. Реже всего согласны с этим утверждением американцы: здесь доля считающих, что предпринимателями не рождаются, а становятся, даже больше доли придерживающихся противоположного мнения.

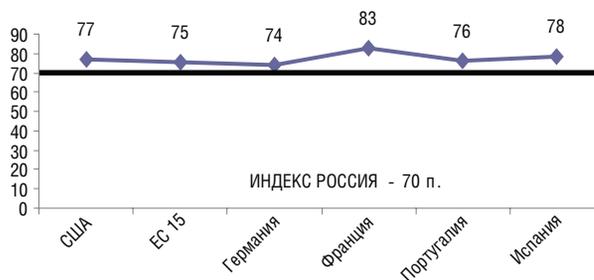
Степень согласия (точнее несогласия) с утверждением о «богоданности» предпринимательских способностей является критерием развития частнопредпринимательской инициативы в сознании населения страны, в установках людей. Как и в других странах, в России распространенность такой точки зрения ниже в среде предпринимателей, которые на собственном опыте могли оценить относительную значимость личных усилий и внешних, не зависящих от человека обстоятельств.

Рисунок 5
ИНДЕКС СОГЛАСИЯ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ НАУЧИТЬ НЕЛЬЗЯ» (горизонтальная черта – индекс для России)

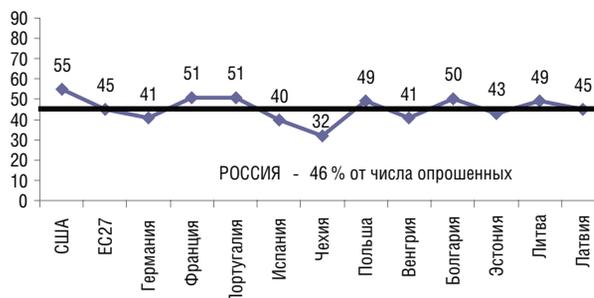
Привлекательность предпринимательской деятельности, возможности «входа» в этот сектор экономики. В России, как и в других странах, прочно укоренен положительный образ предпринимателя, создающего свое небольшое дело. Такое отношение к мелкому частному бизнесу фиксируется в России с самых первых, еще всесоюзных, массовых опросов населения. В нынешнем исследовании три четверти опрошенных согласились, что организация собственного дела представляется хорошей карьерой и социальной реализацией для человека в нашей стране, что немногим ниже, чем в других странах (рис. 6).

Рисунок 6
ОДОБРЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СОГЛАСИЕ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «ОДОБРИЛИ БЫ ВЫ ВЫБОР ВАШИХ ДЕТЕЙ ЗАНЯТЬСЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ?») (Значения индексов, горизонтальная черта – индекс для России)

Однако осознаваемые населением трудности реализации такой жизненной траектории выражаются в снижении уровня поддержки по мере конкретизации выбора. Уже только 64% опрошенных одобрили бы, если бы их дети решили заниматься предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью. А если говорить о личных предпочтениях, личном выборе респондентов, то выбрали бы самозанятость или предпринимательство 46% опрошенных (против 46% тех, что выбрал бы работу по найму). Такой выбор в среднем соответствует распределению мнений в большинстве европейских стран (см. рис. 7). В большинстве стран Евросоюза число выбирающих самозанятость, частный бизнес оказывается меньше тех, кто хотел бы быть наемным работником. В США, напротив, чаще предпочитают предпринимательство, частный бизнес.

Рисунок 7
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (% опрошенных, предпочитающих заниматься бизнесом, горизонтальная черта – данные по России)

В России, как и в большинстве европейских стран, выбор в пользу самозанятости и предпринимательства часто обусловлен ожиданиями самореализации, независимости, большей возможности выбора (табл. 1). 66% опрошенных привлекает «личная независимость, самореализация, интересные задачи, 37% – «свобода

выбора места и времени работы», 28% — «получение статуса, возможностей, связанных с бизнесом». В странах Западной Европы меньше доля «вынужденных» предпочтений предпринимательства как занятия. Напротив, в странах Восточной Европы, а особенно в России (более 60%) экономические мотивы («перспектива более высоких доходов», «больше возможности обеспечить себя в старости») звучат чаще, то есть здесь весомее доля тех, кто согласился бы заниматься бизнесом «по необходимости».

Практически половина респондентов в России отдает предпочтение наемному труду (табл. 2). Мотивы выбора работы по найму различны. Условно их можно разделить на две группы. Во-первых, это «положительные» причины, описывающие привлекательные стороны наемного труда, — гарантированный и стабильный доход, социальное обеспечение. Вторую группу образуют, условно говоря, отрицательные причины, факторы «негативного отбора», когда предпочтение работы по найму происходит потому, что желание заниматься индивидуальной, предпринимательской деятельностью ограничивается дефицитом доступных финансовых ресурсов, административными барьерами, недостатком навыков и информации.

Каким оказалось соотношение этих мотивов в России? Предпочтение работы по найму россияне чаще связывают с выбором текущих и будущих выгод: привлекает регулярный доход, стабильная занятость, наличие социальных и пенсионных гарантий. В странах Западной Европы также предпочтение в пользу работы по найму обусловлено наличием стабильных, регулярных доходов, фиксированной занятостью и наличием социального и пенсионного страхования.

Но в России и в странах бывшего восточного лагеря (например, в Венгрии, Польше, Чехии, Эстонии, Литве, Латвии) несколько чаще, чем в странах Западной Европы, встречался «вынужденный» выбор работы по найму — в связи с дефицитом финансовых ресурсов, недостатком предпринимательских знаний, навыков, информации, сложными административными правилами. Но все же сделавшие «вынужденный» выбор оказываются в меньшинстве по сравнению с «добровольным» (по экономическому выигрышу) выбором.

Представления людей о барьерах и рисках при начале своего дела, бизнеса важны не только с точки зрения оценки степени лояльности окружающей среды к предпринимательству, но и как отражение уровня готовности к личному выбору такой жизненной траектории.

Девять из десяти опрошенных согласны с тем, что в России «трудно начать свой бизнес

из-за отсутствия доступной финансовой поддержки». Восемь из десяти считают, что трудности начала бизнеса связаны со сложными административными процедурами. Информационный дефицит рассматривается как препятствие гораздо реже: не более половины респондентов считают, что «трудно найти достаточную информацию о том, как организовать свой бизнес». Индексы, измеряющие финансовые, административные ограничения в России, оказываются одними из наиболее высоких даже среди стран ЦВЕ (см. рис.9). Индекс финансовых ограничений в России составляет 84 п.п., в Евросоюзе — 74 п.п., в США — 77 п.п. Индекс административных ограничений составляет в России 76 п.п., в Евросоюзе — 69 п.п., в США — 64 п.п. Менее категоричные суждения об условиях предпринимательства в России — у тех, у кого были удачные попытки начать бизнес в России, хотя и эта группа опрошенных сообщает о высоких административных барьерах и серьезном дефиците доступных финансовых ресурсов.

В России, наряду с доступом к финансовым ресурсам, необходимым условием начала предпринимательской деятельности являются связи с нужными людьми, включенность в деловые сети. Таково мнение большинства: в среднем 76% опрошенных согласны, что «бизнес можно создать, только если есть связи с нужными людьми во власти». Примерно столько же — 77% — считают необходимым иметь «связи в бизнесе», а ключевым навыком видится «умение договариваться и завязывать нужные связи» (мнение 82%).

Успешный опыт предпринимательской деятельности приводит к некоторому пересмотру оценок условий ведения бизнеса в России. Значимость личных связей снижается, но в разной мере. Только примерно половина опрошенных городских российских граждан, имевших успешный предпринимательский опыт, согласны с тем, что для ведения дел необходимы связи во властных структурах (56%, по сравнению со средним — снижение оценок согласия на 27%), а 61% признают важность связей в бизнесе (т.е. уровень согласия снижается на 21% по сравнению со средним). Российские граждане, имевшие практический опыт предпринимательства, более всего ценят «умение договариваться, завязывать нужные знакомства». Так считают три четверти (74%) представителей данной группы, и это мнение распространено лишь на 10% реже, чем в среднем среди населения. Личный опыт предпринимательства убеждает в высокой ценности «договороспособности» в целом, а не только применительно к отдельным сферам.

Таблица 1

МОТИВЫ ВЫБОРА САМОЗАНЯТОСТИ/ОРГАНИЗАЦИИ СВОЕГО БИЗНЕСА (% от числа предпочитающих стать самозанятым, создать свой бизнес)

	США	ЕС15	Германия	Франция	Португалия	Испания	нов. гос. ЕС	Чехия	Польша	Венгрия	Эстония	Литва	Россия
личная независимость/самореализация/интересные задачи	45	66	78	67	75	59	68	66	72	61	73	56	66
перспектива более высоких доходов	9	18	19	12	30	21	34	30	33	43	49	26	50
свобода в выборе места и времени работы, гибкий график работы	35	32	30	28	12	29	21	33	19	15	58	11	37
реализация возможностей, которые предоставляет свой бизнес, дело	4	7	6	3	21	10	11	20	8	13	28	5	28
чтобы избежать неопределенностей, связанных с работой по найму	2	3	5	1	3	1	6	11	4	9	10	9	11
члены семьи, друзья тоже находят работу/работают самостоятельно	2	2	2	2	2	2	3	6	2	2	9	1	5
недостаток привлекательных вариантов работы по найму	1	2	4	2	2	2	4	7	3	3	9	7	7
благоприятные экономические условия (бизнес-климат)	1	3	3	4	4	7	5	14	2	8	18	3	4

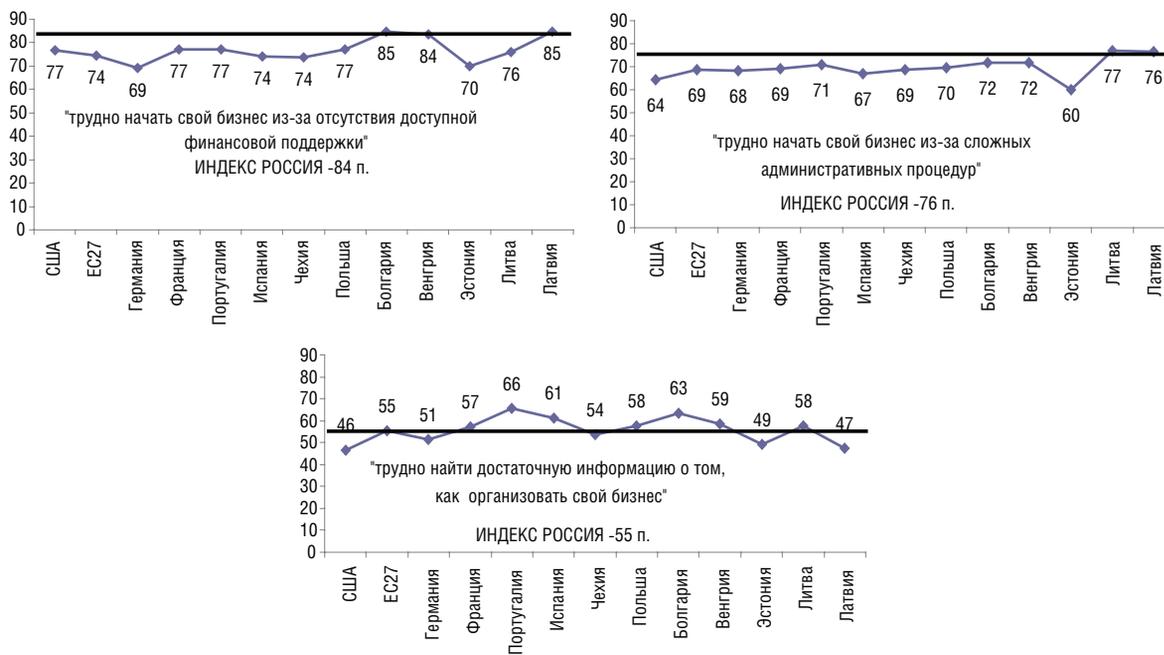
Таблица 2

МОТИВЫ ВЫБОРА НАЕМНОГО ТРУДА (% от числа предпочитающих быть наемным работником)

	США	ЕС15	Германия	Франция	Португалия	Испания	нов. гос. ЕС	Чехия	Польша	Венгрия	Эстония	Литва	Россия
регулярный доход и стабильная занятость	34	46	41	43	60	50	43	45	43	39	66	17	66
фиксированное рабочее время	12	19	20	13	19	27	20	29	16	18	38	8	-
наличие социального страхования, социального обеспечения, пенсионных прав	18	18	29	8	13	20	17	26	14	11	41	13	32
нехватка финансовых ресурсов для организации собственной занятости	6	5	8	4	9	8	12	12	11	15	25	10	15
нехватка навыков для организации собственной занятости	3	4	6	4	4	3	12	9	13	13	21	16	11
тяжесть принятия решения – трудно будет поменять решение на обратное, вернуться назад, трудно быть связанным бизнесом	26	7	8	10	2	4	8	15	5	9	6	22	5
недостаток/отсутствие бизнес-идей	1	3	4	2	10	3	8	11	8	8	21	6	7
из-за опасения, что при организации собственной работы столкнуться с бюрократизмом, волокитой, будут проблемы с властями	3	7	6	11	6	8	11	15	11	10	12	3	12
все мои родственники и знакомые работают по найму, большинство так работает	5	5	6	4	2	5	7	11	6	6	15	11	9
из-за страха юридических и социальных последствий в случае неудачи	1	6	9	5	6	12	8	11	7	7	11	3	7

Рисунок 8

БАРЬЕРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ НАЧАЛУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Значения индексов, горизонтальная черта – индекс для России)

Восприятие неудачного предпринимательского опыта. Важной, можно сказать конституирующей, особенностью предпринимательства является повышенный риск, что, наряду с уровнем ответственности и свободой, выступает основным мотивом выбора между частным бизнесом и наемным трудом как способом материального обеспечения жизнедеятельности. Степень готовности к рискованному поведению зависит от субъективной «цены» риска – чем выше цена, тем ниже склонность к риску. В свою очередь, цена риска предпринимательства определяется не только измеримыми прямыми материальными лишениями, упущенной выгодой и т.п. экономическими параметрами, но и социальными потерями, возможностями реабилитации и степенью социальной поддержки в случае провала, условиями общественной поддержки и коллективной солидарности. На бытовом уровне весь этот комплекс социальных смыслов объединяется понятием «права на ошибку», а также отношением к неудачам и неудачникам. Применительно к предпринимательству это выражается в гипотезе, согласно которой чем терпимее общество к потерям в бизнесе, чем более общество готово с пониманием и поддержкой относиться к тем, кто однажды потерпел неудачу, тем более благоприятной является общественная среда с точки зрения развития бизнеса. Такое «терпимое» отношение снижает субъективную цену риска и, тем самым, облегчает бремя вступления на предпринимательскую стезю. Международные исследова-

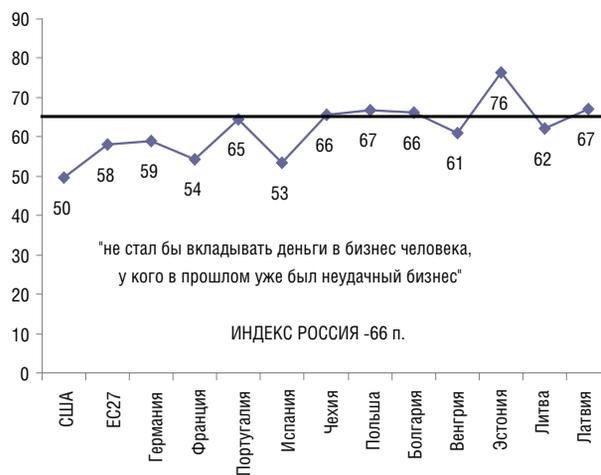
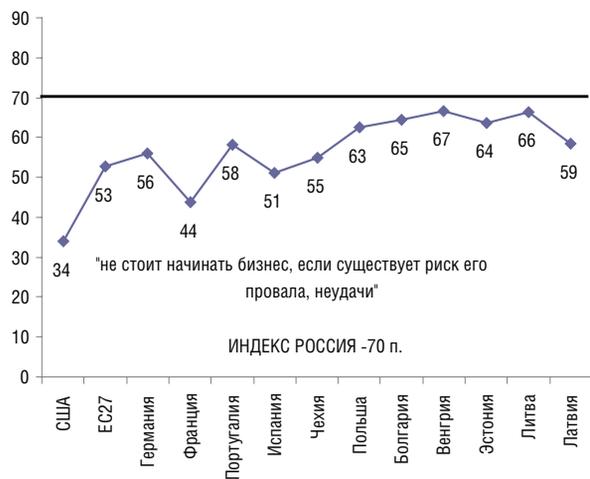
ния подтверждают эту гипотезу, по крайней мере, в части наличия обратной зависимости между склонностью к рискованному поведению и готовностью дать неудачникам второй шанс.

Более низкая склонность российского населения к рискованному предпринимательскому поведению дополняется также относительно более настороженным, отстраненным отношением к тем, кто когда-либо потерпел неудачу в бизнесе (см. рис. 9). В России по сравнению с США, странами Западной Европы и почти всеми странами ЦВЕ, более высокий уровень индексов избегания риска (доля согласных с утверждением «не стоит начинать бизнес, если существует риск неудачи»). Одновременно в России ниже значения индекса возможности предоставления «второго шанса» потерпевшими неудачу в бизнесе («следует дать второй шанс тем, кто однажды потерпел неудачу»). Кроме того, в России относительно низкие индексы готовности вкладывать средства или потреблять продукты, создаваемые теми предпринимателями, кто хоть однажды потерпел провал в бизнесе.

Быть неудачником в России особенно фатально: наши соотечественники менее всего готовы предоставить кому-либо право на ошибку. Такое отношение повышает субъективную цену риска, что и отражается в оценках других сторон предпринимательской деятельности. Пожалуй, это наиболее значимое отличие России

Рисунок 9

ОТНОШЕНИЕ К НЕУДАЧНОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМУ ОПЫТУ (Значения индексов, горизонтальная черта – индекс для России)

от других стран. Мнения россиян на сей счет особенно сильно отличаются от позиции жителей других стран.

Российские особенности восприятия частного предпринимательства и потенциал инновационного развития. Субъективные оценки предпринимательского потенциала. Российское городское население активного трудоспособного возраста не только весьма позитивно оценивает свои способности к самостоятельному, ответственному, состоятельному поведению и индивидуальные возможности обеспечения позитивной жизненной траектории, но и оказывается в этом смысле не слишком отличным от населения развитых стран. Три четверти опрошенных уверены в том, что они являются хозяевами своей судьбы и с трудными жизненными ситуациями могут справляться самостоятельно, оптимистично оценивают свое будущее и выражают готовность менять препятствующие обстоятельства. Не менее половины заявляют о своей склонности к состоятельному поведению и готовности рисковать. Каждый третий-четвертый

опрошенный сообщил о том, что считает себя успешным человеком и в целом доволен своей жизнью.

Статистическая проверка степени гомогенности данных респондентами характеристик поведенческих навыков показала, что отдельные их аспекты не индивидуализированы. Факторный анализ выделяет единственный фактор, объясняющий 45% дисперсии, все переменные входят в него с одинаковыми нагрузками, примерно равными 0,6 – 0,7. Представления об уровне самостоятельности, ответственности, уверенности в своих силах и творческом потенциале слиты в один смысловой комплекс, в рамках которого со стороны респондента – носителя этих характеристик – нет попыток инструментально вычленив отдельные составляющие, т.е. нет понимания самостоятельной значимости этих видов поведения. Соответственно, можно предположить как минимум недостаточный уровень понимания респондентами механизмов их функционирования. Ответственность, самостоятельность, креативное поведение, готовность к конкурентной ситуа-

ции и навыки ее решения – все эти свойства как бы объединяются в один смысловой комплекс, условно определяемый как «все хорошее», которым респонденты себя щедро наделяют. Это само по себе указывает на неинструментальный характер указанных характеристик с точки зрения респондента, т.е. отсутствие связи между этими суждениями и возможными моделями поведения. Именно этот тезис мы далее и будем тестировать.

С другой стороны, такое «склеивание» различных аспектов инновационного поведения позволяет перейти к более обобщенному анализу, объединив все эти характеристики в единый показатель, который демонстрирует уровень поддержки ценностей, способствующих развитию предпринимательства в стране. Назовем этот показатель уровнем «инициативности». Он строится как сумма ответов на восемь личностных характеристик, которые респондент готов или не готов себе приписывать (см. врезка 1). Далее, ответы объединяются в 2 группы:

(1) инициативные – объединяет респондентов, ассоциирующих себя со всеми предложенными характеристиками,

(2) не инициативные – включает всех, кто не готов приписать себе хотя бы одну из предлагаемых характеристик.

Врезка 1

Список личностных характеристик

1. Как правило, я люблю рисковать.
2. Обычно я уверен в том, что сам справлюсь с трудными ситуациями.
3. То, как складывается моя жизнь, зависит, прежде всего, от меня.
4. Если я вижу что-то, что мне не нравится, я стараюсь это изменить.
5. Меня не останавливает, что мое решение может быть кем-то не одобрено.
6. Я изобретательный человек, у которого есть интересные идеи.
7. Я настроен оптимистично по поводу своего будущего.
8. Я люблю ситуации, в которых я мог бы соревноваться, состязаться с другими.

Примерно четверть опрошенных россиян (23%) не были отнесены ни к тем, ни к другим, поскольку затруднились дать ответ хотя бы на одно из восьми суждений.

Построенный показатель позволит отделить тех, кто склонен ассоциировать себя с людьми

ответственными, самостоятельными, уверенными в собственном будущем, состязательными и склонными к риску, от людей менее инициативных, которые хотя бы по одному из восьми признаков не оценивают себя положительно.

В результате в среднем оказалось, что 36% опрошенных причисляют себя к инициативным людям, а 41% к таковым себя, в той или иной степени, не относят.

Самооценки инициативности в наибольшей степени дифференцированы по возрасту и материальному достатку, в меньшей степени зависят от образования и практически не меняются у жителей разных по размеру городов. Среди обеспеченных людей в возрасте до 40 лет, а также просто среди молодежи в возрасте до 25 лет, преобладают те, кто склонен верить в собственную инициативность. В остальных категориях преобладают люди, более скромные в самооценках.

Таблица 4
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ИНИЦИАТИВНЫХ» И «НЕИНИЦИАТИВНЫХ» ГРУПП ОПРОШЕННЫХ (% по столбцу)

	инициативные	неинициативные
Уровень образования		
Низкий	16	21
Средний	51	53
Высокий	33	26
Возраст		
18-24 года	26	14
25-39 лет	36	30
40-54 года	30	38
55-64 года	8	17
Тип городского поселения		
Москва	12	12
Города свыше 500 тыс. жителей	32	32
Города от 100 тыс. до 500 тыс. жителей	32	31
Города от 20 тыс. до 100 тыс. жителей	24	25
Потребительский статус		
не хватает на продукты	2	5
хватает только на продукты	12	21
хватает на продукты и одежду	45	51
можем приобретать ТДП	38	22
можем позволить дорогие покупки	3	0

Опыт предпринимательства и самозанятости способствует выработке более активной и независимой жизненной позиции. Такие люди

чаще считают, что «жизнь в руках самого человека», готовы отстаивать свою идею против мнения других, «менять то, что их не устраивает». Эти личностные особенности чаще приписывают себе как те, кто имел удачный опыт предпринимательства, так и потерпевшие неудачу (см. табл. 5).

Таблица 5

ДОЛЯ «ИНИЦИАТИВНЫХ» РЕСПОНДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОПЫТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (%)

Не было опыта предпринимательской деятельности	43
Был успешный опыт предпринимательской деятельности	67
Был частично успешный и частично неуспешный опыт предпринимательской деятельности	58
Был неуспешный опыт предпринимательской деятельности	51

Субъективные оценки востребованности инновационного потенциала обществом. Наряду с весьма благоприятной самооценкой личной инициативности, российские респонденты дают куда менее радужную ценностную характеристику российской действительности. Высокие оценки собственной индивидуальности, самостоятельности, усердия и независимости наталкиваются на слабую уверенность в востребованности этих качеств и их пригодности для достижения жизненного успеха. Опрошенные примерно поровну разделились на тех, кто рассчитывает на признание обществом индивидуальных усилий, профессионализма, и тех, кто считает эти качества непригодными для достижения успеха. Более того, преобладает мнение, что трудолюбие, готовность брать на себя ответственность, творческий потенциал не ценятся в современном российском обществе. Одновременно респонденты солидарны в том, что вознаграждается, прежде всего, готовность подчиняться указаниям начальства, и даже наглость и бессовестность.

По аналогии с показателем инициативности, совокупно отражающим комплекс характеристик степени самостоятельности, ответственности и активности, «модерности» людей, был построен показатель субъективного восприятия характера социальной среды. Факторный анализ показал выделение двух факторов, в совокупности объясняющих 61% дисперсии, в т.ч. первый фактор – 45%, а второй – 16%.

При этом первый, самый значимый фактор объединяет, условно говоря, «позитивные»

характеристики социальной среды (индивидуальность, личная ответственность, инициативность, профессионализм и креативность), которые оцениваются респондентами как «необходимые», не пользующиеся общественным признанием. Второй фактор, напротив, объединяет «отрицательные», немодерные характеристики – готовность подчиняться и бессовестность, которые считаются широко востребованными. Соответственно, строятся показатели «модерности» и «немодерности» социальной среды, которые объединяют переменные, составляющие первый и второй фактор соответственно.

Большинство респондентов склонны отрицательно оценивать степень востребованности в обществе модерна типа поведения, однако чаще всего речь идет о «мягком», не категоричном суждении (выше доля выбирающих «скорее не согласен», а не «полностью не согласен»). Поэтому по показателю «модерности» целесообразно выделение трех групп респондентов, которое предусматривает разделение наиболее массовой группы отрицательных оценок на две – категорическое отрицание и более мягкое, «неокончательное». В среднем 17% респондентов в той или иной степени оценивают социальный климат как благоприятствующий развитию личной инициативы и ответственности людей, практически столько же (16%) придерживаются категорически отрицательной позиции, а самая массовая группа (45%) состоит из тех, кто пока только склоняется к отрицательной позиции, но не категоричен. Таким образом, большинство (61%) опрошенных полагают, что «модерные» ценности не востребованы в обществе, а личные усилия и ответственное, самостоятельное поведение не вознаграждаются, соответственно, меритократическая модель не работает или работает плохо.

Распределение мнений по «немодерной» переменной подтверждает этот вывод: 53% россиян согласны с тем, что в обществе вознаграждается готовность подчиняться, наглость и бессовестность, не согласны с этим 33%.

Однако представляется, что более важно другое. Модерные и немодерные ценности в сознании россиян как бы дополняют друг друга, сосуществуют, между ними нет конфликта. Это выражается в том, что распределение мнений о востребованности модерных практик мало зависит от субъективной ценности немодерна поведения и наоборот. Даже в случае согласия с тем, что индивидуальные усилия, ответственность и т.п. вознаграждаются, одновременно преобладает мнение о несомненной практиче-

ской пользе подчинения начальству, наглости и бессовестности (см. табл. 6).

Формально статистически это выражается, в частности, в низком уровне отрицательной корреляции между этими двумя переменными ($R = -0.084$, уровень значимости 0.01).

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МНЕНИЙ О ПРИЗНАНИИ ОБЩЕСТВОМ НЕ-МОДЕРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПО ГРУППАМ МНЕНИЙ О ПРИЗНАНИИ МОДЕРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (% по строке)

Модерные ценности	Немодерные ценности	
	Признаются обществом	Не признаются обществом
Признаются обществом	52	48
Скорее не признаются обществом	59	41
Не признаются обществом	69	31

Распределение мнений о ценности различного типа личных усилий для достижения успеха показывает, что среди россиян велика доля «фаталистов», т.е. уверенных в том, что в современном российском обществе не вознаграждаются ни современные, ни немодерные личные усилия и ценности (см. табл. 6). Примерно треть (31%) считают, что ни один из предложенных в списке способов приложения личных усилий для социального продвижения не приведет к успеху, не будет вознагражден. Рассмотрим этот аспект подробнее.

Специфический симбиоз современных и до-модерных ценностей еще более выпукло виден на примере анализа структуры представлений о механизмах социального продвижения. В иерархии траекторий социальной мобильности у населения России успешно сосуществуют две наиболее распространенные – «деловитость, энергичность» (как личное качество, которое может быть отнесено условно к современному типу) и «наличие связей» (что указывает на сословный, домодерный характер общества, социальной иерархии).

Обе эти характеристики в среднем набрали максимальное и практически равное число сторонников (50% и 53% соответственно), оставив остальные механизмы социальной мобильности далеко позади. Важно при этом, что они не взаимоисключающие, а чаще всего действуют одновременно. Коэффициент корреляции слабо отрицательный ($R = -0.102$, уровень значимости 0.01).

Столь же невелика, но противоположна по знаку, связь между «деловитостью» и «образованием» ($R = +0.109$, уровень значимости 0.01), а корреляция между «деловитостью» и «профессиональной компетенцией» вообще статистически неотличима от нуля.

Характеристика «деловой, энергичный, способный» является положительной, социально одобряемой. Она имеет наибольшую отрицательную корреляцию с явно негативно воспринимаемыми «спекулянтами, махинаторами» ($R = -0.272$, уровень значимости 0.01) и «подхалимами, приспособленцами» ($R = -0.249$, уровень значимости 0.01).

Не столь однозначно восприятие второй наиболее часто встречающейся характеристики – «имеющих хорошие связи, знакомства». В той или иной степени она отрицательно связана со всеми предложенными респондентам характеристиками людей, добивающихся успехов в современной российской жизни. Исключение составляют указания на наличие «преуспевающих или занимающих высокие посты родственников» (что естественно, поскольку родственные отношения являются предельно «близким» уровнем связей). Но максимальная дистанция достигается между «связями» и «трудолюбием» ($R = -0.193$, уровень значимости 0.01), а также «образованием» ($R = -0.162$, уровень значимости 0.01).

Эти статистические выкладки подтверждают: для наиболее эффективного движения к жизненному успеху неперенное наличие личных связей лучше дополнять деловитостью и способностями, нежели образованием и профессиональной квалификацией.

Подобное распределение мнений указывает на дефицит универсальных, «обезличенных» механизмов социальных взаимодействий, отсутствие системы ценностного регулирования социальной структуры общества.

Более того, в рамках всех выделенных групп опрошенных, различающихся по характеру отношения к современным ценностям, сохраняется первостепенная значимость сословного принципа продвижения только внутри замкнутых групп, объединенных по принципу личной за-висимости (см. табл. 7).

Только среди тех, кто положительно оценивает востребованность современных ценностей в российском обществе, доля выбирающих домодерный механизм социальной мобильности (связи и знакомства) оказывается ниже половины опрошенных (43%). Но это слабое утешение, если учесть, что в указанной группе, тем не

Таблица 7

СПОСОБЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПО ГРУППАМ МНЕНИЙ О ПРИЗНАНИИ МОДЕРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СУБЪЕКТИВНЫМ ОЦЕНКАМ ИНИЦИАТИВНОСТИ (% по столбцу)

	инициативность		модерные ценности			немодерные ценности	
	высокий	низкий	признаются	скорее не признают	не признаются	признаются	не признаются
Каким людям легче всего добиться успехов в жизни:							
деловым, энергичным, способным	60	46	66	52	34	45	58
имеющим хорошие знакомства, связи	53	54	43	55	61	55	52
спекулянтам, махинаторам	12	19	8	16	27	21	12
подхалимам, приспособленцам	10	18	7	14	25	19	10
имеющим преуспевающих или занимающих высокие посты родственников	34	41	21	41	52	42	35
трудолюбивым, любящим свою работу	26	17	33	20	9	17	24
Образованным	27	22	35	21	13	19	26
знающим иностранные языки	9	7	10	8	6	6	9
имеющим высокую профессиональную квалификацию	22	18	26	20	12	17	21

менее, сословный принцип все равно опережает такие более современные, универсальные по своему действию механизмы как образование (35%), личные трудовые усилия (33%).

Следует, очевидно, констатировать, что в российском обществе сейчас бесконфликтно сосуществуют современные и архаичные социальные механизмы поведения и его оценки. Первые в большей степени имеют характер идеальных пожеланий, редко востребованных в реальной практике, тогда как вторые являются общепринятой, неустранимой, базовой нормой организации жизни. Можно предположить, что современные ценности носят характер «дополнительных» условий (безусловно, желательных, позволяющих улучшить позиции), которые, однако, не действуют вне системы архаичных, сословных по своей природе каналов личных знакомств, связей, в пределе — родственных связей. И в этом смысле ценностные ориентации и качественные характеристики человеческого капитала, необходимые для модернизационного развития страны, присутствуют в обществе, но не актуализированы, в лучшем случае не ориентированы на практическое использование, а в худшем — являются декорацией, камуфляжем для распространения и дальнейшего закрепления архаичных, сословных механизмов и связанных с ним ценностей личной зависимости и неформальных правил.

Еще одна важная примета современных представлений населения о способах вертикальной мобильности — это относительно малая

значимость знаний и, особенно, профессиональных навыков. Сейчас в России предъявляется высокий спрос на высшее профессиональное образование, но большинством населения оно рассматривается не как источник знаний и профессиональных навыков, а как статусный сертификат. И в этом смысле «образование» сейчас для большинства российского населения следует понимать также скорее как домодерную ценность. Результаты данного исследования подтверждают, что действительный продукт образования — профессиональные компетенции (т.е. образование как модерная ценность) оказываются одними из наименее значимых, во всех случаях уступая другой, безусловно значимой ценности с точки зрения современного развития (но все же менее способствующей задачам наращивания человеческого капитала в условиях инновационной экономики), — трудолюбию и увлеченностью собственным делом.

Представленные характеристики даже наиболее продвинутых групп российского общества вряд ли можно назвать адекватными задачам модернизационного, инновационного развития, целям наращивания человеческого капитала. Отсутствие конфликта между современными и архаичными механизмами социального регулирования представляется дополнительным усложняющим фактором. «Беспроблемность» их сосуществования означает невостребованность перемен в существующих базовых принципах социального устройства, основанных на личных контактах и зависимостях. Это и есть

сильнейший тормоз инновационного, модернизационного развития, поскольку ограничивает многообразие форм социального взаимодействия, препятствует развитию универсальных регулирующих принципов, одновременно подерживая видимость высокой ценности современных принципов, в том числе в субъективном восприятии самих акторов.

В сущности, в данном случае действует тот же механизм, что в политической практике и риторике. Атрибуты демократического устройства, включая принцип разделения властей и ее выборность, как будто бы уверенно прижились как форма государственного устройства. Население включено в орбиту этого действия не только через выборы, но и через механизм рейтингов партий и первых лиц государства как метод измерения и контроля динамики политического и экономического климата. Формы и показатели кажутся идентичными тем, что существуют в других странах с демократическим устройством, выбором органов управления обществом на основе политической конкуренции и широкого общественного участия. Но значение и результаты оказываются принципиально различными. Легитимность инструментов выбора стоит под вопросом, а рейтинги первых лиц государства лишены своего инструментального назначения — измерителя результатов политического и экономического руководства страной. Форма оказывается лишенной содержания и приобретает другую функцию — декоративную.

Поэтому определение потенциала поддержки модернизационного типа развития через вычленение групп сторонников современных ценностей, скорее всего, окажется столь же малопродуктивным, как и поиск среднего класса в России на основе оценки размеров социальных групп по ряду типичных социально-экономических признаков. Модернизационный потенциал российского общества, определенный как поддержка населением современных ценностей, формально немногим меньше, чем в других странах, в том числе тех, которые находятся далеко впереди на пути модернизационного развития, странах постмодерных. Отличие состоит в том, что в российском обществе эти ценности «выучены», но не восприняты, не актуализированы, умозрительны, не применяются на практике, не являются инструментом регулирования.

Строго говоря, у большинства российского населения не было возможности проверить механизм работы этих ценностных ориентаций, поскольку институциональная структура обще-

ства не создает условий для этого. Тем самым институты современного общества, по форме в значительной мере уже присутствующие в России, еще не начав функционировать, оказываются заранее дискредитированными, поскольку являются не более чем декорацией, призванной «осовременить» архаичные институты, а недостатки и провалы нереструктурированных структур приписываются этим новым формам.

Тем не менее, формально можно выделить группу людей, не только считающих себя «инициативными», ориентированными на инновационную по сути деятельность, но и согласных с тем, что такие качества востребованы в современной России. Доля такой группы составляет примерно 10% взрослого городского населения, обозначим ее «уверенные новаторы». В полтора раза большую группу (16%) составляют те, кто, также высоко оценивая собственный потенциал, не уверены в его пригодности в современных условиях. Эту группу обозначим «неуверенные новаторы». В итоге примерно четверть городского населения может быть определена как потенциальный авангард модернизационного развития страны. Именно таких «новаторов» мы далее будем анализировать с точки зрения возможностей развития частного предпринимательства, включая его простейшую форму — индивидуальное предпринимательство.

Прежде чем двигаться далее, еще раз продемонстрируем специфическое для России мирное соседство архаичных и современных ценностей. Расчеты показывают, что в определенной нами группе уверенных новаторов более половины составляют люди, ориентирующиеся на востребованность таких качеств как послушание, наглость и бессовестность: если их исключить, то доля уверенных новаторов сокращается более чем наполовину — до 4,4%.

Но еще важнее другое. Это разделение никак не влияет на характер представлений о механизмах социального продвижения. Попытка «устранения» противоречия между современными и немодерными ценностями путем, в данном случае, вычленения в группе уверенных новаторов тех, кто поддерживает только современные ценности и не поддерживает архаичные, не приводит к получению иных результатов (см. табл. 8). Распределение мнений при этом практически одинаковое, только несколько увеличивается ценность трудолюбия, которое становится чуть более значимым, чем образование, не говоря уже о профессиональной квалификации. Как бы мы ни старались, нам не удастся найти группу людей, для которых, с точки зрения

Таблица 8

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «УВЕРЕННЫХ НОВАТОРОВ» О СПОСОБАХ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОДДЕРЖКИ МОДЕРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (% по столбцу)

Каким людям легче всего добиться успехов в жизни:	Уверенные новаторы	
	Поддерживают только современные ценности N=266	Все N=594
деловым, энергичным, способным	74	70
имеющим хорошие знакомства, связи	41	42
спекулянтам, махинаторам	3	6
подхалимам, приспособленцам	5	6
имеющим преуспевающих или занимающих высокие посты родственников	17	18
трудолюбивым, любящим свою работу	41	36
Образованным	39	38
знающим иностранные языки	9	10
имеющим высокую профессиональную квалификацию	27	26

жизненного успеха, образование, профессиональная квалификация, трудолюбие были бы важнее, чем личные связи, персонифицированная система взаимодействия. Это уже диагноз, причем коллективный.

Краткий социальный портрет выделенной нами группы уверенных и неуверенных новаторов:

- высокая доля молодых людей в возрасте до 40 лет (60-65% по сравнению с 50% в среднем);
- преобладание высокообразованных (высшее образование имеют примерно 35% по сравнению с 27% в среднем);
- каждый десятый занят в частном бизнесе (в среднем 6%);
- почти 30% являются руководителями разного уровня или высококвалифицированными специалистами (в среднем 20%).

Социально-демографические характеристики групп уверенных и неуверенных новаторов подтверждают их более высокий статус в плане человеческих и социальных ресурсов. Почти половина из них (45% в группе уверенных новаторов и 41% — среди неуверенных) достигли высокого уровня жизни, который позволяет им не экономить не только на текущих расходах, но и на приобретении товаров длительного пользования. Это люди наслаждающиеся свободой потребительского выбора, присущей представителям среднего класса в высокоразвитых обществах.

Склонность к предпринимательству в России.

В России отношение к частному предпринимательству во многом определяется масштабами бизнеса. Мелкий бизнес, индивидуальное предпринимательство воспринимается позитивно,

Таблица 9

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ К ЧАСТНОМУ БИЗНЕСУ (данные всероссийских опросов, репрезентирующих мнение взрослого городского и сельского населения, N=1600)

	Янв. 1995 г.	Нояб. 2011 г.
Число опрошенных	2000	1600
ВЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНО ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ ПРИНАДЛЕЖАЛИ НЕБОЛЬШИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, КАФЕ, МАГАЗИНЫ?		
Положительно	68	76
Отрицательно	21	19
Затрудняюсь ответить	10	5
ВЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНО ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ ПРИНАДЛЕЖАЛИ КРУПНЫЕ ЗАВОДЫ И ФАБРИКИ?		
Положительно	18	20
Отрицательно	63	73
Затрудняюсь ответить	18	7

а крупный бизнес остро негативно. Так было 20 лет назад, так оно и сейчас.

Нынешнее исследование в целом подтвердило полученные ранее данные. Среди всех представленных респондентам для оценки социально-профессиональных групп мелкий частный бизнес пользуется наибольшей симпатией (53%), даже большей, чем представители свободных профессий (43%). Небольшой частный бизнес мыслится как более «народный», понятный для «простого» человека, в отличие от художников, литераторов, адвокатов и нотариусов и проч. представителей профессий, с очевидностью требующих не только уникальных талантов, но и продолжительного накопления профессиональных знаний и навыков для успешного продвижения в жизни. Это сложно и менее доступно широким слоям населения.

Очевидно, респонденты не различают собственников и менеджеров бизнеса, более важным критерием является масштаб. Отношение к высшему руководству компаний (неважно каких – финансовых или промышленных) по преимуществу нейтральное. Это все же лучше, чем откровенно негативное восприятие госслужащих и политиков, в отношении которых преобладает отрицательная установка.

Отношение к частному предпринимательству вполне позитивное, но личная готовность выбирать такую жизненную траекторию куда скромнее. В среднем примерно половина опрошенных заявили о своем предпочтении быть самозанятыми (20%) или организовать собственный бизнес (еще 26%); 46% выбрали наемный труд. Как и следовало ожидать, среди тех, кого мы определили как «уверенных новаторов», т.е. людей предприимчивых и считающих, что их способности вознаграждаются в современном обществе, доля выбирающих частное предпринимательство доходит до 51% (работать по найму хотели бы 43%). Но чаще всего выбирают самостоятельный бизнес представители группы «неуверенных новаторов», т.е. тех, кто как раз сомневается в том, что частная инициатива вознаграждается.

Таблица 10

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ЛИЧНОГО ОПЫТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ГРУППАМ НОВАТОРОВ (% по столбцу, доля затруднившихся ответить не приводится)

Предпринимались ли попытки создать собственный бизнес и если да, то попытки оказались успешными или неуспешными:	уверенные новаторы	неуверенные новаторы	прочие
нет, не предпринимал(а) попыток	77	69	82
Предпринимал(а) попытки и они оказались в целом успешными	14	12	6
Предпринимал(а) попытки и они оказались и успешными, и неуспешными	4	10	5
Предпринимал(а) попытки и они оказались в целом неуспешными	3	7	5

Возможно, их оценка предпринимательского климата в стране в значительной мере основана на личном опыте. В этой группе опрошенных выше всего доля имевших опыт частного предпринимательства. Почти треть (30%) неуверенных новаторов в возрасте 25 лет и старше предпринимала попытки заняться частным бизнесом, что в полтора раза чаще, чем в среднем. В большинстве случаев респонденты достигали успеха, хотя бы частично (это уже вдвое чаще, чем в среднем). Однако неудачный предпринимательский опыт тоже был (см. табл. 10).

Получается, что в современной России чаще всего занимаются предпринимательской деятельностью люди, уверенные в своих силах и одновременно также убежденные в том, что присущие им положительные качества не вознаграждаются обществом. В психологии эта ситуация описывается как когнитивный диссонанс, а в социологии характеризуется как «двомыслие».

Группа «неуверенных новаторов» оказывается единственной, где доля выбирающих частный бизнес превышает долю тех, кто отдает предпочтение наемному труду при выборе из трех возможностей – наемный труд, самозанятость (индивидуальная трудовая деятельность) или собственный бизнес. При такой постановке вопроса реальной альтернативой оказывается наемный труд или частный бизнес, поскольку самозанятость привлекает примерно одинаковую долю опрошенных во всех группах (каждого пятого). Среди новаторов приблизительно равная частота выбора наемного труда и частного бизнеса, но если у уверенных новаторов все же наемный труд оказывается более привлекательным (38% против 34%), то неуверенные новаторы чаще склоняются в пользу частного бизнеса (34% против 38%). Прочие группы населения отдают безусловное предпочтение наемному труду (50% против 22%).

Общественное мнение о различных профессиональных группах не соответствует оценкам их привлекательности с точки зрения мыслимых стратегий собственного поведения. Рас-

пределение предпочтений сфер приложения своих трудовых усилий (читай, выбор приоритетных жизненных траекторий) по более широкому спектру выбора форм наемного труда немедленно демонстрирует принципиально иные предпочтения.

Лучше всего это видно на примере госслужащих и чиновников, с одной стороны, и работников бюджетной сферы – с другой. Первых в обществе скорее не любят (32% сообщили о своем отрицательном отношении, а 20% – о положительном), а вторых – скорее любят (10% относятся отрицательно, тогда как 47% положительно). Обратная картина складывается в ответах на вопрос о том, где бы лично респондент предпочел работать, если бы мог свободно выбирать. В современной России госслужба (чиновничество) оказывается самым привлекательным местом работы (его выбрали 30%), в то время как бюджетную сферу выбирает в два с лишним раза меньшая доля опрошенных (13%).

Позитивное отношение к мелкому частному предпринимательству выражено гораздо масштабнее (52% положительно относятся к мелкому бизнесу и индивидуальной трудовой деятельности), чем стремление людей занять эту нишу на рынке: только 17% хотели бы сами заниматься таким видом деятельности.

Наивысший приоритет госслужбы как самого привлекательного места работы отражает характер современного российского общества как общества бюрократического, т.е. «кастового», сословного. Отрицательное отношение к чиновничеству при одновременном стремлении «примкнуть» к нему, демонстрируемое большинством опрошенных, есть выражение сословного противостояния, разделения людей на «своих» и «чужих», соответствует различию между сословными группами. Одновременно

оно есть выражение того, что в обществе отсутствуют универсальные правила перехода из одного статуса в другой, которые наличествуют в обществах, разделенных не по сословному, а по меритократическому принципу вознаграждения за личные заслуги и усилия, затраченные на достижение успехов в процессе соревновательного состязания с другими, равными. Осознаваемая большинством населения невозможность «примкнуть к высшей касте чиновников» (для этого требуются связи, собственными усилиями этого не достичь) компенсируется демонстративным неодобрением, отчуждением, отрицательной оценкой.

Для анализа инновационного потенциала российского общества особенно важно то, что группа «уверенных новаторов» (определенная нами как наиболее прогрессивная и лучше всего обеспеченная ресурсами) в современной России все же ориентирована преимущественно на госслужбу, а не на собственную активную, независимую деятельность. Доля предпочитающих «работу во власти» в полтора раза выше доли желающих заняться собственным бизнесом (см. табл. 11). Только в группе «неуверенных новаторов» большинство отдает предпочтение частному предпринимательству, впрочем, это большинство, опять-таки, не слишком уверенное: 28% против 24% предпочитающих госслужбу.

Получается, что выделенная нами группа новаторов – носителей инновационного потенциала в современном российском обществе, в большинстве своем (включаяшем прежде всего тех, кто согласованно оценивает собственный потенциал и его востребованность в обществе) выбирает не самостоятельную деятельность, а занятие позиций в государственном аппарате. На первый взгляд, такая ориентированность инновационно настроенной части общества характеризует ее как предпочи-

Таблица 11

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАИЛУЧШЕЙ КАРЬЕРЕ ПО ГРУППАМ НОВАТОРОВ (% по столбцу)

Где бы Вы предпочли работать:	уверенные новаторы	неуверенные новаторы	прочие
на государственной службе, в органах федеральной, муниципальной власти	31	24	31
в государственных учреждениях образования, здравоохранения, научных учреждениях и проч. бюджетных организациях	10	11	14
на частном предприятии, в частной компании	19	18	17
на иностранном предприятии, на совместном предприятии	7	7	7
иметь собственный бизнес, заниматься индивидуальной трудовой деятельностью	22	28	14
в некоммерческой организации, общественной организации	1	1	1
затруднились ответить	8	10	15

тающую «модернизацию сверху». Однако более верным представляется другое объяснение: сложившая структура предпочтений соответствует модели государственного капитализма, когда государство мыслится как главный собственник и предприниматель, а госслужба — как работа в самой крупной управляющей компании (УК). Такое смещение функций различных общественных институтов характерно для современной России, но оно вряд ли продуктивно с точки зрения инновационного развития, а направленный в эту сторону инновационный человеческий потенциал с большой долей вероятности будет израсходован впустую.

Мотивы выбора между наемным трудом и частным предпринимательством оказываются весьма схожими во всех группах опрошенных. Привлекательность наемного труда состоит, прежде всего, в регулярности дохода, стабильной занятости и социальной защищенности. Причем вторые два фактора одинаково часто упоминаются как новаторами обоих типов, так и прочими респондентами — примерно 50% и 30% соответственно. А вот первый фактор — наличие гарантированного фиксированного дохода — для уверенных новаторов оказывается даже несколько более привлекательным, чем для остальных групп опрошенных: его выбрали 75% уверенных новаторов и 66% остальных респондентов. С другой стороны, неуверенные новаторы вдвое чаще, чем уверенные, указывают на фактор риска частного предпринимательства как причину своего выбора в пользу наемного труда (21% против 10%). Возможно, перед нами отголоски того, что в рассматриваемой группе опрошенных относительно велика доля респондентов, имеющих негативный опыт предпринимательства. Однако вообще повышенный риск, сопровождающий частнопредпринимательскую деятельность, в дилемме выбора между работой по найму и частным бизнесом, как правило, не рассматривается респондентами отдельно от возможности получения дохода. В целом занятие бизнесом описывается респондентами как весьма рискованное занятие, но об этом чуть позже.

Выбор в пользу частного предпринимательства также по большей части связан с доходным фактором, но уже в модальности его величины («возможность получения *высоких* доходов» — 50% — 55% в зависимости от группы).

Возможности самореализации и личной независимости это основное, чем привлекает предпринимательство большинство во всех группах опрошенных. Получается, что выбор в

пользу частного предпринимательства основан на стремлении получать высокие доходы и быть независимым, т.е. респонденты видят в нем «все хорошее». Такой вывод дополняется важными нюансами. Распространенным дополнительным фактором выбора оказывается «свободный график работы» (одно из проявлений личной независимости), причем его упоминание возрастает до 38% в группе «прочих», не новаторски ориентированных респондентов. В группе уверенных новаторов таких тоже немало — 31%.

Во всех группах респондентов примерно каждый пятый связывает выбор в пользу частного предпринимательства с задачами обеспечения себя в старости. Это прямое указание на сегодняшние проблемы пенсионного обеспечения в стране. Законодательно частный бизнес в России не ущемлен в пенсионных правах (насколько сейчас можно судить по фактической практике назначения пенсий), поэтому, очевидно, речь по-прежнему идет о размерах получаемых доходов и возможности обретения собственности, приносящей рентный доход.

Выбор в пользу частного бизнеса редко возникает как результат дефицита работы по найму. Этот мотив чаще встречается в среде не новаторски настроенных респондентов (9% против 4% среди уверенных новаторов).

Даже в среде уверенных новаторов ориентация на частный бизнес редко бывает результатом желания воплотить в жизнь уже сложившуюся творческую / бизнес идею (9%) или, как минимум, последовать успешному примеру удачливого бизнесмена (6%). Т.е. возможность самореализации, о которой чаще всего заявляют все опрошенные, мотивируя свой выбор в пользу частного предпринимательства, остается по большей части благим пожеланием, ориентированным в «прекрасное далеко».

Соответственно, гипотетический выбор («если бы Вы могли выбирать...») между наемным трудом и частным бизнесом делается, по-видимому, в основном на базе сложившихся массовых стереотипов о независимости частного бизнеса, надежд на материальные выгоды. С другой стороны, респондентов привлекают надежный, гарантированный доход и социальная защищенность наемного труда.

Как видно, стереотипы довольно устойчивы, практически не зависят от выделенных нами критериев степени ориентированности на современные ценности. Частный бизнес рассматривается не как специфический вид деятельности, позволяющий личности самореализоваться, воплотить в жизнь идеи и планы, в конечном

Таблица 12

МОТИВЫ ВЫБОРА НАЕМНОГО ТРУДА (% по столбцу, доля затруднившихся ответить не приводится)

Почему предпочли бы работу по найму:	уверенные новаторы	неуверенные новаторы	прочие
регулярный, фиксированный доход (против нерегулярного, непостоянного дохода)	75	67	67
стабильная занятость	51	52	53
наличие социального страхования, социального обеспечения, пенсионных прав	31	36	33
недостаток/отсутствие бизнес-идей	5	6	8
нехватка финансовых ресурсов для организации собственной занятости, бизнеса	13	17	15
нехватка навыков для организации собственной занятости, бизнеса	14	13	12
тяжесть принятия решения, трудно будет поменять решение на обратное, вернуться назад, трудно быть связанным бизнесом	2	4	6
из-за опасения, что при организации собственной работы, бизнеса, столкнусь с бюрократизмом, волокитой, будут проблемы с властями	10	11	13
из-за страха юридических и социальных последствий в случае неудачи	9	7	8
в нынешних экономических условиях работать по найму менее рискованно, чем быть самозанятым, иметь свой бизнес	10	21	16
все мои родственники и знакомые работают по найму, большинство так работает	7	8	9
я не знаю примеров удачного бизнеса/самозанятости; у тех, кого я знаю, бизнес не получился	2	3	3
недостаток времени	3	1	2
просто нет интереса к частному бизнесу	5	5	6

Таблица 13

МОТИВЫ ВЫБОРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (% по столбцу, доля затруднившихся ответить не приводится)

Почему предпочли бы организовать собственный бизнес:	уверенные новаторы	неуверенные новаторы	прочие
личная независимость/самореализация/ интересные задачи	65	74	66
реализация возможностей, которые предоставляет свой бизнес, дело	37	29	27
перспектива более высоких доходов	55	52	50
свобода в выборе места и времени работы, гибкий график работы	31	39	38
недостаток привлекательных вариантов работы по найму	4	5	8
члены семьи, друзья тоже работают самостоятельно	4	4	5
благоприятные экономические условия (бизнес-климат)	6	2	5
чтобы избежать неопределенностей, связанных с работой по найму	11	10	12
принести пользу людям, обществу	7	7	8
больше возможности обеспечить себя в старости	17	20	19
есть хорошая бизнес-идея	9	7	4
есть примеры успешной организации бизнеса, работы на свой страх и риск	6	3	3

итоге как творческая активность, а в основном с точки зрения возможностей получения доходов, решения материальных проблем. В этом плане выбор регулируется сложившимися стереотипами, приписывающими частному предпринимательству свободу и материальный достаток. Однако в бюрократическом государстве принадлежность к чиновничьему сословию

обеспечивает наилучшие условия для получения индивидуальных доходов, что и фиксируют полученные данные.

Общественная значимость предпринимательства. В рамках исследования было предпринято развернутое и многостороннее изучение отношения российского населения к частному предпринимательству. Респондентам было за-

дано множество вопросов об их отношении к различным аспектам частного бизнеса как с точки зрения выгод и потерь лично для человека, так и с общественной точки зрения. В целом позитивное отношение к частному бизнесу, признание реалистичности, реализуемости и привлекательности предпринимательской деятельности для любого желающего («при достаточном желании и усердии») сочетается у нас в стране со столь же широко распространенным указанием на труднопреодолимые препятствия, основными из которых являются недостаток капитала, административные барьеры и неформальные связи. Примечательно, что наличие связей является более важным с точки зрения респондентов барьером, нежели доступность информации о бизнес-возможностях. Здесь мы также находим подтверждение первостепенной значимости для россиян неформальных личных связей в противовес универсальным правилам.

Статистический анализ совокупности различных характеристик отношения населения к предпринимательской деятельности показал, что за этим разнообразием стоят факторы более общего порядка. Методом факторного анализа было выделено четыре группы внутренне связанных факторов, два из которых отражают взгляды опрошенных на общественную значимость частного предпринимательства, а два других — личное отношение к бизнесу как возможной собственной жизненной траектории, степень готовности сделать личный выбор в пользу частно-предпринимательской деятельности.

В обоих случаях пара факторов состояла из одного позитивного и одного негативного, т.е. отдельно объединялись позитивные оценки и отдельно — негативные. Полученные переменные являются дихотомическими, где 1 означает согласие со всеми утверждениями, образующими переменную, а 0 — несогласие хотя бы с одним из них.

Всего было выделено четыре переменные.

Предпринимательство чаще оценивается населением России положительно, причем уровень согласия по поводу общественной значимости предпринимательской деятельности выше, чем применительно к возможным личным привлекательным либо отталкивающим характеристикам частнопредпринимательской деятельности.

Процедура факторного анализа предусматривает выделение различающихся между собой факторов, т.е. следует ожидать, что уровень корреляции между ними должен быть относительно невысок. Тем не менее, связь между вновь образованными переменными присутствует и является довольно большой (по меркам социологических данных массовых опросов населения). Такая связь особенно велика между однонаправленными характеристиками личной и общественной значимости предпринимательской деятельности ($R=0,205$ в случае обоих негативных характеристик и $R=0,158$ — между позитивными). При этом уровень согласованности негативных оценок выше, чем позитивных.

Описание переменных	Доля респондентов, выбравших данные утверждения (%)
Личные оценки	
<u>Позитивные характеристики (переменная «Л+»)</u>	49%
Большинство людей при достаточном желании и усердии могут начать собственный бизнес	
Большинство людей рассматривают собственный бизнес как успешную карьеру	
Одобрят бы решение детей заняться частным бизнесом	
<u>Негативные характеристики (переменная «Л-»)</u>	37%
В случае провала бизнеса надолго остается репутация неудачника	
Невозможно вести бизнес «по-честному», соблюдая законы	
Предпринимательству невозможно научиться	
Оценки общественной значимости	
<u>Позитивные характеристики (переменная «О+»)</u>	66%
Предприниматели создают новые продукты и услуги, и от этого польза и выигрыш для всех нас	
Предприниматели создают рабочие места	
<u>Негативные характеристики (переменная «О-»)</u>	59%
Предприниматели думают только о своей выгоде	
Предприниматели эксплуатируют других, пользуются результатами чужого труда	

Более низкий уровень зависимости (обратной) наблюдается между положительными и отрицательными характеристиками одного уровня ($R = -0,084$ между положительными и отрицательными характеристиками личного уровня и $R = -0,097$ между положительными и отрицательными характеристиками на уровне общества).

Высокий уровень согласия всех слоев общества по поводу отрицательного имиджа и трудностей реализации частного предпринимательства в современной России подтверждается также анализом распределений рассматриваемых оценок по группам новаторски настроенных респондентов.

Таблица 14

КОМПЛЕКСНЫЕ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ И ЛИЧНОЙ ЦЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ПО ГРУППАМ НОВАТОРОВ (% выбравших оценку)

Комплексные оценки значимости бизнеса:	Занятые в частном бизнесе	уверенные новаторы	неуверенные новаторы	прочие
Личная ценность				
Позитивная	81	77	64	47
Негативная	36	41	38	39
Общественная значимость				
Позитивная	81	84	74	68
Негативная	44	57	60	64

Среди уверенных новаторов, и у прочих, менее инновационно настроенных групп опрошенных примерно одинаковая доля согласившихся с отрицательными характеристиками обоих уровней (личного и общественного). Наибольшие различия отмечаются в личных позитивных оценках, но даже в этой группе доля выбирающих личную позитивную оценку меньше, чем выбравших позитивную общественную оценку. Это означает, что попытки конкретизировать положительный образ предпринимательства, поставить респондента в условия «личного выбора», предложение «примерить на себя» такую траекторию жизненного пути встречает если не отпор, то куда меньшее согласие и готовность участия. Такое соотношение оценок соответствует ситуации декларативной, незаинтересованной поддержки, неактуализированного отношения населения к данной проблематике.

Иное распределение мнений присутствует в среде действующих предпринимателей, тех, кто сам работает в частном бизнесе. Эта группа характеризуется равенством личных и общественных положительных оценок частного предпринимательства. Вместе с тем, для них характерно наименьшее распространение негативных лич-

ных и общественных оценок. Однако различия в частоте упоминания негативных личных суждений незначительны. Российские предприниматели в целом согласны с остальным обществом в оценках практических трудностей частнопредпринимательской деятельности, включая возможности легального ведения бизнеса, высокую цену риска, что подтверждает значительную укорененность массовых стереотипов. В результате распространения опыта частного предпринимательства негативные стереотипы воспроизводятся, а не разрушаются.

Относительно низкий уровень распространенности негативных суждений об общественной значимости предпринимательства у россий-

ских бизнесменов (по сравнению с обществом в целом) является естественным следствием собственной принадлежности к оцениваемой группе. Остается только удивляться, что даже среди частных российских предпринимателей 44% считают этот вид деятельности эксплуатацией чужого труда, а бизнесменов – людьми, заботящимися только о собственной выгоде.

Краткие выводы. Наряду с весьма благоприятной самооценкой личной инициативности, российские жители дают куда менее радужную ценностную характеристику российской действительности. Высокие оценки собственной индивидуальности, самостоятельности, усердия и независимости наталкиваются на слабую уверенность в востребованности этих качеств обществом и их пригодности для достижения жизненного успеха.

В российском обществе сейчас бесконфликтно сосуществуют современные и архаичные социальные механизмы, правила взаимодействия. Первые в большей степени имеют характер идеальных пожеланий, редко востребованных в реальной практике, поскольку господствует убеждение в их неработоспособности, тогда как вторые являются общепринятой, базовой нор-

мой организации жизни. Современные ценности носят характер «дополнительных» условий (желательных, позволяющих улучшить позиции), которые, однако, не действуют вне системы архаичных, сословных по своей природе каналов личных знакомств и связей.

Ценностные ориентации и качественные характеристики человеческого капитала, необходимые для модернизационного развития страны, присутствуют в российском обществе, но они не ориентированы на практическое использование, не являются регулятором повседневных практик. Более того, они часто служат лишь декорацией, камуфляжем для распространения и дальнейшего закрепления архаичных, сословных механизмов и связанных с ними ценностей личной зависимости и неформальных правил.

Сегодняшний характер сосуществования современных и архаичных механизмов социального регулирования способствует консервации сложившихся структур. Это и есть сильнейший тормоз инновационного, модернизационного развития, поскольку ограничивает многообразие форм социального взаимодействия, препятствует развитию универсалистских регулирующих принципов, одновременно поддерживая видимость высокой ценности современных принципов в субъективном восприятии людей.

Предпринимательский потенциал российского общества формально немногим меньше, чем в других странах, в том числе тех, которые находятся далеко впереди на пути модернизационного развития. Отличие состоит в том, что в российском обществе эти ценности «выучены», но не интернализированы, не восприня-

Врезка 2

Международное исследование предпринимательства.

Методические пояснения

General population survey “*Entrepreneurship survey among the general population in the 27 Member States, the US, EFTA countries, Croatia, Turkey, Japan, South Korea and China*” (No 283) was conducted for the European Commission, DG Enterprise and Industry E/1: Entrepreneurship. http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/facts-figures-analysis/eurobarometer/fl283_en.pdf

В каждой стране выборка репрезентирует городское и сельское население в возрасте от 15 лет и старше. В большинстве стран опрос проводился методом телефонного интервью. В Болгарии, Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии проводились как телефонные, так и личные интервью (примерно 70% к 30%).

Интервью проводились в период с 10 декабря 2009 по 16 января 2010.

	Число респондентов	Стандартная ошибка
США	1000	3,0
ЕС27		
Германия	1000	3,0
Испания	1000	3,0
Франция	1000	3,0
Португалия	1000	3,0
Чехия	1000	3,0
Венгрия	1000	3,0
Польша	1000	3,0
Литва (LT)	500	4,5
Латвия (LV)	500	4,5
Эстония	500	4,5
Болгария	500	4,5

Для анализа отношения населения к проблемам предпринимательства на основе полученных в ходе опросов ответов респондентов рассчитывались индексы. Область изменения индексов – от 0 до 100.

Процедура построения индексов:

По шкале: «полностью согласен»; «скорее, согласен»; «скорее, не согласен»; «полностью не согласен» индекс строится как:

Индекс...= («полностью согласен»+0,67* «скорее, согласен»+0,33* «скорее, не согласен»)/ («полностью согласен»+ «скорее, согласен»+ «скорее, не согласен»+ «полностью не согласен»)*100

По шкале: «скорее, положительное», «нейтральное», «скорее, отрицательное» индекс строится как:

Индекс...=(«скорее положительное» +0,5* «нейтральное»)/ («скорее положительное»+ «нейтральное» + «скорее отрицательное»)*100

По шкале: «полностью одобрили», «скорее, одобрили», «скорее, не одобрили», «полностью не одобрили» индекс строится как:

Индекс...=(«полностью одобрили»+0,67* «скорее, одобрили»+0,33* «скорее, не одобрили»)/ («полностью одобрили» + «скорее, одобрили» + «скорее, не одобрили» + «полностью не одобрили»)*100

ты, чаще всего не являются инструментом регулирования поведения.

Результаты сопоставлений российских и международных данных об оценках отдельных аспектов личного поведения и общественного восприятия предпринимательской деятельности показывают больше сходства, чем отличий. Расхождения в оценках могли бы быть значительнее, учитывая принципиальные несовпадения исторических траекторий. Имеющиеся несовпадения мнений свидетельствуют об ограниченном развитии рыночных принципов частнопредпринимательской деятельности и конкуренции в современной России, невысоком уровне комфортности бизнес-среды.

Наибольшие отличия российского общества от европейского и, особенно, США, связаны с восприятием социальной цены риска. Относительно низкая склонность российского населения к рискованному предпринимательскому поведению дополняется более настороженным, негативным отношением к тем, кто потерпел неудачу. Такое отношение повышает субъективную цену риска, что отражается на оценках дру-

гих сторон предпринимательской деятельности в России.

Тем не менее, примерно четверть городского населения России может быть определена как группа поддержки инновационного, предпринимательского потенциала. Это молодые, образованные, обеспеченные люди, многие из которых уже заняты частнопредпринимательской деятельностью. Однако их ценностные ориентации и жизненные практики во многом регулируются теми же принципами, основанными на архаичных механизмах, что и у остальной части общества, т.е. они не являются носителями новых социальных регуляторов. Поэтому наращивание инновационного потенциала в будущем зависит не столько от активности этой группы, сколько от преобразования всей институциональной структуры, которое способствовало бы развитию современных ценностей и многообразию форм социально-экономической активности. В этом случае инновационная динамика может быть стремительной, поскольку в латентной форме необходимые ценностные структуры уже присутствуют в обществе.

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Владимир ПАНИОТТО
Наталья ХАРЧЕНКО

Кризис в методах опроса и пути его преодоления*

Опросы — это метод сбора информации, который чаще всего ассоциируется с социологией. Судя по всему, значительная часть населения и не подозревает, что социологи заняты еще чем-либо, кроме опросов общественного мнения. Технологии опросов постоянно совершенствовались, и, казалось, полстеры могут с оптимизмом смотреть в будущее. Жизнь, однако, оказалась более сложной.

История опросов. История опросов уходит в XIX век, два первых исторически зафиксированных опроса проведены в США и датируются началом 1824 г. С тех пор почти за 200 лет истории опроса его развитие шло поступательно, методы опроса совершенствовались, качество данных улучшалось, и этот прогресс продолжался до конца XX — начала XXI века.

Б. Докторов выделяет три этапа развития общественного мнения¹:

Первый этап: 1789-1824 годы. Возникновение в Америке политических, социальных и информационных предпосылок для начала зондирования мнений избирателей. Проведение первых «соломенных» опросов (так называли опросы, проведенные по упрощённым схемам, нерепрезентативным выборкам, снижающим качество получаемой информации). Название связывают с аналогией опросов и подброшен-

ной кверху соломы, движение которой должно показать, куда дует ветер.

Второй этап: 1825 — 1936 годы. Период доминирования соломенных опросов электората.

Третий этап: 1936 — настоящее время. Возникновение и доминирование технологии Гэллапа (репрезентативные выборки, чёткие процедуры проведения опросов), постепенное осознание реальных возможностей различных опросных технологий и поиск оптимальных исследовательских стратегий, возникновение пост-гэллаповских технологий.

Интересно сопоставление хронологии изучения общественного мнения в США и в России-СССР, ниже приведен фрагмент таблицы из доклада Б. Докторов².

Как видим, первые опросы общественного мнения в США приходятся на период движения декабристов, а регулярное проведение прото-соломенных опросов — на отмену крепостного права в России. Понятно, что уровень развития методов опроса в странах бывшего Советского Союза, в том числе и в Украине, существенно отставал от западных стран. Однако оказалось, что и на Западе технологии опроса столкнулись с проблемами. К сожалению, в конце XX — начале XXI века развитие опроса и, прежде всего, очного интервью «лицом к лицу» (face-to-face или F2F), доминировавшего многие годы, стало испытывать сложности, процент тех, кто ответил на интервью по отношению ко всем, кто попал в выборку (response rate или RR), постоянно падал, все чаще интервью «лицом к лицу»

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного авторами на 4-й конференции Европейской ассоциации опросов (ESRA conference in Lausanne, July 18 to July 22, 2011) и модифицированной версии этого доклада, представленной на конференции «Кризис в методах опроса и пути его преодоления» (Киев, 28-30 октября 2011).

¹ Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. — М.: 2006, с.71.

² Докторов Б. Общественное мнение и власть. Размышления по поводу американской истории. Санкт-Петербург, 2004 (доклад на конференции).

Таблица 1

ХРОНОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В АМЕРИКЕ (И ФРАГМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ)

Хронология: периоды, годы	Процессы, события	
	США	Россия-СССР-Россия
1824 год	Начало эры прото-соломенных опросов.	Александр 1 (1801 – 1825); Николай 1 (1825-1855)
Вторая половина XIX века	Авраам Линкольн (1861-1865) – 16-ый президент США. Прото-соломенные опросы	Александр II (1855 – 1881) – освободитель
Первая треть XX века	Соломенные опросы. Период доминирования опросов журнала «Литерари Дайджест».	Николай II (1894-1917). Революция 1917 года, гражданская война, коллективизация
1932, ноябрь	Соломенные опросы как инструмент управления избирательной компанией	
1935	Создание Института Гэллага	Период массовых репрессий
1936, ноябрь	Рождение научной системы проведения опросов общественного мнения	
Годы Второй мировой войны	Общественное мнение и президент Франклин Рузвельт (1933-1945). Х. Кэнтрил – первый консультант президента по общественному мнению.	Укрепление культа личности Сталина.
Середина XX века	Региональные зондажи общественного мнения, совершенствование опросной технологии	Начало «холодной войны». Жесточайшая критика всего западного и фактическое прекращение контактов с Западом
1960-е годы	Джон Кеннеди (1961-1963). Война и общественное мнение.	Институт общественного мнения «Комсомольской правды»; 1960, май
Вторая полов. 80-х – начало 90-х	Возникновение онлайн-опросов.	Возникновение первых общенациональных систем изучения общественного мнения: ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ. Первые электоральные исследования и прогнозы
Конец XX века	Рождение научной онлайн-системы изучения общественного мнения (1998)	
Начало XXI века	Первый онлайн-опрос обогащенного общественного мнения	Широкая сеть общенациональных и региональных центров изучения общественного мнения.

заменялось другими методами опроса¹. С чем это связано – сложно сказать с точностью, но среди причин называют рост мобильности населения, рост уровня коммуникаций и рекламы, что приводит к защите от избытка навязчивой информации и повышению ценности приватности, рост преступности, понижающий желание открывать двери интервьюеру.

Если говорить об Украине, то первые (локальные) опросы были проведены в конце 1960-х-начале 1970-х годов, а первые опросы, репрезентативные для Украины, начались только в 1991-м. Можно сказать, что возникновение опросов общественного мнения в Украине, как и в США, связано с демократизацией и потребностью прогнозирования выборов. Кроме того, с развитием рыночной экономики, что приходится на тот же период, возникают опросы, связанные с проведением маркетинговых исследований. В Украине (и вообще в Советском

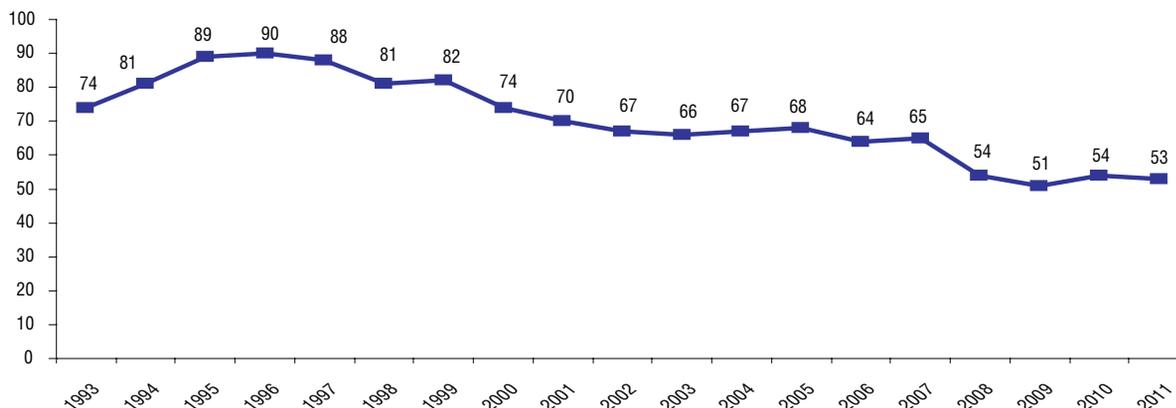
Союзе) практически отсутствовал опыт проведения F2F интервью, отсутствовали опросные сети, состоящие из обученных интервьюеров, отсутствовали стандартные методы построения выборок. Однако первые международные исследования, проведенные в Украине, а также заказы иностранных клиентов, передававших технологии и обучавших интервьюеров, позволили быстро ликвидировать отставание. В 1991-1992 гг. появились первые полстерские компании (КМИС и СОЦИС), которые проводили регулярные опросы общественного мнения, репрезентативные для Украины.

Кризис F2F интервью. К сожалению, в XXI веке процессы, начавшиеся ранее в других странах, докатились и до Украины: response rate (RR) в интервью стал падать (см. график 1).

Причины, вероятно, те же самые, что и в других странах. К тому же (в отличие от других стран), если в 90-х годах социологические исследования проводились еще достаточно редко, то сейчас социологи «надоели» респондентам. По данным нашего опроса, на протяжении 2011 года 13% респондентов уже принимало участие

¹ Как ни странно, face-to-face интервью не имеет адекватного русского или украинского перевода, калька «лицом к лицу интервью» длинна и неуклюжа, а персональное или очное может относиться и к телефонному интервью. Поэтому мы будем использовать сокращение F2F. То же самое с response rate: мы будем пользоваться сокращением RR.

График 1

ДИНАМИКА ПРОЦЕНТА УСПЕШНЫХ ИНТЕРВЬЮ (RESPONSE RATE) В ИССЛЕДОВАНИЯХ КМИС

в том или ином виде опроса¹, 87% — не принимало. Если считать, что вероятность не принимать участие в опросе в течение года 0.87, то это означает, что в течение 5 лет только половина взрослого населения Украины не участвовала в опросах, другая же половина была опрошена хотя бы один раз. Response rate для регулярных опросов КМИС на протяжении последних четырех лет составляет около 53%, что почти на 10% меньше, чем за предыдущий период. Особенно сложная ситуация в столице (RR в Киеве составляет 36%) и в других крупных городах. Поскольку КМИС проводит достаточно много опросов (60–70 в год, т.е. 200–300 за эти четыре года) и уделяет большое внимание методологии исследований, мы полагаем что имеющиеся данные статистически устойчивы и что ситуация в других центрах не лучше, чем у нас.

Ситуация маскируется тем, что многие компании (особенно в области маркетинговых исследований) проводят большое количество опросов по квотной выборке и публикуют скорее не response rate, а cooperation rate (т.е. не процент опрошенных по отношению ко всем попавшим в выборку, а процент опрошенных по отношению к тем, кого нашел и пытался опросить интервьюер). Иногда даже при использовании стохастической выборки расчеты

¹ Опрос проведен Киевским международным институтом социологии 4-15 ноября 2011 года. Методом интервью опрошено 2037 респондентов, проживающих во всех областях Украины, Крыму и в Киеве по стохастической выборке, репрезентативной для населения Украины старше 18 лет. Статистическая погрешность выборки (с вероятностью 0.95 и при дизайн-эффекте 1.5) для показателей близких к 10% не превышает 2,0%. Заданный вопрос: Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев принимать участие в каких-либо опросах? ЕСЛИ ДА. Как Вам задавали вопросы? Варианты ответа (можно было выбрать несколько): (1) приходил интервьюер, (2) опрашивали по телефону, (3) на улице, (4) с помощью обычной почты или (5) использовался Интернет или (6) не принимал участие в опросах.

проводятся не по рекомендованным экспертами формулам², а по формулам, некорректно увеличивающим RR, в частности, при расчете RR в знаменатель не включаются недоступные для интервьюера домохозяйства, которые находятся в закрытых подъездах.

Таким образом, мировой кризис с качеством данных F2F интервью с лагом в 5–7 лет докатился и до Украины.

Подходы к решению проблем с F2F интервью в мире. Ответом социологов на проблемы с F2F интервью во всем мире был переход сначала на телефонные опросы с помощью компьютеров (CATI – computer assisted telephone interview), а потом на интернет-опросы.

Таблица 1
ДОЛЯ МЕТОДОВ ОПРОСА, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В 2005 И 2009 ГОДАХ В МИРЕ³ (по сумме заказов на использование тех или иных методов), %

Метод	2005	2009
Face-to-face интервью	12	11
Телефонный опрос	19	14
Интернет-опрос	16	19
Почтовый опрос	4	3
Другие количественные методы *)	32	33
Качественные методы	14	13
Другое	3	7
	100	100

*) Пиплметры, дневники и т.п.

² Standard Definitions. Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys. Revised 2011. The American Association for Public Opinion Research. http://www.aapor.org/AM/Template.cfm?Section=Standard_Definitions2&Template=/CM/ContentDisplay.cfm&ContentID=3156

³ ESOMAR Industry Reports: Global market research 2007 and Global market research 2010. Отчеты об опросах заказчиков и исполнителей опросов общественного мнения и маркетинговых исследований, проведенных наиболее крупным объединением поллстеров и маркетологов – Европейским сообществом исследователей общественного мнения и маркетинговых исследований (European Society Opinion and Market Research)

Как видно из таблицы 1, количественные методы составляют большинство исследований (83% в 2005 и 80% в 2009). При этом в 2005 году доминировал телефонный опрос (19%), в то время как Интернет-опрос составлял 16%, а F2F интервью 12%, а в 2009-м на первое место вышел уже Интернет-опрос (19%), телефонный опрос упал до 14%, а face-to-face интервью до 11%.

Разумеется, в разных странах этот процесс проходил по-разному (см. таблицу 2).

Таблица 2

СТРУКТУРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ СБОРА ДАННЫХ В РАЗНЫХ СТРАНАХ В 2009 г., (в %)

	Face-to-face	телефонные	Онлайн количеств.	Автоматизированные цифровые и электронные	Почтовые	Другие количеств.*	ВСЕГО количеств.
США	1	14	27	47	2	9	100

Швеция	6	37	31	9	17	0	100
Австрия	10	34	48	3	3	2	100
Болгария	24	19	57	0	0	0	100
Франция	27	24	25	0	4	20	100
Великобритания	31	22	33	0	12	2	100
Россия	40	27	8	20	1	4	100
Украина	50	17	1	0	0	32	100
Польша	55	15	4	12	3	11	100
Румыния	71	18	3	8	0	0	100
ВСЕГО (46 стран)	18	23	30	1	5	22	100

* Другие количественные методы, включающие устройства, которые фиксируют, на каком канале работает телевизор – пиплметры (people meters), дневниковые панели и т.п.

Источник данных – ESOMAR Industry Report, 2010

Как видим, в США почти перестали использовать F2F интервью, в то время как, скажем, в Польше или Румынии этот метод продолжает доминировать. Приведенные в этой таблице данные по России и, особенно, по Украине ненадежны, так как в России лишь 36 компаний являются членами ESOMAR, а в Украине 12 (в других странах их значительно больше и ответы их представителей точнее отражают соотношение используемых методов опроса, например, в Великобритании их 124, в Германии 142). Поэтому для Украины мы используем данные специально проведенного исследования, включающего опрос нескольких сотен представителей организаций, заказывающих и проводящих исследования (см. табл. 3); в этой таблице мы приводим соотношение только 3-х основных методов опроса (соответственно все проценты пересчитаны по отношению к сумме заказов на эти три метода).

Если использовать термин «революция» не в строгом научном смысле, а как метафору, и понимать под революцией в методах сбора информации переход от доминирования одного метода к доминированию другого метода, то можно говорить о 3-х таких революциях:

1) переход от соломенных опросов к Гэлловским технологиям, т.е. к F2F стандартизованным интервью по стохастической репрезентативной выборке;

2) переход от F2F к телефонным опросам (CATI);

3) переход от CATI к онлайн исследованиям.

Если в мире за последние несколько лет произошла уже 3-я революция, то в Украине пока только первая. Как видим, доля F2F интервью снижается, в то время как доля CATI и Интернет-опросов растет. В то же время, темпы роста онлайн опросов выше, чем темпы роста CATI.

Казалось бы, тенденции в развитии методов опросов такие же, как во всем мире. В далекой перспективе оно, видимо, так и есть. Однако в ближайшее время такое развитие событий навряд ли возможно: инфраструктура Украины (и большинства постсоветских стран), в частности, плотность телефонных и Интернет-коммуникаций не позволяет следовать западным тенденциям. Неясно, в частности, будет ли у нас доминировать CATI, как это было в запад-

ных странах еще несколько лет назад, или мы сразу перейдем к доминированию Интернет-опросов либо комбинированию разных методов. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Таблица 3
СОТНОШЕНИЕ ЗАТРАТ НА 3-Х МЕТОДАХ ОПРОСА¹

Метод опроса	Мир		Украина
	2009	2008	2010
Face-to-face интервью	25	56	44
САТІ	32	30	33
Интернет-опросы	43	14	23
ВСЕГО	100	100	100

Тенденции и ограничения в развитии телефонных и Интернет-опросов в Украине. В таблице 4 представлены данные опросов КМИС, представляющих процент лиц, имеющих стационарные и мобильные телефоны.

Таблица 4
ПРОЦЕНТ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ТЕЛЕФОНЫ, СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ, 2011

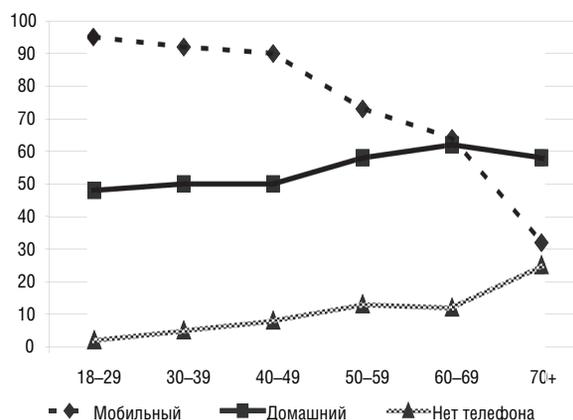
Тип телефонов	Всё население, %		
	Город	Село	
Только мобильный	37	32	49
И мобильный и стационарный	41	49	25
Только стационарный	12	14	8
Не имеют телефонов	10	5	18
Всего	100	100	100
Имеют стационарный	53	63	33
Имеют мобильный	78	81	74

Как видим, только каждый второй (а в селе – каждый третий) имеют стационарный телефон. Поэтому телефонные опросы на базе стационарных телефонов не могут быть заменой F2F интервью, как это было в западных странах, где телефоны были практически в 100% домохозяйств (в последние годы, однако, часть домохозяйств отказалась от стационарных телефонов).

Лучше обстоит дело с мобильными телефонами, которые есть почти у 80% населения, причем село не очень сильно отличается от города. Однако мобильные телефоны очень неравномерно распределены по возрастным группам (95% в группе 18-29 лет и только 30% среди лиц старше 70), см. график 2.

¹ Мир – данные упомянутого отчета ESOMAR 2010, Украина – данные специального опроса 500 представителей (2008) и 255 представителей (2010) международных и украинских компаний, которые заказывают исследования. Опросы проведены Украинской ассоциацией маркетинга и компанией InMind, метод F2F, B2B и CAWI B2B

График 2
ВОЗРАСТ И УРОВЕНЬ ТЕЛЕФОНИЗАЦИИ

Кроме того, построение выборки для мобильных телефонов является сложным и недостаточно разработанным процессом. Во всяком случае, опрос с помощью мобильных телефонов тоже не может быть заменой F2F интервью.

Возможно, наилучший вариант – комбинация опросов с помощью мобильных и стационарных телефонов (dual frame phone survey). Однако тут тоже есть проблемы. Во-первых, 10% (а в селе – 18%) не имеют телефона вообще. Во-вторых, выборка для комбинации стационарных и мобильных телефонов еще сложнее, чем для мобильных. Наконец, телефонные опросы вообще не могут быть полноценной заменой очных интервью, так как они имеют очень существенные ограничения на сложность опросника (а некоторые виды опроса – например, оценка рекламных изображений или рекламных роликов – вообще невозможна).

Что касается Интернет-опросов, то они, в отличие от телефонных опросов, в принципе могут быть полноценной заменой обычных интервью и уже, как мы видим, стали доминировать в мире в целом и становятся такой заменой во многих странах (табл. 5).

В перспективе то же самое, видимо, произойдет и в Украине, но насколько быстро? Рост числа пользователей мобильных телефонов происходил довольно быстро и описывался S-кривой (сначала медленный рост, потом очень быстрый, экспоненциальный, затем, по мере насыщения, опять медленный). Если то же самое произошло бы с Интернетом, то кризис был бы быстро преодолен. И тут с сожалением приходится констатировать, что рост количества пользователей Интернета происходит медленнее, чем мы надеялись. Прогнозы, сделанные в разные годы, начиная с 2003-го Е. Большовым, Н. Харченко, В. Забузовой,

Таблица 5
ПРОЦЕНТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ (2011) И % ИНТЕРНЕТ-ОПРОСОВ СРЕДИ ДРУГИХ МЕТОДОВ ОПРОСА (2009)¹.

	% пользова- телей	% интернет- опросов
Норвегия	94.4	25.7
Швеция	92.4	34.2
Нидерланды	88.3	45.5
Финляндия	85.2	42.3
Великобритания	82.0	34.2
Швейцария	80.5	15.5
Германия	79.9	31.5
Словакия	74.2	3.3
Франция	69.5	31.7
Чехия	65.6	6.0
Словения	64.9	19.6
Испания	62.2	13.0
Венгрия	61.9	11.7
Польша	58.4	3.4
Италия	49.2	14.9
Португалия	48.0	8.9
Греция	46.2	55.8
Турция	44.4	1.8
Россия	43.0	3.0
Румыния	35.5	8.9
Украина	33.9	2.6
Молдова	30.9	Нет данных

В. Паниотто, были построены на методологии S-кривой² и оказались слишком оптимистичными³. Гипотезы про экспоненциальный рост количества пользователей Интернета пока не подтвердились. Развитию мобильной связи способствовало удешевление связи, мобильных телефонов, конкуренция операторов. Важ-

¹ Источник данных об Интернет-проникновении Internet World Stats - <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm>. Данные об Интернет-опросах - наш пересчет данных отчета Global market research 2010, содержащего данные за 2009 год (как мы уже отмечали, данные об Украине нерепрезентативные). Следует учитывать, что Международный телекоммуникационный союз для анализа и сравнения использования Интернета в глобальном масштабе использует определения проникновения Интернета, предложенное Internet World Stats (IWS). По этому определению уровень проникновения Интернета - это доля общего населения страны, использующего Интернет, а пользователем Интернета считается каждый, кто в определенный момент имеет возможность использовать Интернет.

² Modis T. Predictions. - NY., 1992.

³ Е. Большов, Н. Харченко. Пользователи Интернета в Украине: характеристики, методология исследования, прогноз. 2003. <http://www.analitik.org.ua/publications/3f65de934c3db/3f65e07165e40/>; В. Паниотто, Е. Большов. Настоящее и будущее интернет-аудитории Украины. - Новый маркетинг, 2006, № 2. С.112-117.

но также, что у населения есть большой опыт использования стационарных телефонов. По всей видимости, ситуация с Интернетом совсем иная. Во-первых, связь с Интернетом осуществляется преимущественно с помощью компьютеров, которые стоят существенно дороже (небольшое количество тех, кто использует смартфоны и другие устройства, имеют также и компьютеры). Во-вторых, освоение компьютеров, которое является предпосылкой и ограничением для использования Интернета, является намного более сложным, чем освоение мобильных телефонов. Количество пользователей компьютерами (график 3) растет существенно медленнее, чем количество пользователей мобильными телефонами.

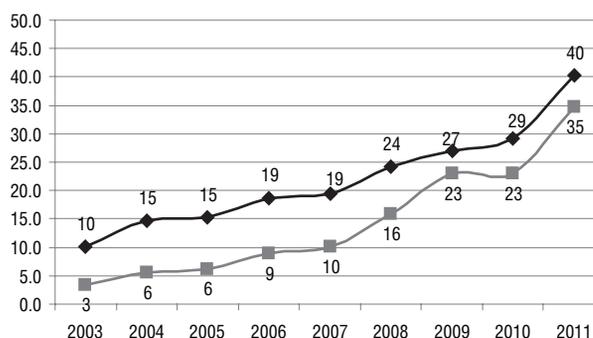
График 3
ПРОЦЕНТ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ МОБИЛЬНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ (ВЕРХНЯЯ ЛИНИЯ) И КОМПЬЮТЕРЫ (НИЖНЯЯ ЛИНИЯ) СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ.

В итоге количество пользователей Интернета растет приблизительно так же, как количество пользователей компьютерами (график 4).

Более адекватным, вероятно, является другой подход к прогнозированию числа пользователей Интернета – имитационное моделирование (в частности, агентное моделирование).

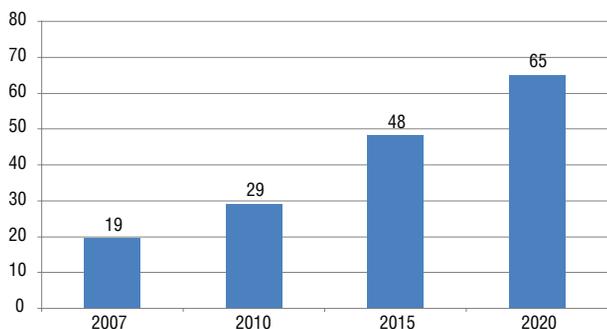
График 4
ПРОЦЕНТ ВСЕХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА (ВЕРХНЯЯ ЛИНИЯ) И ПРОЦЕНТ ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ИНТЕРНЕТ ДОМА (НИЖНЯЯ ЛИНИЯ) СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

Такая модель разработана А. Грушецким¹ и учитывает два процесса: во-первых, старение населения, смертность среди половозрастных когорт населения и постепенное замещение старых возрастных когорт с низким уровнем пользования Интернетом на более молодые, «Интернет-продвинутые» когорты; во-вторых, учитывается ежегодный прирост числа пользователей Интернета в каждой половозрастной когорте (как показывают наши данные, младшие когорты имеют не только более высокую численность Интернет-пользователей, но и более высокие темпы ее прироста).

Результаты моделирования этим методом на базе опросов КМИС даны на графике 5. В соответствии с этой моделью, темпы роста числа пользователей будут ниже, чем при использовании S-кривой, но выше, чем при использовании линейных моделей.

График 5
ПРОГНОЗ ПРОЦЕНТА ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Результаты прогнозирования числа Интернет-пользователей показывают, что в течение ближайших 8-10 лет говорить о полной замене F2F интервью Интернет-опросами не приходится.

Комбинирование методов опроса (mix-mode surveys) как наиболее перспективный подход к сбору данных в Украине. Если в отличие от других стран ни телефонные опросы, ни Интернет-опросы не могут быстро вытеснить F2F интервью, а качество последних падает, то можно предположить, что наиболее подходящим для Украины является использование комбинаций F2F интервью с телефонными и Интернет-опросами. При этом мы предполагаем, что в настоящее время наиболее перспективным является комбинация F2F с САТИ, а в ближай-

¹ Модель была представлена на 8-й Международной конференции «ReMark - Маркетинговые исследования в Украине» (Киев, 28 сентября 2011) в докладе В.Паниотто и А.Грушецкого «Экспоненциальный рост численности Интернет-пользователей: мечта или действительность?».

шем будущем – комбинация F2F с Интернет-опросами или САТИ с Интернет-опросами.

Рассмотрим, например, комбинирование (сочетание) F2F интервью с телефонным опросом (САТИ) с точки зрения тотального подхода к ошибкам опроса², см. таблицу 6.

Таблица 6
СРАВНЕНИЕ ОШИБОК F2F ИНТЕРВЬЮ И САТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТОТАЛЬНОГО ПОДХОДА К ОШИБКАМ ОПРОСА

Типы ошибок	Face-to-face интервью	САТИ
Ошибка выборки (sampling error)	низкая	низкая
Ошибка покрытия (coverage error)	низкая	высокая
Ошибка за счет неответа на анкету в целом, низкий RR (nonresponse error at the unite level)	высокая	средняя
Ошибка неответа на уровне вопроса (nonresponse error at the item level)	низкая	средняя
Ошибка за счет респондента (measurement error due to respondent)	низкая	средняя
Ошибка за счет интервьюера (measurement error due to interviewer)	средняя	средняя
Ошибки кодировки, ввода и т.д. (postsurvey error)	низкая	низкая

Это сочетание может осуществляться, по крайней мере, двумя способами. Во-первых, разные методы для разных совокупностей респондентов: в частности, в сельской местности, где RR достаточно высокий, целесообразнее использовать F2F интервью, а в городе – САТИ. Другой вариант – использовать оба метода для двух репрезентативных подвыборок из одной и той же генеральной совокупности (см. ниже пример опроса в Киеве, когда половина выборки была опрошена в технике F2F интервью, а половина – САТИ). Оба метода хорошо дополняют друг друга, высокая ошибка покрытия САТИ (из-за низкого уровня телефонизации) компенсируется низким уровнем ошибки покрытия F2F, и наоборот – высокий уровень ошибки неответов F2F компенсируется более низким уровнем ошибки САТИ за счет RR. В телефонном опросе ниже ошибки, связанные с отбором респондентов, а в F2F интервью ниже ошибки, связанные с измерением, с ответами.

² Weisberg H.F. The total survey error approach: a guide to the new science of survey research. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.

К сожалению, имеющийся у нас опыт несколько противоречит этим теоретическим рассуждениям. В мае 2008 г. за месяц и за две недели до выборов мэра Киева, состоявшихся 25 мая, КМИС провел опрос избирателей Киева по двум репрезентативным выборкам — 500 респондентов методом F2F, 500 респондентов методом CATI¹.

Таблица 7

СРАВНЕНИЕ ДАННЫХ ОПРОСОВ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ВЫБОРОВ МЭРА КИЕВА 25 МАЯ 2008 г.

Среднеквадратическое отклонение от результатов выборов, (25 мая 2008)	16-23 апреля, %	2-11 мая, %
CATI	3.6	1.8
Face-to-face	4.8	3.3
Комбинация CATI и F2F	4.2	2.3

Данные опроса показывают, что в отличие от наших предположений результаты опросов методом CATI (проведенные как за месяц, так и за две недели до выборов) ближе к результатам выборов, чем комбинация CATI и F2F. Среднеквадратическое отклонение опроса от результатов выборов для всех девяти кандидатов для CATI составляет 3.6% и 1.8%, а для комбинированного исследования — 4.2% и 2.3% соответственно.

Мы полагаем, что это не свидетельствует о бесперспективности комбинирования различных методов, а говорит скорее о том, что комбинирование методов является нетривиальной задачей. В данном случае возможно влияние нескольких обстоятельств: во-первых, воздействие специфической ситуации в Киеве, где почти 100% населения имеют телефоны и потому ошибка покрытия CATI не больше, чем для F2F интервью; во-вторых, анкета достаточно проста, поэтому преимущества F2F интервью на этапе измерения несущественны, т.е. в данном случае F2F интервью не компенсирует недостатки телефонного опроса, а уступает телефонному опросу по всем параметрам; наконец, мы механически объединили данные F2F интервью и CATI в один файл. Возможно, для комбинированных опросов нужен более продуманный способ объединения данных — математическая модель, которая интегрирует данные двух опросов, принимая во внимание ошибки каждого типа и объединяя данные таким образом, чтобы минимизировать общую ошибку.

¹ Для F2F интервью выборка стратифицирована по численности населения в каждом из 10 районов Киева, а затем случайный выбор почтовых округов, адресов домохозяйств и респондентов в каждом доме. RR=36%. Для CATI мы использовали метод RDD. RR = 56%

Обсуждение перспектив развития методов сбора информации. Альтернативные идеи. На уже упомянутой конференции «Кризис в методах опроса и пути его преодоления» были высказаны и другие идеи, связанные с развитием методов сбора информации.

1. Прежде всего, обсуждение показало, что не все согласны с тезисом о существовании кризиса. Высказывалось мнение, что кризиса нет, а есть естественное развитие и повышение требований к надежности и валидности результатов. По всей видимости, это связано с тем, что академические или academic directed исследования с очень большими сложными анкетами вообще не имеют особых альтернатив F2F интервью и не испытывают потребности переходить на другие методы. Целесообразно рассматривать ситуацию с методами опроса отдельно по крайней мере для 3-х ситуаций: правительственные или академические исследования с очень сложными анкетами, опросы общественного мнения (в частности, электоральные и социальные опросы) и маркетинговые исследования, которые часто озабочены репрезентативностью не для всего населения, а для определенных целевых групп. Маловероятно, что F2F интервью будет заменено безличным опросом полностью, многие виды опроса не могут быть заменены заочным общением. К тому же проблемы с F2F интервью касаются преимущественно интервью, за которые респондент не получает оплаты, платные интервью имеют достаточно высокий response rate. Интернет может не только вытеснить F2F интервью, но и наоборот — способствовать его дальнейшему развитию. В частности, уже сейчас интервью может проводиться через Интернет (например, с помощью Скайпа).

2. Response rate в F2F интервью падает, но это еще не катастрофа. Не надо фетишизировать этот показатель, качество данных зависит и от других факторов, в частности, от разницы характеристик ответивших и не ответивших: если эта разница невелика, то качество данных будет высоким даже при низком response rate. Необходимо иметь более полную систему показателей, оценивающих качество данных, а также пытаться получить оценки характеристик тех, кто не ответил, — эта информация позволит взвесить полученные данные и компенсировать падение response rate. В наибольшей степени эта стратегия разработана для панельного исследования домохозяйств. Развитие указанного выше подхода как более универсального состоит в идее «реагирующего дизайна». Такой дизайн состоит из двух и больше фаз, причем, в первой фазе (которая очень напоминает методический эксперимент) собирается дополни-

тельная информация – так называемые параданные, которые используются в последующих фазах. Например, в первой фазе используют разные методы сбора информации на разных подвыборках или разные версии опросников (короткая и длинная), или разное число звонков. Кроме того, собирается информация об опыте интервьюеров, об участках, на которых будет проводиться исследование (нежилые здания, характеристики инфраструктуры, препятствия, угрозы для интервьюеров и т.п.), а также характеристики ситуации и процесса интервью (время суток, дни недели, время, затраченное на поездку, и т.п.). Все эти данные используются для оценки вероятности провести интервью на следующей фазе исследования. Вся эта информация используется для изменения дизайна исследования, приспособления его к условиям опроса и для позднейшей коррекции, последующего взвешивания данных опроса.

3. Недостаточное развитие Интернета еще не значит, что нам нечем заменить F2F интервью. Да, мы отстаем от западных стран по информационным технологиям, в Украине только 40% взрослых доступны по Интернету, но это уже немало. Есть такие категории населения, которые почти поголовно охвачены Интернетом, к ним уже можно не посылать интервьюеров и не звонить. В частности, это городская молодежь, а также многие профессиональные группы. В маркетинге, когда нужно найти очень редкие группы населения и уже не до репрезентативности (например, тех кто пил «Столичную», но переключился на «Горилку з перцем»), Интернет-опросы незаменимы. Именно поэтому КМИС активно развивает собственную онлайн панель InPoll (www.inpoll.net), рекрутируя участников во время проведения плановых face-to-face исследований. Как показывает наш опыт, онлайн опросы востребованы при длительном изучении поведения потребителей (дневниковые исследования), при тестировании рекламных концепций, изучении спроса на онлайн услуги, а также в исследованиях медиа потребления, которое постепенно мигрирует в Интернет.

4. Комбинирование стационарных и мобильных телефонных опросов (dual-frame mode) весьма перспективно, но имеет много проблем (в каких пропорциях и каким образом соединять обе базы, как привязать мобильные телефоны к территориям, как уменьшить число звонков на несуществующие номера и т.д.).

5. Выделены разные типы комбинирования, в частности: 1) комбинирование способов коммуникации с респондентами; 2) использование разных методов для разных подвыборок. Сложной проблемой является измерение воздействия

метода на результаты опроса, поэтому первый метод является менее рискованным. Важным аспектом является вовлеченность заказчика в выбор дизайнера исследования и оценку рисков.

6. Если говорить о более далеких перспективах, то возникает вопрос, будут ли опросы вообще нужны? Все больше информации о реальном поведении и мотивации людей можно получить используя технические возможности и информационные технологии. Например, пока не было пиплметров, нужны были опросы, а сейчас дневники телесмотрения ушли в прошлое. То же самое происходит с ценовыми исследованиями: сканирование штрихкодов вытесняет описание SKU (Stock Keeping Unit – сочетание марки, сорта и упаковки). В странах, где люди шире используют кредитные карточки и где проверяется кредитоспособность, о многих людях известно, где они работают, что они покупают, что едят, куда ездят, сколько денег тратят, какие газеты выписывают и т.п. Не говорим уже о сканировании импульсов мозга при просмотре рекламы, фиксации движений зрачков при выборе товара в супермаркете и хранении истории посещения сайтов. А on-line социальные сети? За 2011 г. каждый третий взрослый украинец хотя бы раз посещал сайты социальных сетей и живых журналов. В Украине созданы десятки миллионов персональных страниц, на которые выкладывается и может быть запрошен разнообразный контент (социально-демографические характеристики, фото, видео, музыка и др.). Хотим мы того или нет, пишет редактор издания ESOMAR Симон Чадвик¹, но мир, в котором мы живем, становится безвозвратно цифровым и мобильным, потому что исследовательские подходы просто не могут оставаться неизменными.

Что мы будем делать в 2020 году? Опрашивать нескольких добровольцев, у которых найдется время и желание открыть дверь своего бункера и поучаствовать в опросе? Впервые проведем первый Интернет опрос, репрезентативный для всей страны? Перейдем на пассивное веб-наблюдение в социальных сетях, биометрику и моментальные мобильные опросы? Или же участие в опросах станет гражданским долгом² и все, кто попал в случайную выборку, будут освобождены на полдня от работы и обязаны отвечать на вопросы социологов (как сейчас в США случайно отобранные граждане обязаны участвовать в суде присяжных)? Мы отметили некоторые тенденции в развитии методов опроса, но с уверенностью сказать, какие из этих тенденций станут доминировать, пока сложно.

¹ Simon Chadwick. Irreversibly digital // Research World, October 2011, p. 6.

² Например, в Германии уже сейчас респонденты не имеют права отказываться участвовать в государственных социологических исследованиях.

Лев Гудков

На зеркало неча пенять, коли рожа крива*

Эта пословица, взятая Гоголем в качестве эпиграфа к «Ревизору», как нельзя кстати. Социология сегодня на пороге кризиса доверия. «Не верьте социологам!» уговаривают вас не только политики-аутсайдеры, но и гламурные персонажи. Телевизионный повар спокойно заявляет: «Хуже [кулинарии как науки] только социология, которая даже не ложь и не наглая ложь, а что-то гораздо более бесцеремонное»¹.

Дело, конечно, не в самой социологии, анализ и интерпретация ею социальных событий и процессов в стране по-прежнему мало кого интересуют. Дело в растерянности общества, лишившегося подтверждения своим ощущениям. Редактор отдела науки «Русского репортера» пишет: «Когда я просматриваю какой-нибудь отчет о [социологическом] исследовании или научную статью, то первым делом ищу самую главную цифру, которую получили ученые. Если этой цифры нет, а есть много-много слов, то начинаю нервничать и много курить»². Ситуация из басни «Мартышка и очки» («...то их понюхает, то их полижет...»). За недоверием к социологам (вчера — это был Кремль и чиновники, сегодня — часть общества, настроенная против путинского режима) скрывается дефицит авторитетных представлений о реальности, разрыв между уже принятыми стереотипами и оценками происходящего («на выборах имели место колоссальные фальсификации») и выводами социологов, которые говорят о гораздо более сложной и неоднозначной картине пове-

дения избирателей, чем это представляется оппозиции. Подозрение и возмущение вызывают близость чуровских данных и результатов электоральных социологических опросов, которые, по их представлению, должны были бы существенно отличаться.

Ситуации, когда данные, предоставляемые социологами, резко расходятся с ожиданиями каких-то групп, вообще говоря, не такая уж редкость, но особой ожесточенности споры в этом роде достигают в выборные периоды, когда политические и научные интересы сталкиваются между собой, как это было, например, на Украине во время оранжевой революции. Сама принадлежность к либералам или демократам автоматически еще не гарантирует свободу от ошибок, ложных посылок, тем более от глупости и непорядочности.

Как и любая пристрастность, политические интересы способны влиять на ход рассуждения и приводить к определенным искажениям выводов и заключений³. В западных странах, где очень высок авторитет профессиональной группы ученых, публичная рефлексия чаще принимает во внимание аргументы и суждения исследователей, у нас, где таких групп нет, публика, как правило, стремится отвергнуть выводы специалистов, дисквалифицировав их по каким-то основаниям. В России авторитет социологов, очевидно, достаточно низкий, поскольку независимой от власти социологии почти нет, если не считать Левада-Центра и немногих подобных ему исследовательских коллективов. И именно поэтому к нам, прежде всего, и предъявляются претензии.

* Сокращенный вариант был опубликован на сайте «Новой газеты» в ответ на помещенный там же материал Г. Сатарова (<http://www.novayagazeta.ru/politics/51942.html>).

¹ Зимин А. Животный интерес // Коммерсантъ-Weekend от 7 марта 2012, №8. С.43.

² Тарасевич Г. Давайте ничего не понимать - <http://rusrep.ru/article/2012/03/06/nihogo/>

³ Г.С. Померанц когда-то, еще в начале 70-х годов, в одном из своих выступлений в Институте философии говорил: «Дьявол начинается с пены на губах ангела».

В случаях диссонанса определений реальности наше общественное мнение обычно стремится к самому простому решению. Когда данные не нравятся, то подрыв доверия к ним идет за счет сомнений в их качестве или процедуре получения («...не та выборка, не та методика, не тех опросили» и т.п.). Полное отвержение идет уже либо по политическим соображениям, либо по приписываемым социальным или моральным качествам самих исследователей (продажные кремлевские социологи, надули рейтинг ЕР, Путина, растлевают публику и т.п.). Причем, никакой разницы между обвинениями демонстрантов с Болотной площади в том, что они проплачены Госдепом, и теми, кто обвиняет Левада-Центр в продажности, нет. Один тип сознания и аргументации. Слабое место в такой конструкции реальности – скрытая или негативная зависимость от власти, склонность к самым примитивным объяснениям, к упрощению реальности, а уже из этой бедности интерпретационного инструментария следует манихейское деление на своих и чужих. Дискуссии в связи с противоречивыми данными электоральных опросов случаются и в Германии или США, но там публика не опускается до нашего скандального уровня и разговоров о подкупе социологов.

Сознаюсь, мне очень не хотелось писать эту статью. Я полагал, что неуместно во время митингов протеста, вызванных ростом недоверия к действующему режиму, спорить с теми, для кого сам факт фальсификаций на выборах стал триггером для преодоления привычного страха и апатии. Позже – уже по другим причинам: стало просто противно доказывать, что ты не верблюд. Кроме того, я считаю, что газета – не то место, где можно обсуждать технические вопросы качества получения социологической информации и организации исследования, это должны делать профессионалы в своих изданиях. Но... академическая среда молчит, а недоумение у публики, которая искренне хочет разобраться в том, почему социологические опросы расходятся с их выводами, не только остается, но и усиливается. Нас все чаще и чаще просят объяснить, в чем же здесь дело¹.

Нет сомнения в том, что часть голосов избирателей на декабрьских и мартовских выборах

¹ Вопросы оценки объемов фальсификации и необходимости соответствующих коррекций в наших исследованиях были предметом специального доклада и его обсуждения на рабочем семинаре Левада-Центра. Именно поэтому я могу считать эту статью выражением нашей общей позиции. Особую благодарность я хотел бы высказать Л.А. Хажулиной, Н.А. Зоркой и А.И. Гражданкину, сделавшим важные замечания при обсуждении и доработке этого материала.

были отняты у оппозиционных «Единой России» партий или у кандидатов, противостоявших Путину. Вопрос: какова величина этих фальсификаций? Наблюдатели из «Голоса» или «Лиги избирателей» считают, что сфальсифицированы от 7 до 13 млн. голосов (от 10 до 17% проголосовавших) или еще больше. По расчетам Левада-Центра, они составляют порядка 3.5-4.5 млн. голосов, т.е. 4-6% в зависимости от предполагаемого числа «реальных» избирателей.

На наш взгляд, те, кто, суммируя различные факты наблюдений, вбросов, каруселей, подлога протоколов избирательных комиссий, напрямую соединяют их со «статическими аномалиями», отчетливо проступающими в ходе анализа выборной статистики, ошибаются, отождествляя их с фальсификациями воли избирателей. Тем самым всему массиву избирателей вменяется один и тот же тип избирательного поведения, что социологически просто неверно, поскольку предельно упрощает картину мотивации избирателей в условиях авторитарного режима. Прямая аналогия свободных выборов это поведение покупателя в супермаркете: вы можете купить товар такого вида по подходящей вам цене и качеству или совершенно другой товар, соответственно, по другим ценовым параметрам и характеристикам, или вообще отказаться от покупки, отложив ее либо сэкономив деньги. Но вы вольны в своем решении. Противоположный этому тип поведения будет представлять собой поведение больного в советской районной больнице («ешь то, что дают»), призванного в казарме и т.п., где жесткость социального контроля сводит варианты действия до однозначно предписанных.

Попытки опротестовывать данные голосования в аномальных зонах строятся на ложной посылке, что избиратель в России свободен рационально взвешивать достоинства кандидатов и партий, *готов выбирать* «лучший» или «оптимальный» вариант для того, чтобы поддержать тех, кого он считает нужным поддерживать. Эта посылка не всегда верна даже в условиях подлинной демократии в западных странах и абсолютно неадекватна в силу предельного идеологического упрощения поведения масс в условиях авторитарного режима, наследующего советскому тоталитаризму, инерции массового конформизма и общей пассивности, отращиванию от политики и незаинтересованности в ней. Поэтому анализ избирательного поведения должен строиться на учете *разных мотивов участия* (или неучастия) в выборах и голосования за различные партии, в первую очередь –

на различении голосования за партию власти и оппозиционные партии. Сам акт опускания бюллетеня для голосования в урну для оппозиции имеет совершенно другой смысл и значение, чем для рутинного голосования человека, мало интересующегося результатами выборов и не ждущего от них каких-либо последствий для себя или жизни своей семьи. Этот человек «выполняет свой гражданский долг», не задумываясь о том, что это значит, он ведет себя так, как «всегда полагается вести в таких случаях». Напротив, для оппозиции или оппонентов власти их собственные действия оказываются в совершенно ином смысловом, моральном общественном и политическом контексте, это сознательный и в какой-то степени ответственный индивидуальный выбор, учитывая предполагаемые последствия и солидарные действия других таких же людей. В Чечне или в Татарстане (возьмем чистый пример) для избирателя нет выбора, поэтому там бессмысленно говорить о фальсификациях. Здесь и сознание, и поведение подчинено правилам управляемой демократии. Там не выборы, а ритуал демонстрации лояльности режиму, церемониал «аккламации» власти. Именно поэтому при таком грубом отождествлении всех аномалий с «фальсификациями» (вбросами, подлогами избирательных протоколов, каруселями и проч.) теряется сама суть социального конформизма и массового поведения в условиях авторитарного режима.

С этим же связано и второе соображение, касающееся завышения оппозицией общей доли фальсификаций. Оно относится к ошибкам генерализации наблюдений, полученных преимущественно на городских участках (где собственно и были волонтеры-наблюдатели, где есть Интернет, которым пользуются «все», и резонирующее на факты подлогов развитое сетевое сообщество¹), и построено на переносе этих выводов на всю массу малгородского и сельского населения. Другими словами, речь идет о нерепрезентативности всей картины наблюдений и фиксаций нарушений, перекосе наблюдений в сторону крупных городов, где оппозиционные настроения очень сильны. Д. Орешкин знает об этом, но предпочитает об этом не говорить.

Непонимание этих аспектов проблемы или некомпетентность оборачиваются же-

¹ Недовольство выборами в Москве выражено почти вдвое сильнее, чем в средних и малых городах, здесь требование об отмене выборов поддерживают 52-53%, в средних и малых городах – 28-29% (опрос в марте 2012 г.).

лением дискредитировать сам источник раздражения. Наиболее ярко это представлено в статьях Г. Сатарова – в сетевом «Ежедневном журнале» от 11 марта и в публикации в «Новой газете». (Я оставляю за скобками его тон и останowлюсь только на нескольких моментах в его обвинениях, поскольку они отчасти затрагивают те пункты, которые вызывают общее недоумение). Цитирую: «Вот что мы узнали. Респонденты, дескать, не совсем искренне рассказывают социологам о своих намерениях на выборах. Поэтому приходится вводить поправочные коэффициенты. Делается это просто. Смотрим на предыдущие выборы и сопоставляем частоты, получаемые с помощью опросов, и итоговые результаты голосования. Различие между одним и другим определяет поправочный коэффициент, который можно применить для получения правильного результата и который можно потом использовать на следующих выборах.... По причине стеснительности граждан (по версии социологов) и веселия Чурова (по версии нашей) коэффициент k превосходит единицу и показывает, во сколько раз результат партии власти на выборах превосходит робкие признания граждан при опросах».

Мой коллега, специалист по электоральным исследованиям, в таких случаях говорит: «Глухий шо не дочуе, то добреше» («глухой, что не дослышит, то доверт»).

Объяснять элементарные вещи из учебника по социологии надо не этому «социологу по призванию», как он себя аттестует, «патриоту из патриотов», а публике. Дело не в «неискренности» и не в том, что «респонденты врут социологам», а в механизмах функционирования общественного мнения, описанных лет сорок назад немецким социологом Элизабет Ноэль-Нойман². Социологи в своих опросах не получают сумму индивидуальных мнений, а замеряют силу коллективных представлений, «общих мнений». Общее мнение отличается от частного тем, что это мнение предполагаемого «большинства», а, стало быть, оно обладает принудительной силой для отдельных лиц. Отказ от него, как пишет Ноэль-Нойман, вызывает у «лиц со слабым самосознанием и ограниченной заинтересованностью в политике» ... склонность к конформизму и «страх оказаться в изоляции» от своего окружения (Указ. соч., с.36) . При го-

² Ноэль-Нойман. Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия. Весь Мир. 1996. Иногда для описания конформистского поведения при авторитарных режимах автор использует русскую поговорку: «с волками жить, по волчьи выть».

лосовании такой индивид, индифферентный к политическим баталиям и склокам, долго медлит с выбором, а потом, часто в последний момент (так называемый «the last minute swing») принимает решение голосовать за тех, за кого голосует «большинство», за предполагаемого победителя. Этот эффект («спираль молчания»), подтвержденный позднее во всех западных демократических странах¹, Ноэль-Нойман оценивала в 1970 годы в Германии в 4-6% всех голосов (то есть примерно в 1/10 часть партийного электората). Но в условиях авторитарного режима значимость этого фактора неизмеримо выше, поскольку мы имеем дело с несвободными СМИ, с подавленной конкуренцией политических партий, с «управляемой демократией» и всеми присущими ей прелестями.

Судя по нашим опросам, какой-то интерес к политике проявляют от силы 25-30% населения (всерьез — лишь 7%), 60% и более говорят, что политика их не интересует, что разговоры на эти темы наводят на них тоску, участвовать в политике они не хотят, даже если бы им представилась такая возможность, но и отвечать за действия политиков и руководства страны абсолютное большинство (80-85%) тоже не хотят и не могут. 44% в феврале 2012 г. утверждали, что «выборы президента 4 марта — это имитация борьбы, а распределение голосов на выборах будет производиться по решению властей». Предопределенность исхода выборов у нас настолько же выше, чем в западных странах, насколько наши выборы не соответствуют западным стандартам. Во время последней президентской кампании 78-80% были уверены: несмотря ни на что победит Путин (на предыдущих парламентских выборах больше половины говорили то же самое о ЕР). Влияние таких факторов, как апатия, неинформированность, равнодушие, не говоря уже об административном давлении на избирателя или подкупе, шантаже, сказывается в том, что основная масса населения настроена вполне конформистски и не задается вопросом, зачем ей ходить на выборы.

Второе обстоятельство связано с техникой социологического измерения. Над достоверность получаемых первичных данных (и, соответственно, точность измерения социальных явлений) влияют целый ряд факторов: 1) качество

¹ Совсем недавно об этом же феномене в проходящих сейчас выборах в разных штатах говорил во время интернет-конференции «Роль общественного мнения в политическом процессе — взгляд из США и из России» Бернард Уитмен, один из ведущих электоральных социологов в США, работавший еще в команде Билла Клинтона во время его выборов (см: <http://connect1.webinar.ru/play/sonya@ndi.ru/5857-polling-webinar>).

нашей государственной статистики, на основе которой строятся модели выборки; 2) технология и организация проведения эмпирического опроса; 3) состояние самого общества, выражающееся в том, что американцы, в частности, называют «готовностью к сотрудничеству», а в более общем виде — проблема «достижимости» респондента, то есть возможность взять интервью именно у того респондента, который должен быть опрошен в соответствии с выборкой и принципами случайного отбора, и его согласие на опрос. Уровень готовности опрошенных отвечать — вообще довольно деликатная тема, о которой социологи меньше всего хотели бы говорить. Этот показатель падает во всем мире, но особенно — в восточноевропейских странах. В конце 1980-х — начале 1990-х годов он составлял у нас (в старом ВЦИОМе) 85-90%, сейчас у нас — примерно 35% (по одной технологии опроса, при одном посещении респондента) или 45-46% и иногда выше — при трехкратном посещении. В крупных городах он ниже, в селе и малых городах — выше. На Украине, как говорили киевские коллеги на недавней конференции, посвященной этой проблеме, «response rate» составляет в среднем 45-50%, в Киеве — 33-35%. Любительское объединение социологов «Открытое мнение», проводившее телефонные опросы на последних выборах, получило 28%, и это обстоятельство так удивило молодого преподавателя из Высшей школы экономики Григория Юдина, что он назвал его «самым важным их открытием» (трудно удержаться от того, чтобы не назвать это «синдромом первокурсника»)².

В результате социологи получают массив, несколько смещенный в сторону более доступных респондентов, то есть таких, кого легче застать дома, с кем легче говорить, а значит и тех, чье мнение ближе к среднему (чаще это — женщины, пожилые люди, а их мнение менее вариативно и более консервативно). Относительно меньше представлены самые обеспеченные или самые активные группы (среди них чаще можно встретить людей, настроенных скорее негативно по отношению к власти), а также — социальное дно, маргиналы и т.п. Такое ненамеренное и неосознаваемое интервьюером отклонение (в многоэтажных кварталах легче найти замену респонденту по тем же параметрам, чем в элитных домах с консьержкой при входе или в частном секторе с собакой на цепи, легче контактировать с трезвой женщиной, имеющей университетское образование, чем с вечно пьяным сле-

² Юдин Г. Технология власти: опросы вместо вбросов // Ведомости, 2012, 14.03.

сарем) обычно не бывает значительным. Оно фиксируется в любых опросах, проводимых во всех странах. Во всем мире оно компенсируется контрольными процедурами на соответствие полученного полевого материала с исходными параметрами выборки. На социологическом языке эта статистическая процедура называется «взвешивание». После успеха Жириновского в 1993 году наш коллега С. Новиков разработал статистическую программу взвешивания, которая расширила число характеристик для контроля, и начиная с 1994 года у нас, помимо обычных социально-демографических характеристик (пол, возраст, образование, тип поселения и проч.), всегда проводится и взвешивание по «партийному голосованию». Суть его сводится к тому, чтобы определить вероятную долю «неголосующих», поскольку именно этот показатель служит основой для фильтрации завышенных ответов в пользу власти. В сыром, не взвешенном массиве полученных из поля данных процент респондентов, заявляющих о том, что они голосовали за «Наш дом Россия», ЕР, Путина и т.п. существенно выше, чем даже по официальным данным ЦИК. Поэтому необходимо снять этот эффект декларативных заявлений, что он/она вели себя «как все», как надо. Основой для отсекающего контроля в данном случае служит доля тех, кто не пришел на избирательные участки, кто не голосовал по каким-то там причинам, не хотел или не смог. ЦИКовский показатель неучастия играет роль негативного предела «реальности» или границы отсека. Приведу в качестве примера один из протоколов¹ такого взвешивания.

Как видим, после взвешивания уменьшается доля женщин и, соответственно, увеличивается удельный вес мужчин, уменьшается число людей с высшим образованием, увеличиваются средние возраста и т.п.; в электоральном плане увеличивается доля неголосовавших (на 6.5 процентных пункта) и одновременно уменьшается доля голосовавших за предполагаемого победителя, за ЕР (-7.6 процентных пункта), чуть увеличивается доля СР и т.п.

У нас, как и наблюдателей на выборах, нет полной информации обо всех нарушениях и их вкладе в конечные результаты голосования. Мы не могли репрезентировать отдельно каждый регион России. Исключением была Москва, где мы проводили многократные замеры в ходе электорального мониторинга. Благодаря более высокой степени репрезентативности выборки мы здесь смогли более адекватно оценить вели-

¹ Приводимые здесь и далее расчеты по взвешиванию и перевзвешиванию произведены А.И. Гражданкиным.

Таблица 1
КАЧЕСТВО КОРРЕКЦИИ, ОПРОС 24.02-1.03. 2012, N=1600
(% %)

	Сырые данные (=поле)	Итог (после взвешивания)	Изменения
Мужчины	45.84	46.24	+0.40
Женщины	54.18	53.75	-0.43
<25 лет	14.18	13.95	-0.23
<40 лет	28.23	28.41	-0.18
<54 лет	27.67	27.34	-0.33
>55 лет	29.92	30.29	-0.37
Высшее образование	31.54	29.23	-2.31
Среднее	48.46	50.06	+1.60
Низшее образование	19.99	20.69	+0.70
ЕР	36.16	28.58	-7.58
КПРФ	11.30	11.15	-0.15
СР	6.25	7.46	+1.21
ЛДПР	6.99	6.77	-0.22
Другие	3.00	3.40	+0.40
Не голосовали	31.73	38.20	+6.47
Затруднились ответить	5.56	4.44	-0.12

чину расхождений между данными наших опросов и официальными цифрами. На выборах в московскую Думу в 2009 году разница между данными о том, как люди собирались проголосовать и как они проголосовали, с одной стороны, и данными избирательной комиссии, с другой, составило более 12% (в пользу «Единой России»), в 2011 году на парламентских выборах такие расхождения составили 14%. Это позволяет говорить, что сфальсифицированными, по всей вероятности, оказались голоса сотен тысяч избирателей (в первом случае порядка 420-450 тысяч, во втором – 600-650 тысяч голосов). Однако 14% по Москве эквивалентны 1% в целом по России. А это слабо влияет на общее распределение электоральных мнений².

² Э. Нозль-Нойман отмечает, что сразу после выборов опросы обычно показывают либо завышенные, либо заниженные показатели голосования в зависимости от интриги на выборах и лишь через какое-то время начинают сближаться с официальными данными. На наших выборах этот эффект тоже проявился. Так, сразу после выборов (опрос 16.-19.12.2011) 48% опрошенных заявили, что они проголосовали за ЕР, затем – эта цифра поднялась до 50%, новый опрос, проведенный спустя несколько дней уже на фоне массовых протестов (правда, по несколько иной технологии, с трехкратным посещением респондента), дал незначительное «снижение» голосующих за ЕР – 46%. (Все колебания в пределах статистической погрешности). Последующие январские опросы показали незначительное повышение голосовавших за ЕР. В первом же опросе, проведенном уже после президентских выборов (16-19 марта), доля ответов респондентов, сказавших, что они участвовали в выборах, составила 71%, а среди них проголосовали за Путина 54%.

Зафиксированные независимыми наблюдателями серьезные нарушения на выборах, равно как выборочный контроль наблюдателей «Яблока» и «Голоса», отмечены в среднем на 15-18% избирательных участков (почти все они — в больших и средних городах; в селе и малых городах контроля не было). Все приписки или отклонения от «нормального» голосования, общий объем которых оценивается наблюдателями в 25-30%, сделаны в пользу «Единой России». Но по отношению к общей численности избирателей, пришедших на избирательные участки и принявших участие в голосовании, это дает перераспределение конечных результатов выборов в 3-6%.

Примерно о таких же пределах фальсификаций результатов президентских выборов говорят и данные наших исследований. Согласно последнему регулярному опросу, перед выборами 4 марта взвешенному по данным голосования в Думу, опубликованным ЦИК (в какой-то степени сфальсифицированным), доля респондентов, намеревавшихся голосовать за Путина из числа собиравшихся голосовать и определившихся с выбором составляла 65%. Наш прогноз по Путину от 2 марта — 61.5%.

Мы не можем в наших исследованиях убрать влияние «грязи» или дефекты в переписи, поскольку мы производим взвешивание и выравниваем полученные данные именно по этим показателям. Точно так же мы не можем убрать само присутствие фальсификаций из ЦИКовских данных о голосовании, по которым мы перевзвешиваем полученные из поля данные. (Я думаю, что точных цифр не может знать и сам В. Чуров, так как мы имеем дело в подобных ситуациях с массовым, но неуправляемым процессом, — команда сверху лишь инициирует, но не контролирует исполнение). Но, используя, за неимением других инструментов, данные ЦИК в своих расчетах, мы убираем «навес» декларативных ответов респондентов, присоединяющихся к «победителю», то есть устраняем до какой-то степени «излишек» аккламационного голосования. Мы не можем точно сказать, до какой именно степени убирается это влияние, поскольку мы, как и никто другой, не знаем реальных цифр фальсификаций по всей стране. Но мы можем попробовать смоделировать саму ситуацию фальсификаций разного типа и масштаба, тем самым снизив в данных большую представленность в выборке пассивных и лояльно настроенных по отношению к власти слоев населения и уменьшив

долю лояльных по отношению к власти респондентов. Логично предположить, что голосование этой части электората на выборах в Думу подобно их же голосованию на выборах президента.

Приведем перевзвешенные данные для двух возможных типов фальсификаций (которые в реальности соединяются) разных масштабов: вбрасывание или приписывание голосов «Единой России», либо «переписывание» голосов от других партий «Единой России» (от 5 до 20%, то есть прибавки ЕР от 10 до 40%).

«Переписывание» голосов в пользу ЕР гораздо больше искажает реальные результаты выборов в пользу партии власти, чем простое «вбрасывание/приписывание» голосов в ее пользу (и, соответственно, при взвешивании с учетом сценария «переписывания голосов» снижение ожидавшегося уровня голосования за Путина будет более радикальным, чем при сценарии «вбрасывания/приписывания»). Реальный сценарий фальсификации результатов выборов в Думу был, вероятно, комбинированным, включавшим и «приписывание», и переписывание (а соответственно, оценки ожидавшегося уровня голосования за Путина при комбинированном сценарии лежат где-то посередине).

Вместе с тем, даже если предположить, что фальсификации в пользу «Единой России» составили 40% от числа голосов, насчитанных ей ЦИК (крайне правый столбец табл.3), результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что за В.Путина на мартовских выборах *собиралось* проголосовать более половины избирателей из тех, кто *намеревался* принять участие в выборах. Понятно, что *намерение* принять участие в выборах и *проголосовать* за Путина, далеко не всегда было добровольным. Напротив — многие респонденты в наших опросах и до, и после выборов говорили о том, что испытывают давление средств массовой информации, начальства на работе, местных властей, направленное на то, чтобы заставить их придти и проголосовать за Путина. Но объяснить преодоление Путиным 50% уровня голосования на президентских выборах только «вбросами», «приписыванием» и «переписыванием» голосов в его пользу *невозможно*. Основная масса населения (не менее 45%) не связывает легитимность власти с выборами. Нынешний режим держится на смеси традиционализма и постсоветского

Таблица 2

Вариант 1. ВБРАСЫВАНИЕ/ПРИПИСЫВАНИЕ ГОЛОСОВ ЕДИНОЙ РОССИИ

Вопрос: ПРИШЛИ БЫ ВЫ НА ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ, И ЕСЛИ ДА – ЗА КОГО БЫ ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ, ЕСЛИ БЫ В СПИСКЕ КАНДИДАТОВ БЫЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛИТИКИ? (Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 24-27 февраля 2012 года; (в %% от числа тех, кто «скорее придет на выборы» или «совершенно точно придет на выборы» и определился с выбором кандидата)

	Невзвешенные данные	При взвешивании по данным ЦИК (49,3% голосов за ЕДРО при явке 60%)	При гипотезе 5% фальсификации) реально 46,6% голосов за ЕДРО при явке 57%)	При гипотезе 10% фальсификации - реально 43,7% голосов за ЕДРО при явке 54%)	При гипотезе 15% фальсификации - реально 40,4% голосов за ЕДРО при явке 51%)	При гипотезе 20% фальсификации) реально 36,6% голосов за ЕДРО при явке 48%)
Владимир Путин	69,5	65,2	62,2	60,5	59,1	57,7
Геннадий Зюганов	12,2	14,4	13,1	15,3	15,9	16,4
Владимир Жириновский	7,3	8,3	8,4	9,6	9,9	10,1
Михаил Прохоров	5,5	5,8	6,5	7,8	7,9	8,3
Сергей Миронов	4,9	5,2	5,1	6,0	6,3	6,5
Испортили/унесли бы бюллетень	0,7	1,1	0,7	0,9	0,9	0,9

Вариант 2. ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ГОЛОСОВ ОТ ДРУГИХ ПАРТИЙ ЕДИНОЙ РОССИИ ПРИ ЯВКЕ 60%

Вопрос: ПРИШЛИ БЫ ВЫ НА ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ, И ЕСЛИ ДА - ЗА КОГО БЫ ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ, ЕСЛИ БЫ В СПИСКЕ КАНДИДАТОВ БЫЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛИТИКИ? (Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 24-27 февраля 2012 года; (в %% от числа тех, кто «скорее придет на выборы» или «совершенно точно придет на выборы» и определился с выбором кандидата)

	Невзвешенные данные	При взвешивании по данным ЦИК (49,3% голосов за ЕДРО при явке 60%)	При взвешивании (гипотезе 5% фальсификации - реально 44,3% голосов за ЕДРО при явке 60%)	При взвешивании (гипотезе 10% фальсификации - реально 39,3% голосов за ЕДРО при явке 60%)	При взвешивании (гипотезе 15% фальсификации - реально 34,3% голосов за ЕДРО при явке 60%)	При взвешивании (гипотезе 20% фальсификации - реально 29,3% голосов за ЕДРО при явке 60%)
Владимир Путин	69,5	65,2	61,3	58,9	56,3	53,3
Геннадий Зюганов	12,2	14,4	15,1	16,2	17,1	18,2
Владимир Жириновский	7,3	8,3	9,9	10,5	11,2	12,5
Михаил Прохоров	5,5	5,8	6,9	7,3	7,6	7,6
Сергей Миронов	4,9	5,2	6,0	6,3	6,8	7,4
Испортили/унесли бы бюллетень	0,7	1,1	0,8	0,8	0,9	0,9

патернализма¹. Именно объяснения подобных механизмов господства и опирающихся на них технологий власти должно было бы требовать общество у социологов, а не подтверждения той или иной цифры. Но вместо запроса на компетентную интерпретацию, мы получаем разговоры о том, что единороссам или Путину «накручивают» голоса. Это не бедность социологии, а примитивность нашего образованного общества, отторгающего любое сложное знание о самом себе и других, непохожих на него².

Столь же безосновательны и другие утверждения Сатарова: «Социологам («в первую очередь это касается социологов, получающих государственные заказы. Вольно им обманывать нас за наши денежки!») можно снова начать верить только тогда, когда, касаясь общественно-важных проблем, они начнут придерживаться набора простых правил»: 1. «публиковать и исходные проценты, и прогноз; раскрывать методы прогнозирования»; 2. «Делать доступными исходные базы данных с ответами респондентов».

Во-первых, за 10 лет с 2002 года (после рейдерского захвата ВЦИОМ и образования в 2003 году Левада-Центра), мы не получали никаких государственных заказов на электоральные или политические исследования, и, стало быть, вся авторская филиппика гроша ломаного не стоит. (Исключение составлял один пробный небольшой опрос москвичей и питерцев,

¹ «Каждый политолог, занимающийся тоталитарными формами правления, хорошо знает, сколь справедливы слова Дэвида Юма, утверждавшего, что самый тиранический режим опирается на поддержку общественного мнения» - Э.Нозль-Нойман. Цит. соч., с. 27; «Там, где поддержка со стороны индивида вызывает опасения, включаются средства насилия, чтобы запугиванием и угрозами принудить людей к конформизму. Но большинство населения не думает об этом, потому что благодаря многообразию средств массовой информации оно убеждено в благородстве целей правительства и его способности их осуществить и потому добровольно поддерживает его, отстраняясь от диссидентов, которые – как ему кажется – хотят помешать продвижению к великому счастливому будущему. Лишь во времена кризисов, непреодолимых трудностей люди начинают сомневаться. Поскольку управляемые СМИ и запрет на оппозицию не обеспечивают свободного общественного проявления таких сомнений, индивид во многом полагается на чрезвычайно «чувствительное» наблюдение за окружением, чтобы оценить, каково настроение населения, как в действительности думают другие» - там же, с.28. Ханна Арендт (в книге «Эйхман в Иерусалиме») тоже подчеркивала, что пассивность и покорность при тоталитарных режимах равнозначна поддержке власти.

² Справедливости ради отмечу, что такие журналисты, как, например, А. Стреляный, предлагают гораздо более серьезное понимание природы электоральной поддержки власти и характера нашего общества (см.: Стреляный А.. Византийская выправка// Радио «Свобода». 6 марта 2012. - <http://www.svobodanews.ru/content/article/24506147.html>).

предназначенный, как мне показалось, скорее для проверки качества работы опросных служб, связанных с Кремлем). Все тематические опросы подобного рода (а это более 350 проектов) проводились либо благодаря научным грантам, либо по договорам с неправительственными организациями, либо за счет наших внутренних средств.

Во-вторых, в наших собственных публикациях делается и то, и другое, хотя в широкой прессе эти условия иногда не выдерживаются из-за неряшливости журналистов или непонимания ими важности этих деталей.

В-третьих. Обязанность открывать базы данных – совершенно несурзающее требование для негосударственных исследовательских центров, и этого в мире практически никто не делает. Попробуйте получить базы данных в Институте демоскопии в Алленсбахе – там лишь пожмут плечами. Но мы, как и некоторые другие социологические компании в России, это делаем. **Все наши основные исследования**, не имеющие коммерческого или маркетингового характера, то есть такие, заказчик которых не накладывает запрета на публикацию по каким-то своим причинам, – давно открыты для свободного доступа, поскольку мы регулярно и на безвозмездной основе передаем их в «Единый архив социальных данных», существующий ныне в рамках НИУ ВШЭ. Архив создан еще в 2000 году по инициативе Ю.А. Левады и Т.И. Заславской для ознакомления исследователей (особенно – из провинции, ограниченных в средствах) на основе нашего «Мониторинга экономических и социальных перемен», начатого в еще старом ВЦИОМ, и исследований других центров изучения общественного мнения. Коллекции социологических данных ЕАСД представлены в сети (<http://sophist.hse.ru/db>), что обеспечивает свободный доступ к данным более чем 5000 зарегистрированных специалистов, каждый десятый пользователь – зарубежный исследователь (сайт – на русском и английском языке). Сказать, что Сатаров не знает об этом? Может быть и так, хотя ИНДЕМ передал туда свои исследования по коррупции. Поэтому остаются только два объяснения: профессиональная некомпетентность и недобросовестность. Думаю – и то, и другое.

Лицемерное напоминание о Ю.А. Леваде здесь не просто неуместно, но и оскорбительно для его памяти. Напомню, что Ю.А. в ситуации, когда внутренние интриги среди путинского окружения стали причиной некоего информационного шума и навязчивых разговоров о рез-

ком падении рейтинга Путина, инициированных с целью вынудить последнего к жестким мерам, он был единственным, кто выступил с опровержением, говоря, что никакого снижения Левада-Центр не фиксирует.

Подытоживая, вынужден сказать, что когда от лица общественного мнения громче всех выступает человек профессионально незнакомый ни с практикой эмпирических исследований, ни с теорией социологии, дело плохо. Это демагог. Совершенно неважно при этом, какими соображениями он руководствуется. Вопросы точности социологического измерения, несомненно, должны обсуждаться, в том числе — и в публичном поле. Беда только, если вся социология сводится к дискуссиям о том, как вы или они проголосовали. Из всей теоретической и аналитической работы нашего Центра, ведущейся уже более двадцати лет, включающей исследования и по «советскому человеку», и по антропологии власти, и трансформации инсти-

туциональной системы, и многому другому, публика в состоянии принять лишь этот сегмент.

Нынешний спад протестной активности в стране связан, среди прочего, с отсутствием ясных перспектив политической жизни, отсутствием понимания, где и откуда могут взяться силы изменения и общества, и режима, с интеллектуальной, аналитической и политической слабостью лидеров оппозиции и формирующейся российской публичности. Склонность к простым ответам на вопросы, оказывающиеся слишком сложными для нашей плохо образованной (в сравнении с ее амбициями) и ангажированной публики, опасный симптом. Неспособность видеть и понимать других, в том числе и другую часть общества, которая, возможно, не нравится или вызывает самые негативные чувства, может служить признаком инерции советского человека. Как было сказано когда-то, «социология рождается из духа общества». Читайте Леваду.

АВТОРЫ НОМЕРА

БОНДАРЕНКО Наталья Владимировна (Левада-Центр)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Левада-Центр)

ДУБИН Борис Владимирович (Левада-Центр)

ЗОРКАЯ Наталья Андреевна (Левада-Центр)

КОСОВА Лариса Борисовна (НИУ ВШЭ)

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна (Левада-Центр)

ЛЁЗИНА Евгения Владимировна (независимый исследователь)

ПАНИОТТО Владимир Ильич (Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Киевский международный институт социологии)

ХАРЧЕНКО Наталья Николаевна (Киевский международный институт социологии)

ЮДАЕВА Ксения Валентиновна (Сбербанк РФ)

SUMMARY

Russian Parliament Election: Electoral Process under Authoritarian Regime (by Lev Gudkov, Boris Dubin, Nataliya Zorkaya). The authors analyze the data of nation-wide surveys of the 2000-s and trace changes in the attitude of various groups of the Russians towards Duma and the President election during these years, the dynamics and motives of participation in election and draw a conclusion that the functions of this democratic institution have undergone dramatic transformation during «Putin» period and it has actually turned into an obedient instrument of ritual acclamation of the working authorities. December 2011 Election to Duma is scrutinized most closely: the Russian population dispositions before the Election, motivation of participation and non-participation in electoral process, shifts in electorate of the major parties, the level of satisfaction and dissatisfaction with the results, Muscovites protest reaction to the Election results and the attitude of the country population to the protest actions in December 2011 – March 2012. Discussing the issue of justice, «transparency», honesty of the Election and the scale of its results falsification by and in the interests of the authorities, the authors raise the question of sociological typology of electoral behavior under specific conditions of totalitarian control over political sphere, the processes of parties' formation, mass media activities in the absence of political and civil freedom of population.

Transformations of Political Culture in Post-Totalitarian Societies. Post-World War II West Germany and Post-Soviet Russia in Comparative Perspective (by Evgenia Lezina). The article addresses transformations of political culture in the two post-totalitarian societies of the postwar Federal Republic of Germany and post-Soviet Russia. Transformations of West German and Russian societies are analyzed from the perspective of citizens' orientations towards political system and their participation in it, focusing on such variables as interest in politics, the feeling of political efficacy, political participation, social trust, and support for democratic values.

As the comparative analysis has revealed despite a rather protracted period of citizens' apathy and non-participation, West German postwar political culture has experienced a gradual democratization of political orientations. The progressive increase of political interest and political discussion, political efficacy, general trust, and, eventually, political participation, finally occurred with the most drastic increase by practically all analyzed variables taking place in the late 1960s and early 1970s. These changes have coincided with – or, arguably, were caused by – the emergence of the highly active protest student movement of 1968, thousands of citizen-initiative groups across the country, and, subsequently, the new social movements of the 1970s-1980s – the environmental, the anti-nuclear energy, the women's and the peace movements.

In post-Soviet Russia one could observe the opposite situation: the wave of public activity subsided within the first post-communist years and since then there has been an overall decline by practically all variables of political involvement. With some minor exceptions of rare and nonsystematic citizens' activism the overall picture, as the survey data have shown, has largely remained unchanged. Only in the recent years – approximately since 2005 and especially since December 2011 – some grassroots initiatives, networks and mass protests have started to appear in Russian cities.

As for the West German case, the following sources of political culture transformation are regarded as determinant: overall system performance, socioeconomic modernization that brought about a gradual shift in the social structure, and changing of socialization patterns (in which political values are formed and through which they are transmitted). The latter change in the Federal Republic was largely determined by the educational reforms which affected both the content and the structure of secondary and higher education.

Prospects for Russian Modernization in the Context of International Comparisons (by Larissa Kosova). Using the data of International Social Survey Program of 1996 and 2006 in 15 countries

from Australia to Japan including Russia and the USA, L.Kosova analyses population beliefs connected with the role of the State in social and economic life and their dynamics for 10 years. During these years population attitudes to active State regulation of social sphere have grown in New Zealand, the USA, Australia and Hungary, in other countries paternalistic dispositions have decreased – this trend is particularly pronounced in Poland and Eastern Lands of Germany which populations, according to the data of 1996, were close to the Russians on paternalism. In Russia paternalistic attitudes have somewhat decreased during these ten years, however the majority of population still support intensive interference of the State in economic life, situation in labor market, differentiation of various groups incomes. The greatest level of paternalism is observed in the Russian social periphery: less educated groups, inhabitants of rural and small towns' communities, they making up over 3/5 of adult population.

Innovational and Enterprising Potential of the Society (by Natalya Bondarenko, Marina Krasilnikova and Xenia Yudayeva). The data of International research of business activity carried out by European Commission in 27 countries and nation-wide survey conducted by Levada Center granted by the Saving Bank of Russia Center for macro-economic studies, are used for the analysis of various countries inhabitants' attitude to business activity, their inclinations to competitiveness and business risks, attractiveness of business for them, and the influence of their own unsuccessful experience on these dispositions. The authors come to a conclusion that in the Russian society there are values necessary for the country modernization but they are not aimed at practical using, do not serve as regulators of every day practices being very often just trimmings for archaic, group mechanisms, and connected with them personal relations and informal rules. And this is a hindrance to innovational and modernizational development in Russia.

The crisis in the survey methods and ways to overcome it (by Nathalya Kharchenko and Vladimir Paniotto). Article was prepared on the basis of a report presented at the conference «Crisis in the survey methods and ways to overcome it» (Kiev, October 28-30, 2011). According to the last available industry survey, ESOMAR Global-Market-Research-2009, face-to-face interview method has first given way to CATI, and later to on-line surveys. If we take as 100% orders for 3 main survey methods in 2009, total amount of interview orders in the world has made up about 25%; CATI

– 32%; while Internet surveys – 43%. Concerning Ukraine, face-to-face interviews are continue to dominate (44%), while phone surveys take 33%, and Internet surveys take 23%. The problem is that phone penetration rate in Ukraine interfered with CATI development, while the level of Internet spread does not allow conducting representative population surveys via Internet. At the moment, only about 53% of population have landline phones (78% have mobile phones), and only 40% are Internet users. Therefore, possibly in contrast to other countries, the most promising for Ukraine is not transition from F2F to CATI, but transition to Mixed-Mode Surveys. The examples of conducting Mixed-Mode Survey by Kiev International Institute of Sociology is examined on the basis of Kyiv 2008 Mayoral Elections.

«The Looking Glass is not to Blame if your Own Face is Plain» (by Lev Gudkov). The author comments on the paper by Georguyi Satarov in «New Gazeta» («New Newspaper») where G.Satarov brings in question professional qualities of Levada Center researchers in carrying out electoral surveys, doubts the accuracy of their measurements, objectivity in presentation and interpretation of the results. Relying on various versions of statistical calculations, L. Gudkov defines more precisely the scope of hypothetical deviations of «actual» outcome of December 2011 Election from officially published ones and finds these deviations to be much more modest than a number of oppositional politicians and other people who were discussing this problem do. But what is most important, the author raises a principal sociological question of different motives for participation and non-participation in the Election among various population groups and, correspondingly, of different sources of outcome distortions, that is of participants' different social roles and diverse functions of electoral procedure for them. Distortions, as L.Gudkov believes, shouldn't be described only as malicious «throwing in», registering non-existing voters and other purposive falsifications on the part of electoral Commissions members of various levels. Apart from distortions of such type which had undoubtedly taken place one should point out dishonesty of these Election, incongruence with democratic standards caused by authoritarian features of political system (using administrative resources, making electoral laws more severe and manipulations with them, arbitrariness of Courts under the control of the authorities, etc.) and accompanying conformism of the majority of citizens who in such cases are passively adjusting to the circumstances which, according to their own admission, they are unable to change.

ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2012 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2012

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10